

ДЖ. П. КАППЕР
ВИКИНГИ
БРИТАНИИ

ЕВРАЗИЯ

D. P. KAPPER

THE VIKINGS OF BRITAIN

London
George Allen and Unwin Ltd.
Museum Street
1937

ДЖ. П. КАППЕР

ВИКИНГИ БРИТАНИИ

Санкт-Петербург
2003

ББК 63.3(0)4
УДК 94
К20

За помощь в осуществлении издания данной книги
издательство «Евразия» благодарит
Кипрушкина Вадима Альбертовича

Научный редактор
к. и. н., д. ф. н. Хлезов А. А.

Каппер Дж. П.

К20   **Викинги Британии.** Пер. с англ. Ларионова И. Ю. — СПб.: Евразия, 2003. — 272 с.
ISBN 5-8071-0139-1

Книга, которую держит в руках читатель, является одним из классических выражений жанра научно-популярной литературы, посвященной эпохе викингов. Дж. П. Каппер рассматривает Британские острова как сборный пункт, в котором пересекались и сплетались в единый клубок судьбы десятков тысяч скандинавских воинов. На земле Британии началась и на ней же завершилась для Запада эпоха викингов. Автор прослеживает судьбы наиболее ярких личностей, которые стали символами эпохи и о которых отечественный читатель порой знает не так уж много. Детальный разбор того, что происходило в Шотландии, Ирландии, на Оркнейских, Шетландских и Гебридских островах, явится для многих ценным подспорьем для восполнения лакун в информации о викингах. Структура книги позволяет отчетливо ощутить, что в эпоху викингов добрая половина Старого Света была едина, и одну из самых важных ролей в этом процессе сыграли викинги.

ББК 63.3(0)4
УДК 94

© Ларионов И. Ю., перевод с англ., 2003
© Хлезов А. А., от редактора, 2003
© Лосев П. П., обложка, 2003
© Евразия, 2003

ISBN 5-8071-0139-1

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От редактора</i>	6
Предисловие	10
Глава I. Морские скитальцы	13
Глава II. Меч и щит	28
Глава III. Домашний очаг и родное поместье ...	51
Глава IV. Длинные корабли	73
Глава V. В Англии	93
Глава VI. В Ирландии	119
Глава VII. На островах	138
Глава VIII. Добрая страна Винланд	160
Глава IX. От молота Тора к кресту	178
Глава X. Святой викинг	195
Глава XI. Путешественники в Йорсалир	205
Глава XII. Последний из викингов	225
Глава XIII. «Up-helly-aa»	243
Библиографические примечания	252
Приложения	
I. Галеры, найденные в Скандинавии	265
II. Краткая хронология	268
III. Основные работы и источники	270

ОТ РЕДАКТОРА

Книга, которую держит в руках читатель, является одним из наиболее классических выражений жанра научно-популярной литературы — в том смысле, что она лежит на той не вполне отчетливой грани, где строгая академическая наука соприкасается с художественной литературой. В такой сфере, как история походов и деятельности викингов, упомянутая грань вообще малоуловима. В самом деле — ведь большинство информации, которая доступна нам, информации, касающейся этих вождей, воинов, торговцев и рыболовов Севера, почерпнуто из художественных по сути своей произведений — из саг и стихов скальдов. Да и сами люди той эпохи вполне осознанно и целенаправленно стремились — в большинстве случаев, — к тому, чтобы история их жизни оставалась в памяти потомков своеобразным эпическим памятником. Именно поэтому, сколь бы литературным и

образным ни казался нам язык подобных произведений современных авторов, не вызывает никаких сомнений, что сами герои их повествования остались бы вполне довольны тем, как их описывают. И даже это не самое главное. Важнее то, что такой подход помогает нам самим лучше понять эпоху, о которой, при всем желании, невозможно говорить только языком цифр, графиков и социологических абстракций.

Блестящая, написанная «на одном дыхании», книга «Викинги Британии» увидела свет в 1937 году, в очень своеобразный период мировой истории. Европа, застывшая, как кролик перед удавом, в общеизвестном оцепенении перед готовой вот-вот разразиться мировой войной — в которую, впрочем, практически никто на Западе не верил, — совершенно однозначно достигла пика своего могущества. Цивилизация Старого Света переживала последние годы своего абсолютного всевластия, перед тем как в самоубийственной междоусобице окончательно уступить верхнюю ступень пьедестала Новому Свету и Третьему миру. Симптоматично, что саморефлексия европейцев достигла тогда наиболее завершенных форм. А одной из самых ярких страниц прошлого древнего континента, и уж, конечно, одной из привлекательнейших для главных его этносов, была эпоха викингов. И немцы, и французы, и англичане — не говоря, разумеется, о самих скандинавах — все они воспринимали эту эпоху как часть *своего* наследия, вне зависимости от того, в какой роли выступали их предки примерно тысячу лет назад.

Заявленная в названии тема не становится для автора догмой и единственной целью — это лишь отправная точка. В самом деле, при чтении этой книги возникает ощущение, что стоишь на главной площади средневекового города, от которой в разные стороны разбегаются дороги, ведущие далеко за горизонт, но объединенные именно этой площадью, которая делает их одним целым. Именно таким образом Дж. П. Каппер рассматривает Британские острова как тот сборный пункт, в котором пересекались и сплетались в единый клубок судьбы тысяч и десятков тысяч скандинавских воинов. И куда бы ни приводила их судьба — обратно в Норвегию и Данию, на холодные острова Атлантики, в далекий и неизведанный Винланд или в не менее странный и, в общем-то, не более доступный для викинга Иерусалим, — повсюду находились люди, с которыми судьбы героев были переплетены, а нити эти тянулись именно на Британские острова.

И это неудивительно — ведь на земле Британии началась и на ней же завершилась для Запада эпоха викингов, на тверди Туманного Альбиона викинги пробыли, как говорится, «от звонка до звонка». Расположенная от Скандинавии в трех днях пути через Северное море, Англия самой природой была предназначена стать вторым домом для северян.

Автор, в распоряжении которого было не так много места на страницах сравнительно небольшой книги, не мог, естественно, рассказать обо всем. Однако ему удалось проследить судьбы наиболее ярких личностей, которые по праву стали

символами эпохи и о которых отечественный читатель порой знает не так уж и много: ведь большинство саг по-прежнему не переведено на русский язык, а в советской и российской традиции все же наибольшее внимание уделялось сагам исландского круга и тем событиям, которые были связаны с самой Скандинавией. Поэтому не вызывает сомнений, что детальный разбор того, что происходило в Шотландии, Ирландии, на Оркнейских, Шетландских и Гебридских островах, явится для многих ценным подспорьем в восполнении лакун массива информации о викингах.

Вместе с тем прием, взятый Дж. П. Каппером за основу в построении своего повествования, позволяет вновь отчетливо ощутить, что в эпоху викингов добрая половина Старого Света была едина — едина ничуть не в меньшей степени, чем это предполагается планами строительства, например, «Новой Европы». И одну из самых важных ролей в этом процессе — роль, вполне сравнимую с той, что исполнило христианство, — сыграли викинги.

А. А. Хлевов

ПРЕДИСЛОВИЕ

В первую очередь несколько слов следует, пожалуй, сказать о написании в этой книге личных имен. Считаясь с тем разнообразием, которое свойственно скандинавским и саксонским именам, автор будет руководствоваться при их написании исключительно своим собственным вкусом. Например, Swein, Swain, Sweyn, Swend, Svend — все это одно и то же имя. Мне же самому больше нравится писать их так, чтобы при чтении можно было легко произносить идущие подряд согласные, на манер английского языка. Поэтому я пишу Свейн (Swain), хотя, быть может, это и не совсем верно. Однако я отказываюсь сокращать имя «Канут» (Canute) до неудобопроизносимого «Кнут» (Knut).

Список основных работ и источников приведен в приложении. При этом я должен отдельно выразить особую признательность за безвозмездно предоставленное мне право приводить цитаты

из уже опубликованных саг. Эрлинг Монсен, а также руководства издательского дома *W. Heffer and Sons* предоставили мне замечательную возможность приводить цитаты из выполненного Монсеном полного перевода «Круга Земного» (*Heimskringla*); хранитель *H. M. Stationary Office* дал возможность приводить цитаты из «Саги об оркнейцах», а господа из компании *J. D. Dent and Sons* — не только из «Круга Земного» в переводе Сэмьюэла Лэйнга (*Samuel Laing*), но также и из «Саги о Ньяле» и из «Саги о Греттире» (все они опубликованы в серии *Everyman Library*).

Редактор журнала «*Blue Peter*» позволил мне использовать в качестве материала для глав две статьи, опубликованные под моим именем в этом издании под названием «Путешественники в Йорсалир» (*The Jorsalafarers*) и «Последний из викингов» (*The Last of the Vikings*).

И наконец, я весьма обязан госпоже Констанс Эллис за то, что она любезно предоставила в мое распоряжение собственные рукописные переводы различных саг; моим друзьям, Эдварду Крэнкшоу и Горацию Лизу — за их самую разнообразную помощь, а также — больше всех остальных — моей жене.

Длинный корабль под парусами
Картина Х. Лиса

ГЛАВА I

МОРСКИЕ СКИТАЛЬЦЫ

*Дерзкие в самых безрассудных деяниях,
Бремя коня моря...*

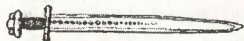
В самом слове «викинг» живет романтика. Ни один другой народ не может сравниться колоритностью с образом этих бешеных белокурых гигантов, державших в страхе добрую половину побережья всей Европы. От знойной Африки до льдов севера России, от Дублина до Константинополя едва ли найдется берег, не усвоивший, что значит знамя с изображением ворона.

Являя собою пример суровой жизни и героической смерти, эти, по сути своей, обыкновенные грабители обязаны своим особенным очарованием именно искусству мореплавания. Вообразите себе сухопутного викинга, и его образ сразу же потеряет всю свою силу. Слава военных подвигов закрепилась за норвежцами, однако все они — и норвежцы, и датчане, и шведы — без сомнения занимают достойное место среди самых первых в мире моряков. Обратитесь, например, к море-

ходам древнего Средиземноморья: большая часть путешествий классической эпохи представляла собой не более чем обычное плавание вдоль побережья. Когда галеры Цезаря шли к Британии, капитаны прокладывали свой курс от мыса к мысу вдоль берегов Испании и Галлии. Не часто случалось так, чтобы их нельзя было заметить с берега. Норманны же, напротив, подобно одним только финикийцам, не испытывали никакого страха перед плаванием в открытом море. Какие другие морские плавания древности можно сравнить с путешествиями в Исландию или в Гренландию, не говоря уж об Америке?!

Едва уловимая притягательность присуща самому слову «викинги», несмотря на то, что оно значит просто «люди из залива». Имя «норманны» также не затмило славу опустошителей Британии. Но блеск их тускнеет, когда историки беспристрастно навешивают ярлык «датчане», «даны» и на датчан, и на шведов, и на норвежцев, причем и на моряков, и на сухопутных жителей. «Морские конунги» звучит уже более внушительно. Правда, звание это было лишь почетным титулом, который носили викинги исключительно благородного происхождения, командовавшие собственными эскадрами на море: «с огромным войском, но без земли», как говорится в сагах. Я полагаю, что в этой книге будет лучше всего употреблять слова «викинги» и «норманны» как синонимы, в то время как две народности различать при помощи слов «норвежцы» и «даны».

НА ЗАПАД ЧЕРЕЗ МОРЕ

 норвежцы

 датчане

Карта «На запад через море»

Если задаться вопросом: «Кем были викинги?», то ответ очевиден: они — пираты-скандинавы эпохи викингов. На первый взгляд все просто. Однако границы самой эпохи викингов определить ничуть не легче, чем границы любой иной «эпохи». У нее нет определенного начала и фиксированного конца. В самом лучшем случае мы можем утверждать, что она началась тогда, когда в туманной древности на берег Англии были вытаснены первые черные корабли, и продолжалась все то время, пока норманны постепенно превращались в более или менее законопослушных граждан. В грубом приближении эпоху викингов обычно связывают с периодом между девятым и одиннадцатым столетиями. Но даже в таком случае к эпохе викингов придется отнести значительные промежутки времени до и после указанных границ. Если обратиться, например, к завершению эпохи викингов, то викинги с островов Северной Британии нападали и предавали огню наше побережье приблизительно вплоть до тринадцатого столетия: спустя многие годы после того, как норманны проложили путь от своей родины через Северное море, Свейн, которого называют «последним из викингов», но который, собственно говоря, не был последним, погиб с окровавленным мечом в руке уже во времена правления Генриха II.

Точно так же обстоят дела и с началом эпохи. В самом конце восьмого столетия норвежцы высадились на побережье Англии, возле Дорчестера,

и убили обратившегося к ним за разъяснениями чиновника. Они разграбили несколько английских аббатств и, пройдя по северу Шотландии, добавили к этому списку Айону и церковь в бухте Дублина. «Вот церковь святого Кутберта, обогрелая кровью священников Христа», — восклицает живший в восьмом веке монах со Святого острова.

Судя по всему, эти ранние набеги — одни из первых случайных разведок, которые в поисках легкой добычи проводились викингами повсюду. Возможно, что такие грабительские походы были делом даже отдельных семей — эти первые волны того прилива, который вскоре во внезапном своем неистовстве должен был затопить берега всей Британии: от дальних Шетландских островов вплоть до островов Силли.

Первыми, кто нанес удар, были норвежцы, выходцы из Норвегии. Вынужденные жить изолированными группами на берегу фьордов или заливов по причине того, что внутреннюю часть их страны составляли горы, норвежцы уже обладали всеми теми инстинктами и чертами, которые с такой интенсивностью были выражены в викингах. Кроме того, каждый норвежец был индивидуалистом, постоянно сражавшимся за свою землю. Рыбой — его основной жатвой — он располагал в изобилии; труд же в пределах своего хутора не давал развернуться его темпераменту и бьющей через край энергии. Ему требовались смена обстановки и приключения — какой же иной путь

был для него лучше, чем путешествие по морю, дорога к которому начиналась прямо у дверей его дома?

К тому времени викинги уже обучились своему ремеслу, на протяжении многих столетий совершая набеги и отражая вражеские нападения на всем пространстве Балтийского моря, а также вдоль ближайших берегов к югу от Норвегии. Эти походы изобиловали славными сражениями, но добычу Балтика давала скудную. Там не было ни аббатств, которые можно было бы разграбить, ни чужих земель с новыми, невиданными богатствами, которые можно было бы захватить. Британия же сулила норвежцам все, что морской разбойник мог пожелать, стоило только указать ему к ней путь. Пришедший с неведомого Севера, он, помимо своего вооружения, пугал своей таинственностью. Его корабль, словно разинувшее пасть чудище морских глубин, исчезал за горизонтом столь же внезапно, как и появлялся, и следами его на земле оставались лишь дымящиеся развалины. Нетрудно представить себе и триумфальное возвращение искателей приключений к причалу семейного имения. Одного только взгляда на длинный корабль, доверху нагруженный богатствами, или на украшения из золота и серебра, в которые хвастливо разрядилась его команда, было достаточно, чтобы внушить неугомонной молодежи нестерпимое желание испытать свои силы в беззаботных, словно игра в салочки, походах «на запад через море».

Датский рог войны издревле вторил эхом норвежскому. Для датчан путь, ведущий в Англию, был быстрее и легче. Они могли приплыть напрямую через Северное море или же пройти вдоль берегов Нидерландов, чтобы совершить переход по открытому морю еще короче. По тому ли, или по другому пути, но восточные ветры приносили с собой черные паруса смерти, становившейся от лета к лету все более жестокой. Началось завоевание Англии датчанами. В середине девятого века датчане впервые остались на английской земле на зиму, вследствие чего хорошо подготовились к долгой борьбе, которая привела к тому, что из рук короля Альфреда была вырвана область Датского права — Денло (Danelaw).

Несмотря на то, что иногда и датчанин, и норвежец достигали Ла-Манша, минуя по дороге одни и те же стоянки во Франции и Фландрии, пути их были различны. В Нортумбрии они встречались, сражались, общались друг с другом; однако кратчайший путь к захватывающим приключениям пролегал от Норвегии вокруг Северной Шотландии. Пробившись через пролив Пентланд-Ферт, норвежцы поворачивали на юг, где среди узких морских проливов западного побережья находили идеальное место для охоты.

Богатство ирландской Церкви вскоре привлекло их, а после них — и датчан. Тут и там вдоль ирландского берега незанятые устья рек превращались в морские базы, а базы перерастали в королевства. «Светлые чужестранцы» и «Темные

чужестранцы» резко повернули историю Ирландии, подобно тому как историю Англии изменили датчане Нортумбрии и норвежцы Камбрии.

Нападение на Британию, однако, было только одной из фаз нашествия викингов. Пока одни норвежцы основывали свои маленькие королевства в Ирландии, другие нащупали путь к югу, в Средиземное море, и уже занимались тем, что совершали набеги на Ривьеру и разоряли города Италии.

Норвежцы и датчане вместе разграбили Париж и совершали глубокие рейды вдоль доброй дюжины французских рек, выходя из своих укрепленных лагерей в устьях, огнем прокладывая путь завоевания Нормандии. Тем временем шведы из Балтийского моря продвинулись вниз по Днепру или Двине через сердце Руси столь далеко, что чуждый звук их речи побеспокоил народы, жившие по берегам Черного моря, и самые стены Константинополя. Они двигались на восток, на запад, на юг и на север: словно все увеличивающийся рой ос из своего улья.

Рассказ о том следе, неизгладимом следе, который викинги оставили не в Британии, а в остальной части Европы, лежит за границами нашего повествования. В качестве примера можно упомянуть о том факте, что, помимо прочих их достижений, они основали королевства на Сицилии и стояли у истоков государства на Руси. Однако знаменитая варяжская гвардия греческих императоров из Константинополя имеет уже непосредственную связь с Британией. Ядром этого воин-

ского формирования были шведские викинги, и в ходе развития оно выросло в элитарный корпус, состоящий из норманнов различного происхождения, столь привилегированный, что подчинялся исключительно приказаниям императора и императрицы. Со временем, когда его ряды пополнились за счет тех молодых саксов, датчан и норвежцев, которые предпочли покинуть Англию, чем подчиниться Вильгельму Завоевателю, корпус этот превратился чуть ли не в английскую резервацию. По иронии судьбы за несколько лет до этого главой варяжской гвардии был тот самый Харальд, которому король Гаральд Английский незадолго до битвы при Гастингсе пообещал «только семь футов земли и не более того» у Стэмфордбриджа.

Датчане были преданы морю в меньшей степени, нежели норвежцы, так что они, по-видимому, были более склонны к тому, чтобы перво-наперво начать строить для себя на захваченных ими территориях свой новый дом. Их обычная тактика была такова: они направляли свои быстроходные суда к устью какой-нибудь реки, к мелководью. Нередко продвинувшись уже далеко в глубь страны, они вытаскивали корабли на берег, устанавливали корабельные тенты как палатки и возводили лагерь, окруженный частоколом или земляными укреплениями. Из лагерей они совершали свои набеги либо пешим строем, либо на захваченных ими лошадях, составляя отряды передвигающейся верхом пехоты. Их отлично воору-

женные стройные ряды редко встречали серьезное сопротивление, чему способствовала и их ужасная репутация. Им подчинялись целые районы, едва испытав на собственном опыте, как отважны норвежцы в сражении и как они в не меньшей степени жестоки в обращении с пленными. Лагерь же, становившийся все более привлекательным за счет награбленной утвари и захваченных в плен женщин, вскоре превращался в центр постоянного поселения. В Англии весь этот процесс протекал проще. Норвежцы и саксы были родственными народами: в их образе жизни, в общественных институтах было много общего и, что немаловажно, они могли без особого труда понимать языки друг друга. Однако это вовсе не значит, что родственное чувство притупило в Англии лезвие секиры викинга.

В отличие от датчан норвежцы, по крайней мере в ранний период завоевания, смотрели на Британию как на дойную корову. Однако Норвегия была слишком далека, чтобы служить удобной базой для набегов. Само собой напрашивалось решение проблемы — использовать в качестве базы какой-нибудь остров, располагающийся вблизи морского побережья. К примеру, расположение островов Флет-Хольм и Стип-Хольм было идеально для совершения небольших набегов на оба берега Бристольского залива.

Крайне удобным для длительных стоянок были группы островов близ Шотландии: Оркнейские и Гебридские острова, располагавшиеся на

пути к Британии. Оркнейские острова играли роль естественного пристанища на полпути из Норвегии к западному побережью. Они были захвачены как раз незадолго до того, как черные корпуса кораблей и темно-красные паруса на горизонте заставили колокола английских аббатств забить тревогу.

На более отдаленных Гебридских островах власть все еще находилась в руках местного населения; прибывающие норвежцы были вынуждены мечом расчищать место для новых жилищ и готовиться к тому, чтобы провести не одну зиму во враждебной им стране. Но это не было для них непреодолимым препятствием. Есть свидетельства того, как в самом начале деятельности викингов в британских водах один из грабителей выдворил с Гебридов местного правителя и на три года обосновался на острове Барра, беспрепятственно совершая набеги на Ирландию и в глубь Шотландии.

Населявшие Оркнейские острова пикты, очевидно, были весьма многочисленны, однако они каким-то неведомым образом были без остатка стерты со страниц истории. Норвежцы получили здесь возможность развернуться в условиях, напоминавших родные земли. Когда же твердая рука Харальда Прекрасноволосого выдворила из Норвегии за море целое полчище непокорных представителей знатных семей, Шетландские и Оркнейские острова обрели новых и весьма неспокойных жителей. Флот Харальда нанес им

несколько воспитательных визитов и вскоре положил конец новомодному обычаю совершать набеги с этих островов на берега самой Норвегии, и все же, несмотря на это, за Оркнейскими островами жестко закрепились в те времена функции основной резиденции морских грабителей. Окончив свои набеги на южные побережья, викинги могли возвращаться по осени в эту крепость, чтобы в безопасности наслаждаться спокойствием долгой северной зимы. Случалось, правда, и так, что норманны, державшие путь на запад или возвращавшиеся оттуда, по пути разоряли и Оркнейские острова, но это были, если можно так выразиться, внутрисемейные разборки.

Тому, у кого возникнут сомнения в искусстве мореплавания викингов, ясным и решительным доказательством послужат встречные приливы и отливы устьев пролива Пентланд-Фёрт со своими водоворотами, вихрями и водопадами, со своими «Могучими Людьми» и «Свелки». Грабители постоянно проходили Пентланд, но в сагах имеется очень скудное упоминание о его опасностях, и в этом видна школа, пройденная ими среди быстрин своих родных вод. Более того, прежде чем достичь Пентланда, им необходимо было преодолеть гораздо более грозное место. Как раз на их пути между Шетландскими и Оркнейскими островами находился «грозный бурлящий поток» Самбург-Руст. Можно подумать, что, проходя близ острова Фэр-Айл, они держались ввиду берега, не приближаясь к нему; однако на самом деле суда,

напротив, обычно бросали якорь под защитой самого Фэр-Айла. Так, одному оркнейскому ярлу, захваченному бурей врасплах при проходе через Самбург-Руст, удалось выпутаться из этой беды, не потеряв ни одного из своих шести кораблей.

Однако, пройдя Пентланд-Фёрт, стремящиеся на запад норвежцы еще только приступали к решению трудных задач своего плавания. Не довольствуясь более плаванием близ более-менее безопасных берегов, некоторые из них пускались в беспокойный путь вдоль открытого Атлантике побережья Ирландии.

В Ирландии, равно как и на Гебридских островах и на острове Мэн, поселенцы вступали в браки с местным кельтским населением, давая начало смешанным родам, которых отличал уже свой собственный характер. Только Оркнейские острова остались колонией, сохранившей чисто норвежское население и еще очень долго не оставлявшей своих прежних занятий. Было время, когда оркнейские ярлы распространили сферу своего влияния от Шетландских островов через огромные пространства Шотландии до самой Ирландии. В течение весьма длительного периода острова оставались главным местом сосредоточения норвежских сил за пределами самой Норвегии.

Это не единственная, но одна из важных причин, почему мы знаем так много об истории Оркнейских островов и почему мы должны уделить им особое внимание в нашем рассказе о викингах на Британских островах. Благодаря тесной связи

Оркнейских островов с Норвегией в исландских сагах, служащих основным источником нашего знания о викингах, сохранились записи практически обо всей истории этого владения.

Рассказы многих романтических саг, разумеется, были приукрашены на манер колоритных выдумок средневековых трубадуров. Однако подлинные исторические саги, застывшие, словно среди льдов, в отдаленной норвежской общине в Исландии, полностью сохранили свою безыскусную форму. Плеск воды под веслами и звон меча, ударяющего о щит, звучат в их строках вполне реалистично. В исторических сагах практически нет места вымыслу; по крайней мере, вымыслу намеренному. Рассказчик саги представлял события такими, как он их понимал, и мог черпать материал непосредственно из современного ему контекста. Описание важных событий было занятием скальдов, игравших с большим или меньшим успехом роль своеобразных военных корреспондентов. Оркнейскому ярлу Торфинну Могучему посчастливилось всегда иметь на своей стороне преданных скальдов, которые в стихах вели хронике его дел и слов, сражался ли он на суше или на море, совершал ли набеги на Шотландию или праздновал победу дома. Однако примеров подобного применения мастерства скальдов множество. Олав Святой незадолго до роковой битвы при Стиклестаде приказал трем скальдам, находящимся в его армии, укрыться за щитовым заслоном, то есть в кольце бесстрашных тяжело-

вооруженных воинов, дабы грядущее поколение располагало впечатлениями о битве из первых рук. Подобно газетному репортажу с рассказами свидетелей уличных происшествий, сага полностью приводит все три версии.

Разумеется, было бы наивным ожидать, что рассказ, передававшийся исключительно из уст в уста, не претерпел бы на протяжении нескольких поколений никаких изменений или искажений. И все же саги, помимо их литературной ценности, оказались при их пристальном изучении на удивление достоверными. Как бы то ни было, но именно они послужили основным источником сведений для данной книги, и мы лишь изредка дополняем их свидетельства материалом других источников.

ГЛАВА II

МЕЧ И ЩИТ

Когда дроты пели и летали стрелы...

Среди персонажей саг нет такого, который был бы столь же пленителен, как берсерк. Необыкновенно сильный, нечувствительный к боли и ранам: трудно было найти лучшего товарища в бою. Несмотря на его рык и пену у рта, репутация его внушала даже еще больший ужас, чем он сам. Саги, рассказываемые у домашнего очага, повествовали о том, как эти герои, случись им прийти в ярость, могли глотать горячие уголья, вырывать с корнем деревья, рассекать человека пополам одним ударом. Конечно, их образ был окружен тайной.

Иметь в своей команде берсерка считалось честью, хотя и не доставляло удовольствия. Внутри коллектива и в периоды мира он был человеком совершенно невозможным. Памятуя о его сверхъестественных способностях, всякий радушно принимал его как гостя, однако берсерк был способен в любой момент стать причиной беспокойства

домочадцев. Стоит слегка задеть его, как он, охваченный одним из своих сумасшедших припадков, без разбора обрушится на друга или на незнакомца и примется крушить имущество. Вероятно, он и в прямом смысле был сумасшедшим, то есть имел маниакальные наклонности. Возможно, он был неуравновешен вследствие чрезмерной погруженности в себя; возможно — из-за полного отсутствия какой-либо сдержанности. Да и зачем было ему контролировать себя, ведь его неистовство наполняло окружающих благоговейным страхом и почтением? Ведь ни один воин, несомненно, не мог быть столь полезным, учитывая манеру ведения боя, характерную для норманнов.

Викингов можно было бы счесть прототипами морских пехотинцев — если бы их жизнь на море не предъявляла к ним особых требований. Одно и то же оружие они использовали одинаково как на море, так и на суше. Облаченные в шлем и кольчугу, они были движимы единственной идеей: добраться до ближайших жилищ и поразить их обитателей мечом или секирой. Сражались ли они на борту корабля или на равнине внутри страны, их девиз был таков: плечом к плечу, и пусть победит сильнейший. Сам по себе корабль также расценивался скорее как поле битвы, нежели как орудие ведения боя, так что необходимости в тактике или маневрах на море не было. Столкновения между соперничающими флотилиями напоминали парад и носили формальный характер. Типичная битва начиналась, подобно дуэли, с того

же набора приличествующих в таком случае действий и проводилась так же педантично, как и столь любезный норманнам стереотипный наземный поединок (буквально «поединок на острове»). Поначалу обе флотилии со спущенными парусами и сложенными мачтами подходили друг к другу, останавливались на расстоянии полета стрелы друг от друга и убирали весла. Затем на обеих сторонах суда сводились вместе и составлялись — нос к носу, корма к корме — в компактное скопление, почти что единое целое. Похожим образом несколько отдельных бревен, связанных друг с другом по своей длине, образуют прямоугольный плот. Представьте два таких плота, стоящих краем к краю друг напротив друга, — это и будут две флотилии, стоящие нос к носу и ждущие сигнала. Когда все были готовы, военный рожок давал сигнал. «Те, кто стоял на штевнях, были на расстоянии удара. Кто был на носу, наносили удары копьями, а те, кто был ближе к корме, бросали копья с наконечниками и дроты. Некоторые пускали стрелы и камни, а те, кто стоял позади мачты, стреляли из луков».

Почетное место в передней части корабля принадлежало отборным воителям — по преимуществу берсеркам. Стоявшие на возвышении на носу корабля — на его единственной палубе — и открытые опасности, они рубили врагов и отражали удары прямо под знаменем своего предводителя. Однако и во всей остальной флотилии не оставалось места трусу. В ходе сражения корабли захва-

тывались один за другим и очищались от людей; просить передышки, когда кровь викингов кипела, означало попусту тратить слова. Очистив корабль, захватчики перерубали канаты и предоставляли ему возможность плыть по воле течения куда угодно вместе с мертвыми и умирающими. Тем временем победители проникали на следующий в ряду корабль флотилии. Обычно захват начинался с боков, где располагались более слабые корабли; постепенно самое большое судно в центре оказывалось в окружении флотилии победителей. Считалось, что побежденной стороне повезло, если ей удавалось спасти треть своих кораблей.

Можно ли представить что-либо еще более непохожее на морские сражения средиземноморских военных галер? Никогда не предпринимались попытки идти на таран. Ближайшим аналогом тарана на носу был особым образом обшитый форштевень корабля одного из норвежских ярлов, давший судну уникальное имя *Железнодородый*. Однако даже столь причудливый корабль, каким был *Железнодородый*, в сражении был привязан к своему месту среди других кораблей и старался скорее проделать пробоину в непосредственно противостоящем ему судне противника, чем идти на таран.

В действиях отдельно взятого корабля, так же как и в битвах флотилий, огромную роль играло наличие дреков и абордажных крюков. Это можно проиллюстрировать одним эпизодом, повест-

вующим об исландце по имени Гуннар, который пытался прорваться сквозь центр вражеской флотилии: «Гуннар поплыл вперед между кораблей. Тогда Вандиль схватил крюк, бросил его на корабль Гуннара и тотчас же притянул корабль к себе... Гуннар... не медля, вскочил на нос корабля Вандиля и тотчас же зарубил одного из противников насмерть»¹.

Можно опять же вспомнить сражение среди Оркнейских островов, произошедшее между ярлом Торфинном, имевшим пять кораблей, и шотландским царьком из Северного Бервика, располагавшим флотилией, превосходящей противника более чем в два раза. Вначале обе стороны связали свои корабли обычным способом. Торфинн расположил свой корабль носом в направлении судна шотландского короля; и первенство вскоре оказалось в руках оркнейцев. «Тогда шотландцы собрались все под мачтой королевского корабля, а ярл Торфинн соскочил с кормы на палубу и стал биться с большой отвагой. И когда король увидел, что число его людей на палубе редет, он приказал им рубить канаты и плыть прочь. Тогда Торфинн и его люди бросили на палубу корабля конунга крюки, и Торфинн приказал поднять его знамя, понес его сам, а за ним устремилось множество людей». Проникая на шотландский корабль через нос, толпа захватчиков очистила его полностью от штевня до штевня.

Дреки использовались не только для того, чтобы подтянуть судно для абордажа, но также и для

буксировки поврежденного судна союзника из окружения противника. Как только корабль начинал на полном ходу удаляться, он был уже в безопасности: преследование бегущих было у норманнов столь же редким, сколь и скоротечным явлением.

Подобного рода консерватизм в отношении методов ведения сражения, очевидно, имел место и на суше. Поле битвы для враждующих отрядов викингов выбиралось заранее в определенный период времени и размечалось ореховыми ветвями подобно футбольному полю. Самой своей атмосферой бой напоминал поединок. И все же дух взаимной подозрительности витал в воздухе во время многих таких формальных схваток. На это были вполне весомые основания: до тех пор, пока человек не задевал своих кровных родственников, он не навлекал на себя великого позора, даже нарушив клятву или не выполнив обязательство. Рассмотрим, например, сражение между оркнейским Сигурдом Могучим и шотландцем Мелбригди, из Росса, — Мелбригди Зубом, прозванным так за торчащий изо рта зуб.

Ярл Сигурд со своими оркнейцами высадился на северном берегу Шотландии и, разоряя страну, двигался со своим войском на юг до тех пор, пока Мелбригди не вызвал его на битву. Они договорились в условленное время в условленном месте сойтись в схватке, имея с собой не более сорока человек. Сигурд, однако, заявил своим, что не доверяет шотландцу, и предпочел не

рисковать. На место встречи он прибыл во главе отряда в сорок лошадей, однако каждая везла на себе двух всадников. Мелбригди же, со своей стороны, сдержал слово. К тому времени, когда прибыл Сигурд, Мелбригди уже ожидал его, и вместе с ним было ровно сорок человек. Эта минута не была торжеством добродетели. Шотландцы, захваченные врасплох нападением отряда, вдвое превышающего их собственный, были перебиты все до одного. Сигурд же отрубил Мелбригди голову и забрал ее как своего рода сувенир. И все же последнее слово осталось за Мелбригди Зубом. Когда торжествующий Сигурд, привязав голову врага к подхвостникам на своем коне, удалялся с поля битвы, лошадь под ним дернулась и знаменитый зуб вонзился ему в ногу. «Нога распухла, и от этого Сигурд умер. Он погребен в кургане на берегу Эккьяля»².

Согласно общепринятым нормам, поступать не по чести считалось достойным похвалы в тех случаях, когда при помощи уловки было возможно одержать верх в битве на суше или на море.

Характерный случай произошел с Энундом, получившим прозвище Деревянная Нога. Энунд направлялся домой, после того как «три лета воевали у берегов Ирландии и Шотландии». Его флотилия, состоящая из пяти кораблей, шла курсом вблизи скал острова Бот, когда внезапно он оказался под угрозой нападения со стороны кораблей другой, и более многочисленной грабительской флотилии. Было равным образом бес-

смысленно надеяться как на бегство, так и на удачное сражение. Но, как гласит сага, «Энунд был человеком хитроумным». «Энунд распорядился направить корабли между двумя большими скалами. Пролив там был узкий и глубокий, открытый для нападения только с одной стороны, и то не больше, чем для пяти кораблей зараз». Затем он высадил свою команду с распоряжением забраться на одну из скал и наверху, в том месте, которое было скрыто от глаз врагов, свалить в кучу валуны. Когда засада была готова, он двинул свои судна дальше в пролив, тем самым запустив приманку в ловушку. «Вот корабли сошлись, и началась великая битва. Смело сражались и те и другие. В разгар битвы Энунд велел своим отойти к скале». Вражеские корабли, устремившись в погоню, проплыли за ними мимо подножья скалы, и были заброшены потоком «камней, и не было от них спасения»³.

К совершенно иному типу принадлежит рассказ о ложной атаке, которая была осуществлена при помощи лодок у Оркнейских островов, но и она может служить иллюстрацией применения военной хитрости на море. Стало известно, что великий Ренгвальд на Шетландских островах готовится нанести удар по владениям оркнейского ярла. Неожиданность — вот что могло быть его главным оружием, и правящий ярл организовал цепь маяков от острова Фэр-Айл и далее на вершинах Оркнейских островов, чтобы они дали сигнал о приближении Ренгвальда. Очевидно, что

Ренгвальду, в свою очередь, было необходимо вывести эти маяки из строя. Сопратники его на нескольких небольших лодках под парусом отплыли от Шетландских островов и двигались до тех пор, пока не увидели впереди себя Фэр-Айл. Затем они опустили реи и снова стали поднимать их, медленно, постепенно, выше мачт, при помощи весел продолжая движение своих лодок вперед. Дозорный на Фэр-Айл, «проворный, подвижный человек», был совершенно сбит с толку. Паруса, неуклонно растущие на горизонте, очевидно, должны принадлежать стремительно приближающейся флотилии. Его обязанности на тот случай, если бы это оказались вражеские галеры, были совершенно ясны. Он поджег свой сигнальный огонь, и вся цепь маяков, вспыхнувшая в ответ на Оркнейских островах, прогорев, превратилась в золу.

Пожалуй, самым хитрым из всех вошедших в историю норманнов был Харальд Суровый. Изворотливый в своих уловках, словно змея в своих хитрых кольцах, в Англии Харальд пал при Стэмфордбридже, так и не найдя достойного применения для своего таланта. Однако в Скарборо — который сам был норвежской колонией — он «сразился с горожанами». Потерпев поражение в прямом штурме города, он занял крепость на горе, возвышавшейся над городом. «Он поднялся на гору, которая там находилась, и велел сложить и зажечь там большой костер. А когда костер разгорелся, они взяли большие вилы и стали

бросать горящие сучья в город. Один дом за другим начал тогда вспыхивать. Весь город сгорел»⁴.

Сага продолжает: «Норвежцы убили много народу и захватили все имущество», — утверждение, которое с легкостью можно отнести к любому нашествию викингов на Британию, как до, так и после Харальда. Когда оркнейский Торфинн Могучий совершал набег на Шотландию, «люди ярла шли через деревни и хутора и сжигали все, так что даже убогих хижин не оставалось. Они убивали всех мужчин, попадавшихся им навстречу, женщины же и старики разбегались с плачем по лесам и пустошам. Многих они гнали с собой, многих захватили в плен».

Знаменитой эмблемой викингов был ворон — птица, питающаяся трупами. Он одновременно был символом и служил для устрашения. «Близ Хартлипула пил ворон теплую кровь», — так скальды обычно описывали поле битвы. А так как ворон постоянно фигурировал в эпике скальдов, он стал стандартным украшением всякой битвы.

Ни одно из знамен с вороном не было столь знаменито, как знамя оркнейского Сигурда Толстого, который для него изготовила его мать-ведьма. «Знамя было сделано в виде ворона... и, когда дул ветер, знамя было подобно ворону, расправляющему крылья перед полетом». К великой ярости Сигурда, колдовство его матери наделило знамя двоякой силой. Его предназначением было всегда приводить войско к победе, но всякий раз платой за нее становилась жизнь того, кто нес это

знамя. Хотя Сигурд и был обязан одержанными им в Шотландии победами его чарам, оно, в конечном счете, и самого Сигурда заманило в ловушку, когда он вместе со своим войском отправился к Дублину на битву при Клонтарфе. В ходе сражения большое количество людей, по очереди принимавших в свои руки знамя, один за другим лишилось жизни. Вполне естественно, оно перестало пользоваться популярностью. «Тогда ярл Сигурд сказал Торстейну, сыну Халля из Сиды, чтобы тот взял знамя, как Амунди Белый сказал: „Не бери знамя, Торстейн! Ведь всех, кто его держит, убивают“ — „Храфн рыжий!, — сказал ярл, — Возьми ты знамя!“ Но Храфн ответил: „Возьми сам своего черта!“ Ярл сказал: „Что ж, куда ни ший, туда и его сума“. И он снял знамя с древка и спрятал его на себе. Вскоре и ярл был пронзен копьем»⁵. Так что результатом все равно явилась не победа, а полное поражение. Одно из двух: либо с заклинанием случилась какая-то порча, либо, что также можно было бы подумать, оно потеряло свою силу со смертью Сигурда.

Хотя деяния Регнвальда, Харальда и Олава переносят нас во времена уже довольно поздние, они все же могут послужить нам прекрасными образчиками, чтобы представить весь период. Методы ведения норманнами боя изменялись на протяжении нескольких столетий несколько больше, нежели внешний вид их кораблей или оружия, которое они несли на себе. Прежде всего, норманн был пехотинцем; он был всегда готов

использовать лошадь в качестве транспортного средства, но никогда не относился к ней так, как это делал бы кавалерист. Для него не было большой разницы между седлом и скамьей для гребца. Прекрасным доказательством способности норманнов пересечь с одного на другое всякий раз, когда им было это удобно, является совместная кампания, проведенная первым из Олавов — Олавом сыном Трюггви — и Торкелем Высоким.

Они высадились со своих кораблей на берегу Темзы, где-то вблизи Рединга, прошли через Чилтерн и совершили нападение на Оксфорд. Вновь поднявшись со своей добычей на борт, они спустились вниз по реке, чтобы в безопасности переукомплектовать силы в своем зимнем лагере в Гринвиче. Или, по крайней мере, совершили нечто подобное, ибо эта часть их путешествия окутана завесой тайны: каким образом им удалось свободно проплыть туда и обратно, минуя Лондонский мост? Рассказывают, что позже Канут вынужден был прокопать канал от участка реки ниже моста до участка выше, в обход самого моста и его защитников. Однако мы не находим подобного сообщения об Олаве и Торкеле. Как бы то ни было, из Гринвича они вышли в море и двигались вдоль побережья до тех пор, пока, достигнув устья Оруэлла, не двинулись на веслах за мелководье у Ипсвича. Там они пристали к берегу и, разбив наголову саксов и датчан в битве на пустоши Рингмер, обзавелись некоторым числом знаменитых восточноанглийских лошадей и двинулись

в глубь страны, представляя собою теперь передвигающуюся верхом пехоту. Когда Тетфорд и Кембридж лежали в пепле и в Болотах уже нечего было найти, они двинулись обратно в Гринвич, разделившись на две группы. Те, кому не досталось лошадей, вернулись по морю, в то время как конный отряд двигался по суше верхом, опустошая по пути страну.

Огромным достижением викинга был создаваемый им в походе дух превосходства. Его счастливое убеждение состояло в том, что любого противника, не принадлежавшего к племени норманнов, можно было считать недочеловеком. Правда, узы патриотизма созданы были не для него: те его соотечественники, которые на деле не были его сородичами, могли считаться равными ему, но не имели к нему никаких особых претензий. Солдатам удачи это ощущение своей особости было очень кстати: оно позволяло человеку с совершенно свободной совестью сражаться на любой стороне, на какой бы он ни пожелал. Это было столь же естественным, как и сама битва. Во множестве сражений в Англии и Ирландии местные вооруженные силы усиливались за счет отрядов, состоявших из норвежцев и датчан, которые сражались за плату против шеренг своих же собственных земляков.

Можно найти только один намек на некую неприязнь норманнов друг к другу после одного подобного случая. Ярл Эйнар Оркнейский совершил набег на Ирландию, и на берегу озера Лох-Лэйрн

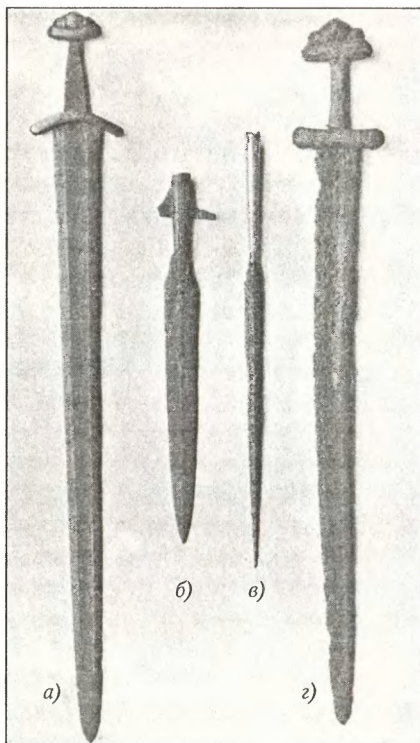
он вступил в конфликт с царьком Ольстера и какими-то странствующими норманнами, «и произошла жестокая битва. У Конофогора конунга войска было гораздо больше, и он одержал победу. Эйнар ярл бежал на своем корабле и той же осенью вернулся на Оркнейские острова. В этом походе он потерял почти всех людей и всю добычу. Ярл был очень недоволен этим походом и винил в своем поражении норвежцев, которые сражались на стороне ирландского конунга»⁶.

Норвежские союзники короля Конофогора пришли в Ольстер раньше Эйнара, но, очевидно, с тем же намерением — чтобы грабить, но и это едва ли имело какое-то значение. Искатель приключений всегда имел возможность, как это случилось в Англии со вторым Олавом, с выгодой для себя колебаться между ролью грабителя и ролью полицейского. Многие из захватчиков-норманнов разнообразили свой боевой опыт, а равно и добычу: служили в войсках или на флоте защитников, «оберегая землю» от других захватчиков.

Как уже отмечалось выше, викинги сражались, по сути, таким же образом, как это делали их прадеды, и похожим оружием. При Харальде Суровом прямой меч, а также секира с широким лезвием оставались основным оружием точно так же, как и во времена Харальда Прекрасноволосого. Совсем немного, если не считать ее размер, изменилась за это время боевая секира: ею можно было сражаться любой рукой, а рукоять ее

была столь же длинна, насколько коротким был лук викингов. Пятифутовая рукоять «Богини войны» — секиры Олава Святого — говорит об ужасающей эффективности этого оружия в сражении. Наступательное вооружение викингов пережило немало мелких изменений, произошедших независимо от замены бронзы на железо. Однолезвийный меч доказал, что он более удобен в применении, чем огромный двухсторонний обоюдоострый, с которым они в самом начале пришли «с запада через море». Всегда готовые, несмотря на весь свой консерватизм, воспринять всякую полезную идею, викинги многое усвоили в тех странах, через которые пролегал их путь. Лук и стрелы, рогатины, пики, метательные копья — трудно найти такой вид холодного оружия, который не прошел бы через их руки. Изменилась также и форма рукояти меча: плоское прямоугольное перекрестие постепенно удлинялось, принимая форму более сложной гарды.

Внешний вид защитных доспехов равным образом испытал влияние иноземных форм доспехов и шлема. Круглый шлем приобрел коническую форму и получил защитную маску, закрывающую лицо и шею. Впрочем, в шлемах никогда не было особенного разнообразия. Еще более унифицированной была кольчуга, представлявшая кожаную или шерстяную рубаху, последовательно покрытую рядами железных колец, заклепанных и скованных друг с другом. И все же со временем старинная кольчуга стала уступать

Мечи и наконечники стрел викингов:

- а) меч, инкрустированный на гарде и на вершии медью, серебром и бронзой. Ок. 1000 г. н. э. Найден на реке Уитэм, неподалеку от Монкс Аббей, Линкольн;
  - б) наконечник стрелы, найден в Лондоне;
  - в) наконечник стрелы, найден в Темзе;
  - з) меч, инкрустированный на гарде и на вершии серебром, обвитый серебряной проволокой на рукояти. X в. Найден в Темзе, близ Темпля.
- Фотография. Британский музей

дорогу новоизобретенной кованой, а вместе с этим доспехом пришла и геральдика. Мечи и наконечники копий, помимо того, что они инкрустировались серебряной проволокой, издревле с гордостью украшались узорами дамасской работы или золотой и серебряной гравировкой. Эмблемы же на щитах — это уже позднее веяние. Упорядоченные знаки различия на щитах, в противоположность бессистемному украшению, судя по всему, были введены приблизительно во времена второго Олава*. Так или иначе, но в описании Магнуса Голоногого, который уже в довольно позднюю эпоху свирепствовал на нашем западном побережье, чувствуется этот привкус Средневековья: «Опоясан он был мечом, который звали Ногорез. Перекрестие и навершие на мече были из моржовой кости, а рукоять обвита золотом. Это было отличное оружие. В руке у конунга было копье. Поверх рубашки на нем был красный шелковый плащ, и на нем спереди и сзади желтым шелком был выткан лев». В тон плаща «у Магнуса конунга был шлем на голове и красный щит со львом, выложенным золотом»⁷.

---

* Второй Олав — поскольку в истории Скандинавии эпохи викингов отчетливо выделяются две ярчайшие личности, носившие одинаковое имя, — конунги Норвегии Олав сын Трюгви (конец X в.) и Олав Святой (начало XI в., он же первоначально и при жизни Олав Толстый), автор предпочитает в ходе повествования именовать их, соответственно, первым и вторым Олавами. — *Примеч. ред.*

И все же каждый щит был красивой вещью вне зависимости от того, был ли он раскрашен или нет. Уже украшения на умбоне, а также на четырех расходящихся от него креплениях, свидетельствуют о тщательной работе кузнеца, одаренного художественно, — а какой норвежский кузнец не был художником? Железный ободок, который скреплял кожу, покрывавшую деревянную основу щита, также давал ему некоторый простор для фантазии.

Если возможно считать размеры щитов, которые были прикреплены к бортам корабля из Гокстада, типичными, то круглый щит составлял около ярда в диаметре, будучи по ширине равным длине обоюдоострого меча, что довольно любопытно. Однако круглая форма щита вовсе не была универсальной. Когда Олав сын Трюггви после сражения у островов Силли, «был ранен и на щите отнесен на свой корабль», его огромное тело едва уместилось на этих носилках, которые были шириной всего лишь в три фута. Очевидно, у конунга был длинный овальный щит: либо собственно овальный, либо заостряющийся книзу, — один из тех, которые быстро вошли в моду на всем пространстве от юга до севера, до самой Исландии. Круглые и овальные щиты, судя по всему, существовали бок о бок. Возможно, первый все еще сохранялся для сражений на кораблях, так как имел более удобную форму для боя на борту, — даже после того, как в сражениях на суше его заменил удлиненный, плоский щит.

Распространенным элементом тактики обычной битвы была «стена щитов»: идея, которая, возможно, была заимствована от римской «черепахи». Построившиеся в круг воины составляли вместе свои щиты так, чтобы образовалось подвижное укрепление или, в ситуации морского сражения, укрепление вокруг мачты. Будучи ядром войска, оно становилось не только пунктом сосредоточения, но также и защитным заслоном. Например, в битве при Клонтарфе: «Теперь надо рассказать о том, что король Бриан не захотел сражаться в страстную пятницу. Его люди прикрыли его стеной щитов, а войско выстроилось перед ним»⁸.

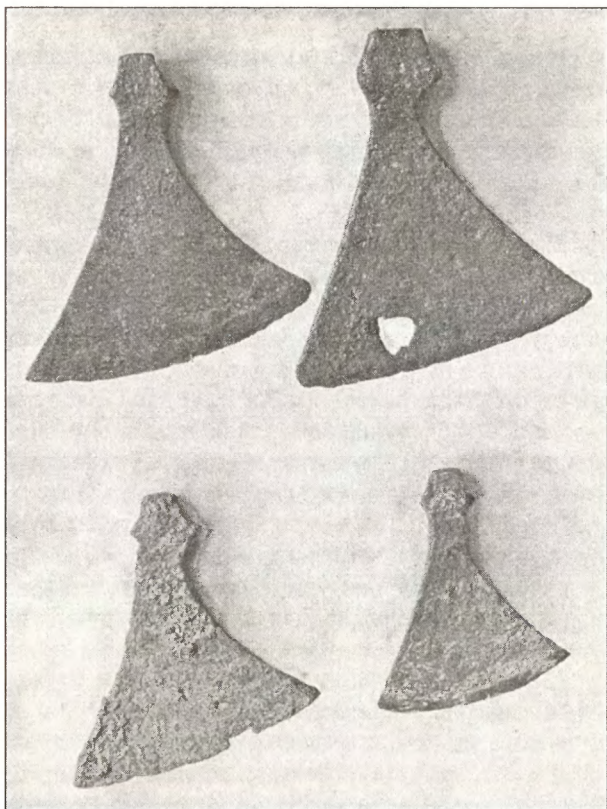
Сто лет спустя, на этот раз в Ольстере, стена щитов сыграла не менее выдающуюся роль в сражении Магнуса Голоногого. Он вывел своих людей на небольшое расстояние в глубь страны, чтобы они собрали и привели скот для «забоя на берегу»⁹, для обеспечения кораблей сушеным мясом, как это делали викинги в стародавние времена. Возвращаясь со стадом обратно, он попал в засаду, устроенную ирландским войском среди болотистой лесной местности. «Но когда они вышли на болото, их продвижение стало медленнее» среди болотного мха. Тогда «Конунг сказал: „Пусть трубят сбор и все войско собирается под знамя. А те, кто здесь, пусть сомкнут щиты и, пятясь, отступают через болото. Мы будем в безопасности, если выберемся на равнину“ ...Конунг подошел к следующему рву. Переход через него

был очень труден, и только в немногих местах можно было перебраться через него. Тут погибло много норвежцев. И вот конунг крикнул Торгриму Кожаная Шапка... и велел ему переправиться через ров со своими людьми: „А мы будем вас прикрывать, — говорит он, — так что вы будете в безопасности. Идите затем на вон тот островок и стреляйте в ирландцев, пока мы будем переправляться. Ведь вы хорошие стрелки“. Но когда Торгрим и его люди переправились через ров, они забросили щиты за спины и побежали к кораблям. Увидев это, конунг сказал: „Подло ты бросаешь своего конунга“ ...Тут Магнус конунг был ранен секирой в шею, и эта рана была смертельной»¹⁰.

За несколько лет до гибели Магнуса в Ольстере два других правящих конунга были один за другим убиты в Англии, оказавшись в центре прорванного круга своих воинов: норвежский Харальд Суровый пал от руки Гарольда Английского, подобно тому, как самому Гарольду Английскому было суждено пасть от руки Вильгельма Завоевателя. Редко одна и та же история повторяется столь быстро, как в случае этих двух тезок. Основное отличие Стэмфордбриджа от Гастингса состоит в том, что норвежцев застали врасплох: они сняли свои кольчуги по причине жаркой погоды. «Люди сняли свои кольчуги и пошли на берег, взяв только щиты, шлемы, копья и опоясавшись мечами, но у многих были луки со стрелами. Все были очень веселы»¹¹. Однако, по сути,

ход обеих битв был практически идентичен. В обоих случаях на выбранной территории составлялось кольцо из щитов. В обоих случаях оно в течение долгого времени выдерживало частые атаки конницы. И в обоих случаях, когда всадники обращались в ложное бегство, оно в конце концов разрывалось, защищавшиеся пускались в погоню и были уничтожены по частям практически все. Более того, влияние норманнского стиля боя очевидно в действиях английской стороны при Гастингсе. Некоторое число норманнов, очевидно, входило в состав вооруженного отряда Гарольда, но даже и без этого тактика стены щитов вместе с использованием ее защитниками обоюдоострой секиры была, несомненно, приобретена англичанами ценой многих горьких поражений.

Раз уж викинги адаптировали «черепашу», преобразовав ее в стену щитов, то они также могли и свои земляные крепости соорудить по римской модели. Крепости же имели далеко не сиюминутное значение. Возводимые первоначально нападающей стороной при высадке на берег реки или моря для защиты своих кораблей от нападения со стороны суши, они, подобно морским портам в Ирландии, становились тем местом, на котором развивались города. Дублин, некогда деревня «с загоном для овец», Корк, Лимерик, Уотерфорд и Уэксфорд — все выросли из норвежских оборонительных сооружений, возведенных на береговых полосах. Первоначальное земляное укрепление и

Секиры викингов

Две найдены в Темзе неподалеку от Сомерсет Хаус
и Уайтхолла, одна — в Стентон-Харкоурте, Оксфордшир.
Фотография. Британский музей

частокол уступали со временем место каменным стенам и башням, таким как Башня Реджинальда современного Уорфорда. В Англии же достаточно упомянуть лагерь Олава в Гринвиче, в течение нескольких лет служивший ему штабом на береговой линии.

Кроме того, множество других норманнов — известных и неизвестных — строили и перестраивали безопасные убежища в центре страны. Став захватчиками, грабители предпочитали не отходить далеко от своих укрепленных районов внутри страны. Пересекавшим Англию вдоль и поперек войскам, нарушавшим покой там и сям, всегда державшим мечи наготове, также нужна была база, куда бы они могли свозить добычу и которая обеспечивала бы им спокойную зиму. Именно к такому типу относился огромный лагерь, расположенный между Темзой и Кеннетом, служивший укрытием датскому Хальвдану: «по правую руку от Рединга».

Пожалуй, правильно было бы сказать, что ни один из наших так называемых датских лагерей не оправдывает сегодня своего названия. И все же норвежцы, датчане и шведы, вписав в историю Англии слово *Danegeld* («Датские деньги»), оставили среди холмов Англии неизгладимый след: от йоркширских пустошей до нагорий Уилтшира.

ГЛАВА III

ДОМАШНИЙ ОЧАГ И РОДНОЕ ПОМЕСТЬЕ

*Теперь мы сядем на скамьи,
И пусть большие золотые кубки
Будут в руках моих хозяев...*

Как предмет изучения, обычаи викингов, на первый взгляд, предстают противоречивыми. Прimitивная дикость идет рука об руку с культурой, породившей великолепную литературу и блистательное ремесленное искусство. Норманны были увлечены процессом законотворчества, при том что реальные тяжбы решались скорее силой, нежели по закону. Среди извилин их мозга, столь же прямых, как и очертания их прекрасных кораблей, таился клубок самых противоречивых понятий — запутанных, словно резьба на форштевнях тех же кораблей. С подобного рода парадоксами мы сталкиваемся постоянно: можно с легкостью составить их список — столь же длинный, как история норманнских странствий. Однако имеют ли эти парадоксы какое-либо значение на самом деле? Ведь рисунок волн на поверхности воды может быть очень и очень сложным, в то

время как порождающие его потоки движутся прямо и незамысловато.

У викинга было, по меньшей мере, одно качество, остававшееся неизменным, — это отвага. Высшим идеалом для него было поступать так, чтобы его имя было на устах его товарищей, чтобы он стал знаменитым за свое бесстрашие, причем не только при жизни, но и после смерти. Викинг жил, непрерывно сражаясь со своей Судьбой; умирая, встречал свой конец, каков бы он ни был, с отвагой и спокойствием. Многие герои саг умирали в мучениях, часто под пытками, но со стоицизмом краснокожих индейцев. Только ничтожный человек мог показать свой страх. Не было ничего исключительного, например, в самообладании одного из осужденных на смерть викингов из Йомсборга, когда тот вместе со своими соратниками сидел на бревне и смотрел на то, как они один за другим лишались головы. Когда пришла его очередь, он взял в руки нож и сказал: «Я воткну его в землю, если буду еще хоть что-то чувствовать, когда мне отрубят голову». Секира опустилась, нож выпал из его пальцев, и его убийцы спокойно могли пожать плоды его невозмутимого духа исследования.

Кроме того, можем ли мы найти другой народ, в котором каждый был бы столь же страстно устремлен к свободе? Конунги и ярлы, разумеется, получали власть по праву наследования, однако оставались первыми среди равных, да и то только в том случае, если обладали соответствующей

силой характера. Система одаля* норманнов, совершенно противоположная феодальной, превратила землевладельца в абсолютно свободного держателя земли. Он не платил ренты и не облагался земельным налогом, разве что уплачивал пошлину на нужды защиты своей общины. Учитывая то, что самый мелкий фригольдер** уже считался вождем, пусть даже самым младшим, можно сказать, что викинги создали систему демократии аристократов-землевладельцев. Единственным, что их объединяло, были узы родства. Поскольку у них было довольно расплывчатое понятие национальности, по сравнению с нашим, то можно сказать, государство у них было семьей, а семья — государством. В Дублине ли, в Камбрии или на

* Одаль — ключевое понятие в социальной, экономической и психологической жизни скандинавов. Неотчуждаемое наследственное владение, заключавшееся не только, а порой и не столько в пахотной земле — коей было вообще мало в Скандинавии, — сколько в разнообразных угодьях: пастбищах, лугах и т. д. Сохранение традиции устойчивого наследования одаля в рамках больших семей способствовало консервации в скандинавских землях архаической общественной структуры и чрезвычайно длительному бытованию древнегерманских норм и институтов, уже давно ликвидированных или переродившихся на феодализированном европейском континенте. — *Примеч. ред.*

** Фригольдеры — под этим более поздним термином автор подразумевает свободных собственников земли, распоряжающихся ею самостоятельно, то есть скандинавских бондов. Впрочем, данное словоупотребление нельзя признать удачным. — *Примеч. ред.*

Оркнейских островах община со свободными связями внутри нее формировалась скорее как совместное владение нескольких семей, нежели как государство. Это было закономерным следствием того, как совершались набеги. Разве не естественно, что команда корабля, отправлявшаяся на поиски приключений и богатств, состояла из родичей и друзей? Чувство собственного достоинства слышно в ответе экипажа некоего судна послу франков, который хотел переговорить с предводителем: «У нас нет предводителя: мы все равны».

Даже принадлежащий к низшему сословию вольноотпущенник, отпрыск рабов или военнопленных, обращался к ярлу-правителю как человек к человеку. Раб, занимавший самую низшую ступень социальной лестницы, рассматривавшийся почти как часть имущества, носил практически такую же одежду и жил почти так же, как члены семьи его хозяина. Существенная разница заключалась в том, что закон не считал жизнь раба ценностью: раба можно было убить безнаказанно; убийца должен был только надлежащим образом объявить об этом. С обычным же убийством дело обстояло совершенно иначе. Убийца свободного человека, даже если это убийство и не было постыдным деянием, чаще всего сталкивался с весьма неприятными последствиями. Убийство могло стать поводом к взаимной вражде, в которую постепенно вовлекались, один за другим, родичи обеих враждующих сторон, либо род

убитого подавал на тинге* формальное прошение об уплате вергельда**. А здесь уже все решал случай. Выносимый по результатам большинства голосов, вердикт тинга в огромной степени зависел от количества друзей, поддержкой которых проситель мог заручиться в своем деле.

Само место тинга считалось священной землей. Тот, кто своим мечом осквернял кольцо из веток орехового дерева, ограждавшее собрание, превращался в отверженного, поднять руку на которого мог всякий. В то же время, атмосфера этих регулярных собраний отчасти напоминала ярмарку: это была возможность увидеть давно знакомые и новые лица. Каждый устанавливал свою палатку среди палаток своей родни и знакомых, а выступления многословных ораторов перемежа-

---

* Тинг — верховный институт власти архаического общества Скандинавии, представлявший регулярное собрание свободных крестьян-бондов, глав семейств локальной области, на котором решались вопросы судебного порядка, принимались принципиальные решения стратегического характера и вносились коррективы в традиционное законодательство. — *Примеч. ред.*

** Вергельд — в буквальном переводе «военное золото, деньги войны» — выплата, которая полагалась за убийство свободного члена общества. Могла выплачиваться как в денежной, так и в натуральной форме — например, скотом. Невыплата вергельда или несогласие родичей убитого с его размером, как правило, вызывали кровную распрю между родами. В то же время выплаченный вергельд в глазах общества исчерпывал конфликт и не предусматривал дальнейшей вражды. — *Примеч. ред.*

ли развлечения: борьба, игры в мяч, состязание в скорости; в них можно было принять участие или просто поглазеть.

Обычно тинги проводились на территориях, находившихся в центре общины, до которых можно было без труда добраться по воде. Места их расположения по сей день можно точно определить на Тинвальд Хилл на острове Мэн, в самом сердце Дублина, а также, по всей видимости, и на перешейке Стеннис на Оркнейских островах. Сюда со всех окружающих земель собирались облеченные властью люди, причем среди них не было женщин. Путешествие на тинг зачастую занимало несколько дней. Разумеется, на тингах обсуждались не только убийства. Споры соседей из-за земли, подготовка к войне, принятие христианства и даже иски о совращении женщин — тинг рассматривал эти и многие другие социальные проблемы. Он совмещал в себе функции совещательного органа и суда.

Разбор дел происходил в соответствии с освященными древней традицией правилами. Давали показания свидетели, а законоговорители*

* Законоговоритель — специфически скандинавский пост, на котором находился уважаемый и авторитетный человек; в его обязанности, в частности, входило доскональное знание и регулярное оглашение на тинге законов, которые таким образом утверждались в памяти населения и воспроизводились в отсутствие письменного законодательства. Таким образом, законоговоритель представлял собой высший авторитет в правовом плане. — *Примеч. ред.*

(lawman) — профессионалы-эксперты в области судебной традиции — высказывались по поводу наиболее запутанных вопросов. Законоговорители подчас приобретали влияние, сравнимое с королевским, как, например, в случае судей-димстеров* (deemsters) острова Мэн. Когда во время правления Этельреда изменник Эдрик попытался поселить разобщенность среди датчан в Восточной Англии, он пригласил в свой дом и втайне убил именно двух датских законоговорителей.

О будущем собрании сообщалось посредством стрелы, пересылавшейся из семьи в семью. Стрелу несли быстроногие гонцы, подобно тому, как разносили в романах сэра Вальтера Скотта из клана в клан по нагорьям Шотландии пришедший ей на смену пылающий факел. Когда же стрела посередине была переломана, а конец ее обмотан шнурком или ивовым прутом, то это уже был знак войны, призывавший: «приходите с оружием». Так что во время вторжения или широкомасштабных экспедиций тинги становились мобилизационными центрами. Фригольдеры были свободны выбирать себе ярла, но, при всей своей свободе, будучи призваны для будущего набега или войны, они были обязаны следовать за его знаменем. Правда, военная служба едва ли была норманну в тягость. Его рука с

---

* Димстер — локальное название, в пояснениях не нуждается. — *Примеч. ред.*

готовностью бралась и за эфес меча, и за рукоять весла. Вильгельм Мальмсберийский в письме выразился очень удачно об одном из вождей из Нортумбрии, который не выдержал скуки двора Этельстана и, пробыв там несколько дней, «словно рыба в море, вернулся к пиратскому ремеслу».

Авантюрные путешествия были обязательным этапом воспитания знатного юноши. Викинг никогда не считался слишком молодым для таких походов: Эйрик Кровавая Секира и Олав Святой, к примеру, совершили свой первый поход по Северному морю, когда им было не более двенадцати лет от роду. Эйнару Криворотому, ярлу Кейтнесса, «было четырнадцать зим от роду, когда он собрал ополчение с земли и отправился разорять владения других конунгов».

Если младшие сыновья получали при разделе семейного наследства только движимое имущество, то они отправлялись в море с целью «добыть себе состояние». Для них это было единственной доступной профессией. Несмотря на то, что с течением времени появилась и альтернатива беззаконным грабительским набегам: торговое путешествие, — побудительные их причины несколько не изменились.

Нет ничего удивительного в том, что викинг-скитальцы, как это традиционно происходит с моряками, довольно легкомысленно относились к вопросам брака. Судя по всему, один или два знаменитых вождя, когда их походы затягива-

лись надолго, в различных областях Британских островов брали себе разных жен, причем происходило это не только в языческие времена. Однако, несмотря на то что полигамия процветала даже и у оседлых норманнов, статус женщины оставался на удивление высоким. Хотя ей и не разрешалось посещать тинг, в ряде случаев она считалась равной мужчине и даже могла, согласно порядку наследования, занять место жрицы. Женщина могла аннулировать брачное соглашение так же легко, как и ее муж, причем долю жены при разводе составляла треть всего имущества. Хотя по половой принадлежности определялось как минимум превосходство одного представителя общества над другим, вполне возможно, что это превосходство состояло лишь в том, что женщины, равно как и рабы, не были участниками сражений. Как бы то ни было, но, если оскорбленная сторона поджигала дом оскорбившего их соседа и убивала всех мужчин, пытавшихся спастись из огня, женщинам всегда предоставляли возможность выйти. Первый Ренгвальд, «любимый всеми ярл» Оркнейских островов, поджег палаты своего соперника Торфинна, когда тот «сидел на пиру». Среди дыма пожарища Торфинн предложил своим людям просить Ренгвальда о перемирии. «Тогда Ренгвальд позволил выйти наружу всем женщинам и рабам, однако сказал, что будет рад увидеть большую часть людей Торфинна мертвыми, а не живыми».

Во всем остальном доброта викингов была столь же случайным явлением, как и удача, поджидавшая их в дальних путешествиях. Викинг по собственной прихоти мог вдруг даровать свободу мужчинам-заложникам, но уже в следующий момент обрушиться на других с дьявольской жестокостью. И горе тому, кто попал в руки викинга, если его честь задета. Обрядом кровавого орла он утолит свою месть, вскрыв сзади грудную клетку своей жертвы. Но даже кровавый орел бледнеет перед той вивисекцией, которую учинили над Бродиром в ответ на его убийство Бриана при Клонтарфе: «Они окружили Бродира и его людей и закидали их поленьями. Тогда Бродир был наконец схвачен. Ульв Пугало вспорол ему живот, привязал конец его кишок к дубу и стал водить его вокруг, пока все кишки не намотались на дерево. Лишь тогда Бродир умер. Все люди его тоже были перебиты»¹.

Некоторая мягкость норманна проявлялась в их, в общем-то, мрачном чувстве юмора. Другой эпизод из истории о битве при Клонтарфе рассказывает об оказавшемся на стороне побежденных исландце, которому удалось шуткой спасти себе жизнь. В конце битвы, пока сторонники Бриана добивали бегущих, этот исландец, по имени Торстейн, «отстал от других бегущих, чтобы завязать ремень своей обуви. Тут Кертъяльвальд спросил его, почему тот не бежит. „Потому, — ответил Торстейн, — что я не доберусь до ночи домой. Ведь мой дом в Исландии“. И Кертъяльвальд пощадил его»².

Весьма необычным институтом была система воспитания детей. Подраставшее поколение, а именно мальчиков — сыновей конунгов и ярлов — после рождения, вне зависимости от того, жив их отец или нет, отдавали на воспитание другому человеку. «Лучше иметь хорошего воспитанника, чем дурного сына» — гласит руническая надпись на покрытом рельефными изображениями камне с острова Мэн. Судя по всему, по функции приемный отец представлял собой нечто среднее между наставником и старшим братом. Так как по социальному положению он считался ниже родителей мальчика, за исключением тех случаев, когда был связан с ними узами родства, то появлялось прекрасное средство превращения возможного соперника в союзника — можно было сделать его приемным отцом своего сына. Есть известный анекдот о том, как Харальд Прекрасноволосый таким способом ловко подчинил себе Этельстана. Вместе с послами он отправил к английскому королю своего сына Хакона, который в нужный момент проворно забрался на колени к Этельстану. Это автоматически сделало Этельстана, к величайшей досаде последнего, приемным отцом мальчика. «Конунг был в большом гневе и схватил меч, который лежал рядом с ним, и взмахнул им, как бы желая зарубить мальчика»³. Однако в итоге Хакон был самым должным образом воспитан при дворе английского короля. «Адальстейн (Этельстан) конунг велел крестить Хакона и обучить его правой

вере, а также добрым нравам и куртуазному обращению»⁴. К сожалению, судя по тому, как вел себя Хакон в собственном непокорном королевстве, это образование не пошло ему впрок.

У норвежцев и благородные люди, и крестьяне вместе работали на полях, ухаживая за скотом и выращивая ячмень и рожь, и это делало их идеальными колонистами. Есть ли какой-нибудь другой народ, который с таким удовольствием жил бы в суровом климате берегов Исландии и Гренландии? Старшее поколение, оставившее походы, могло удовлетвориться жизнью на Ultima Thule, однако молодежь, выросшая на новой земле, не утратила сумасшедшей жажды перемен. Подобно бездомным чайкам, они странствовали повсюду на пространстве от Фарерских островов до Лондона, между Гренландией и Гебридскими островами. Независимо от того, какова была цель их путешествия — торговля или грабеж, — сам переезд из Дублина в Норвегию беспокоил их не более, нежели современного англичанина — поездка из Лондона в Париж.

Хотя норвежец и был разбойником, одной ногой он всегда прочно стоял на суше. Сезон морских путешествий наступал после того, как заканчивалась стрижка овец, и продолжался до начала сбора урожая, поскольку хутор всегда оставался материальной базой для морских походов. Великий Свейн с Оркнейских островов, никогда не подчинявшийся чужим законам, установил собственные сезоны для походов, и его система заслу-

живает интереса: «У Свейна было весной много работы, он приказывал своим людям сеять очень много зерна и сам следил за этим. Однако когда эта тягота была позади, он каждую весну отправлялся в викингский поход и разорял земли на Южных островах и Ирландии, возвращаясь домой в середине лета. Это он называл весенним викингским походом. Он оставался дома до тех пор, пока на поле не заканчивалась жатва и зерно не было собрано и помещено в амбары. После этого он отправлялся в викингский поход и не возвращался домой до тех пор, пока не истекал первый месяц зимы, и это он называл осенним викингским походом». В высоких широтах, где находились Оркнейские острова, обычаи норманнов были согласованы со сменой сезонов: весна здесь поздняя, а осень ранняя, так что короткое лето проходит очень быстро.

Когда этот народ оставался дома, их художественный гений находил себе выражение в замысловатой резьбе по дереву и нанесении инкрустации в виде удивительных завитков и сплетений на все, на что только можно, а охота, рыболовство и состязания давали выход энергии. Спортом занимались преимущественно летом: чувствительный к холоду народ большую часть зимы проводил в домах. Мужчины, женщины и дети, свободные и рабы собирались вместе в огромном бревенчатом доме — срубленном и покрытом соломой наподобие наших старых казарм. В нем все они сидели каждый за своей

работой, покашливая в клубящемся дыму. Зимнее солнце, просачивавшееся сквозь расположенные поверху окна-щели, давало мало света мужчинам, чинящим сети или вырезающим по дереву, и женщинам, занятым ткачеством или пряжей. Гораздо больше света давал огонь костров, располагавшихся в одну линию на покрытом соломой полу.

Неудивительно, что норманны стали известны тем, что использовали рога для питья вина; «мешки с вином» — так прозвали викингов греки, их сотоварищи по войску. Рог оправляли золотом или серебром и умышленно не приделывали к нему никакой подставки, так что тому, в чьих руках он оказывался, приходилось осушать его до дна. Пьянство не осуждалось — оно было почти столь же естественно, как и сон. Не раз и не два удавалось норманнам избавиться от врагов, угощая их в доме для гостей до тех пор, пока они не напивались мертвецки, и поджигая под ними солому.

На празднествах, помолвках и прочих мероприятиях — в особенности на поминках — народ напивался изрядно. Вместе с тем все происходило в согласии с установленным традицией ритуалом. Друг напротив друга в разных концах помещения на покрытые резьбой высокие сиденья садились хозяин и хозяйка. По трем сторонам на скамейках в последовательности, заданной социальным положением и степенью родства, располагались гости. Позади себя на крючья они вешали оружие,

которое охранялось золотоволосыми женщинами из числа домочадцев.

Компания в несколько десятков человек — членов семьи, гостей и зависимых людей — не считалась большой для дома вождя. Правда, под «домом» здесь имеется в виду огромная зала: спальные комнаты на чердаках и пристройках попросту присоединялись к ней. Вот описание типичного свадебного торжества, уже клонящегося к завершению, и здесь высокие сиденья как раз ставятся на возвышение: «Вместе с ними ехало шестьдесят человек, и... там они обнаружили множество гостей. Люди заняли свои места на скамьях вдоль залы, а женщины сели на поперечные скамьи, поставленные на возвышения, так что невеста была довольно удручена. Они стали пить, и торжество выдалось на славу».

Кроме всего прочего, именно зимой наступало время рассказчиков саг и скальдов. Несмотря на свой поэтический дар — или искусство красноречия, — норманн не находил в музыке ничего особенного. Гораздо чаще развлечением для него служили истории, рассказываемые в той или иной форме. Хозяин, которому выпадала честь принять у себя известного поэта, получал возможность наслаждаться чуть ли не бесконечными эпopeями о битвах и поколениях героев. Эпос был тесно связан с прозаическим повествованием. В некотором смысле скальды были прародителями саги. К примеру, большая часть материала для саги о втором Олаве заимствована из произведения

Халльфреда Трудного Скальда, похороненного на острове Айона.

У народов, не знающих письма, — великолепная память, однако даже при этом натренированная память рассказчика саг, должно быть, была необъятной. Его слушатели были прекрасно осведомлены и критичны, так что он не смел ошибиться ни в одном из имен, фигурировавших в его длинном повествовании. Однако рассказчики саг были редкими гостями. Если же хозяину не удавалось завлечь к себе в гости ни скальда, ни странствующего рассказчика саг из Исландии, компания могла довольствоваться собственными талантами в области стихосложения и прозаического повествования. Звучали стихи и саги, рог был полон медом, костер ярко пылал, и ночь плавно перетекала в утро.

Ночью вообще было безопаснее находиться в зале, а не на улице, в темноте и на ветру. В это время поблизости в поисках одинокого путника для забавы могли рыскать злые духи земли и воздуха. Повсюду шастали тролли и троллихи, они садились верхом на конек крыши и поджидали прохожего, чтобы разорвать его на части или изменить его облик. Кроме того, в ночное время появлялись привидения злых людей, ставших куда более зловредными, чем при жизни.

Но какими бы ужасными призраки ни были, они все же были смертными. Хотя они и могли нанести серьезный вред, с ними достаточно просто было справиться. Единственное, что тре-

бовалось сделать, — это выкопать тело, обезглавить его, а голову положить между ребер. Вообще, соблюдение соответствующих мер предосторожности в случае смерти какого-нибудь бесчестного человека избавило бы людей от множества бедствий. В особенности такого обращения требовал берсерк. От потенциального призрака можно было гарантированно избавиться, если, стоя сзади, закрыть ему глаза, после чего вынести тело через проем, пробитый в стене дома.

Несравненно больше беспокойства доставляли тролли. Обычно они устраивали себе логово в погребальной камере или в кургане, и только там — в темноте под землей — их можно было схватить. Однако решительный человек, если ему будет сопутствовать удача, мог одной рукой победить тролля, несмотря на огромную силу этого создания. Одним из таких способов считалось разрушение кургана, причем таким деянием молодой человек мог доказать свою смелость. Помимо того, он, вполне вероятно, мог заполучить целое состояние, ведь тролли обычно охраняли залежи сокровищ.

Вот почему Олав Белый и Ивар Без Костей (Boneless) — весьма хорошо вооруженная пара — очень основательно занимались этим делом по всей территории своего королевства в Дублине. Они разрушили все доступные курганы вдоль берегов реки Бойн. Как пишет удивленный ирландский историк, «они ни оставили неисследованной ни одной пещеры». К сожалению, описание

результатов их исследований, если таковое вообще существовало, утрачено.

По крайней мере, еще одна подобная попытка была предпринята на Оркнейских островах, в кургане Мэшоу — в огромном подземном сооружении каменного века. Отряд норвежцев, бездельничавших перед началом морского паломничества на Святую Землю, пробился в «Великий Курган». Хотя они и дошли до главной камеры, но не нашли там ничего, чем можно было бы поживиться. Однако они, в подтверждение слов саги, оставили после себя неизгладимое свидетельство своего присутствия. Одна из стен вообще напоминает книгу отзывов посетителей. Там, наряду с нацарапанными высоко на стене изображениями дракона и креста, обнаружены также рунические надписи, которые, после их дешифровки, оказались именами, соответствующими именам некоторых из этих гробокопателей-оригинов.

И все же атмосфера Мэшоу оказалась губительной. Спустя год или два ярл Харальд был на пути к месту сражения застигнут бурей, выбросившей его боевой корабль на берег в миле от Мэшоу. Он укрылся со своей командой от ночного шторма в этом подземелье, а к утру двое из его людей сошли с ума.

Отголоски этого древнего поверья сохранились и по сей день. Известно, что люди в Северной Британии, а возможно, и в других местах до сих пор полагают, что могильный холм служит

вместилищем богатства и зла. Никто из старшего поколения не станет по своей воле блуждать около него после наступления темноты и тем более не осмелится осквернить его лопатой.

Их предкам, однако, можно найти оправдание. Как бы то ни было с троллями, но во многих могильниках, вообще-то, действительно были захоронены сокровища. Ушедшему из жизни вождю, подобно фараону Древнего Египта, был необходим в последующей жизни определенный набор вещей, которыми он обладал на земле. Прежде чем укоренилась традиция хоронить мертвых — «насыпать над ними курган», — их тела обычно сжигались. «Каждый приходит

Курган Мэшоу на Оркнейских островах
Фото — Валентин Дандек (Valentine Dundek)

в Вальгаллу с добром, сожженным на погребальном костре».

Нередко прах умершего и его вещи выбрасывались в море. Одно время в прибрежных районах захоронения в море были более обычны, нежели погребения на суше. В сагах, однако, упоминается еще один случай, когда тело викинга было отправлено в море на горящем корабле. Это последнее путешествие конунга Хаки столь же особенно, как романтичен сам образ корабля, уносящего морского пирата прочь от земли в чуждый потусторонний мир. Абсолютная новизна такого погребения принесла ему известность, «и долго жила слава о смерти Хаки»⁵, — комментирует сага.

Многие вожди после смерти покидали мир на борту своих кораблей. Вытащенный на берег, корабль либо становился для вождя погребальным костром, либо, покрытый сверху и со всех сторон землей, сам хранил под своим навесом последний сон викинга. Чтобы владелец корабля мог с достоинством войти в палату богов, его облачали в доспехи, а в руку клали оружие. В распоряжении покойного было несколько принадлежавших ему лошадей и колесница, так что он мог выбирать, ехать ли ему верхом или править. Ему были необходимы кузнечные инструменты дляковки новых мечей, равно как и золото с серебром для украшения. А в еще более древние времена вождь брал с собой своих любимых невольников, а также и другие вещи, которые ценил больше прочих:

своего сокола, собаку и семейные сокровища. Даже в могильном кургане, где был найден корабль из Усеберга, подле королевы были найдены останки служанки.

Смерть не слишком страшила викинга, поскольку он встречал свой конец в сражении. А вот чего он действительно боялся, так это умереть от старости или болезни. У того, кто умирал такого рода «пустячной смертью», шансы попасть в Вальгаллу были очень невелики, если только он не зарабатывал этого права, нанеся себе ранение на собственном смертном одре. Во времена Канута ярл Нортумбрии, датчанин, некто Сигват Толстый, когда лежал при смерти, сам облачил себя в доспехи и взял в руку меч, «чтобы умереть, как муж, а не валяться, словно корова».

Не все памятники умершим вождям ушли в прошлое. Их и по сей день много в тех отдаленных местах, где не было все увеличивающегося в численности населения, не было плугов, дорог и домов, и где никто не тревожил их. На отдаленных островах можно обнаружить немало четких по своей форме могильных холмов и мрачных вертикально стоящих камней, возвышающихся, словно часовые, над линией горизонта. Многие из них остались еще с эпохи пиктов или даже с каменного века, однако далеко не все. И у нас есть все основания это утверждать, поскольку в саге говорится: «Достопыльному человеку следует возводить курган, чтобы память о нем не

исчезала, а всем тем, кто проявил мужество, нужно ставить памятные камни».

На вершинах скал и на берегах, где влажный ветер приводит в волнение вереск, откуда видно море и слышится его плеск, — вот где истинное место вечного отдыха викингов.

ГЛАВА IV

ДЛИННЫЕ КОРАБЛИ

Морские кони, скачущие через море...

Поразительные переходы через Атлантику, не раз совершенные норвежцами, кажутся нам почти что чудом. Однако более наглядно об их путешествиях по океану мы можем судить по тем кораблям, которые были откопаны в Гокстаде и Усеберге. Действительно, современные норвежцы смогли достичь Америки на копии гокстадского корабля, повторив путь своих предшественников. Однако судно, которое впервые увидело Новый Свет, не было изящной военной ладьей. В саге ясно говорится, что Бьярни и Лейв совершили свои путешествия на тяжелогруженном корабле, бимс которого был шире, а осадка — глубже.

Хотя военные корабли, очевидно, были прекрасными морскими судами, они, в первую очередь, были приспособлены для службы во внутренних водах: во фьордах и устьях рек. Можем ли мы сказать, что их постоянно использовали не только в военных целях, но также и для морских

переходов? Олав Святой, направившись однажды осенью из Англии в Норвегию, «приказал длинные корабли оставить позади» и, хотя мог предвидеть вероятность нескольких напряженных сражений, перевел своих людей на несколько торговых кораблей. И даже после этого им едва удалось выжить, когда они попали в шторм. Полагаю, решающее значение для нас здесь имеет ответ, данный ярлом одному норвежцу, который намеревался отправиться к Фарерским островам: «Тебе не удастся доплыть до них на длинных кораблях, и я дам тебе два торговых».

И все же, по крайней мере один длинный корабль, с устрашающим украшением на носу, раскрашенный и покрытый резьбой, без ущерба для себя совершил путешествие в Исландию, преодолев гораздо большее расстояние. Мы также не можем обойти тот факт, что военные суда, невзирая на то, бушует Атлантический океан или нет, беспрестанно заходили в небольшие бухты на опасном западном побережье Ирландии и Шотландии — и в Корнуолле.

Свои ограничения были и у специально приспособленного для открытого моря торгового судна. Точно так же как и у длинных кораблей, у них были низкие надводные борта, и это грозило тем, что вода перельется через планширь. Отдельные упоминания о «бортах для шторма» и «бортах для брызг» наводят на мысль, что в суровую погоду, если возникала такая необходимость, можно было поднять фальшборт. И все же список

погибших кораблей велик. При этом причиной их гибели не всегда оказывался берег, с его неведомыми скалами и прибрежными штормами. Без труда можно представить себе, как гибли многие из них, накрытые толщей воды, хлынувшей через борта корабля, оснащенные только одним косым парусом. Нет сомнения, что для отправившегося в океан норвежца подлинным кошмаром становилось простое вычерпывание воды. Мы располагаем одним очевидным свидетельством того, как изнуренная команда, по цепочке передавая друг другу черпаки, сражалась со стихией. И случилось это не на мелком каботажном суденышке, а на исландском торговом судне. Живой слог скальда, принимавшего участие в переходе из Норвегии на Оркнейские острова, так рисует происходящее: «...и все восемнадцать вычерпывали воду». Цифра, которой он обозначил количество человек в команде торгового корабля, кстати говоря, находится в поразительном контрасте с количеством людей на военном судне.

Таким образом, существует более-менее четкое различие между торговым кораблем — судном для плавания в глубоких водах — и длинным кораблем, или боевой ладьей. Ближе всего к этому разделению находятся круглые корабли и военные галеры из Карфагена, которые, правда, типологически не столь отличаются друг от друга. Трудности начнутся тогда, когда мы попытаемся разобраться в пяти различных классах длинных кораблей, поскольку все они, очевидно, были боевыми

судами одной и той же формы. Судя по всему, название «корабль-дракон» применялось к любому большому военному кораблю, тогда как катер (cutter), по-видимому, был как раз более узким, быстроходным и, в целом, вообще меньшим по размеру, нежели обычное судно. Во всем остальном, и, в частности, по поводу оставшихся трех классов, мнения расходятся. Во всяком случае, общим для них всех было измерение их величины по количеству скамей для гребцов. На одной скамье размещалось по два человека, каждый со своим веслом, так что, к примеру, на корабле с двадцатью скамьями помещалось сорок гребцов.

Длинные корабли обычно строились из расчета от сорока до шестидесяти гребцов. Исключительных размеров был корабль Канута — «Великий Дракон», — «с фальшбортом высоким, словно крепость». Говорят, что этот «Дракон» был «ужасно большим» и приводился в движение более чем ста двадцатью гребцами. Однако достойному «Длинному Змею» Олава, который «из всех кораблей, построенных в Норвегии, был лучше всего сделан и потребовал наибольших затрат»¹, требовалось чуть более половины этого числа. Эта ладья Олава послужила образцом кораблестроительной деятельности для нескольких последующих конунгов.

Все суда — от кораблей-драконов до маленьких лодок — строились по одному и тому же шаблону. Характерные поднятые оконечности, под большим углом круто загибающиеся кверху, огромная

в сравнении с бимсом длина — все это соединилось вместе, производя на свет поразительно практичные суда. Судя по всему, они действительно пересекали страшное штормами море, не боясь быть залитыми водой. Что еще здесь можно возразить, если эти корабли сами говорят за себя?

Хотя эти ладьи и строились таким образом, чтобы на них можно было плавать по мелководью и чтобы их легко было вытаскивать на берег, они, несомненно, доказали свою способность двигаться и в открытом море. Однако исключительной была не только их способность противостоять морским волнам. Ведь даже менее совершенные средиземноморские корабли, хотя они и были замечательными судами для каботажного плавания, более-менее выдерживали стальные объятия Атлантики, если им приходилось двигаться в Бискайском заливе. Однако именно суда викингов явили подлинный триумф кораблестроения: своей двухконечной конструкцией они идеально отвечали своему двойному назначению. Когда в конце XIX века было раскрыто огромное погребение в кургане в Гокстаде в Христиания-Фьорде, у судостроителей округлились от удивления глаза. Из-под слоя голубой глины, которая и способствовала сохранности дерева в течение тысячи лет, показалось судно, очертаниями своими напоминающее большинство современных яхт.

Можно с уверенностью признать, что гокстадский корабль, несмотря на относительно малые размеры, был типичной ладьей викингов. Если

эксперты не ошибаются в определении даты ее постройки, она была в строю в ту самую эпоху, когда, как раз в начале всеобщего нашествия на Британию, ее собратья занимались исследованием береговой линии, то тут, то там участвуя в набегах. Хотя она и была построена норвежцами, однако, если можно так выразиться, «по проекту» более позднего Дракона Канута Датского. С другой стороны, помимо размеров, существенных различий между ними не много. Та же самая традиция постройки судов прошла через поколения кораблестроителей и дошла до настоящего времени. На Оркнейских островах и по сей день под каждым судостроительным навесом можно ощутить ее влияние. В шотландских двухконечных лодках оно чувствуется еще больше, не говоря уже о норвежских фьордах, где оно проявляется сильнее всего.

По сей день в Девоне, да и повсюду в Англии, в лодочных сараях можно найти подвешенные к крыше лодки, форма которых заимствована из Норвегии. Если взглянуть на такую лодку с небольшого расстояния, то в тусклом свете сарая она может показаться уменьшенной копией судов, некогда сеявших панику в этом самом устье. Ее приподнятые форштевень и ахтерштевень теряются во мраке под крышей, отсутствие у нее фигуры на носу и других украшений можно и не заметить. Строгость очертаний, заостренность концов и плоская средняя часть действительно придают ей вид уменьшенной модели. Обработка

настила современными инструментами сделала лодку несколько тоньше, чем это было доступно древним ремесленникам (неудивительно, что для того, чтобы вытащить на берег лодку о шестнадцати веслах, требовалось сорок крепких викингов), однако ширина пояса обшивки сохранилась.

Ранее высказывалось предположение, что образцом для многих элементов конструкции норманнских судов послужили случайно попавшие им в руки корабли из Средиземного моря. Действительно, можно, без сомнения, обнаружить черты фамильного сходства между ними и теми судами, на которых наши саксонские предки пересекли Ла-Манш и вторглись в Британию, — они похожи друг на друга больше, чем обычная борзая на шотландскую борзую. Описание северных кораблей I в. н. э., приведенное Тацитом, без труда может подойти и к кораблям из Усеберга и Гокстада.

Весьма вероятно, что длинный корабль в своем окончательном виде — это результат нескольких столетий интенсивной эволюции. Долгие утомительные эксперименты по разработке кораблей — не для людей с таким воображением и умелыми руками, которые отличали энергичных норвежцев, тем более что они кормились как раз за счет рыбной ловли в самых коварных водах Европы и начинали учиться плавать на лодках, едва только научившись ходить. Кроме того, какие-то знания о судостроительном искусстве могли

принести с собой и их предки, из каких бы земель и по каким бы путям они ни пришли в Скандинавию. Осмелится ли кто-либо предложить другую версию? Раз уж шведские викинги смогли пройти на юг к Черному морю, то что мешает предположить, что задолго до этого их предки проложили себе по реке путь на север?

Если не брать в расчет ее размеры, то ладья из Гокстада, как я уже говорил, может служить прекрасным образцом этого рода кораблей. Ее можно рассматривать как небольшое военное судно, рассчитанное на шестнадцать скамей, несмотря на то, что в действительности не обнаружено никаких следов скамей. Бимс ее намного меньше, чем одна пятнадцатая от общей длины судна, которая составляет примерно восемьдесят футов. Интересной особенностью судна является способ, каким оно скреплено: часть деталей связана прутьями лозы, часть, вопреки более древнему методу, — проходящими сквозь элементы железными заклепками. Тем же самым способом клепают обшивку современной норвежской лодки — «скифа» в деревнях рыболовов в Девоншире.

Еще более интересно расположение весел. Несмотря на то, что планширь, венчающий надводные борта, в центральной части судна возвышается над ватерлинией всего на два фута, весла, очевидно, вставлялись в специальные отверстия, сделанные в третьем слое обшивки под фальшбортом. Естественно, что при наличии ряда отверстий, располагавшихся в борту судна доста-

точно низко, было необходимо каким-то образом предотвратить попадание воды внутрь. Норвежские строители искусно решили эту проблему, снабдив отверстия подвижными задвижками. Сама форма этих отверстий выдает еще большую изобретательность. Для того, чтобы весло могло пройти через отверстие, но чтобы само отверстие, ради безопасности судна, не было слишком большим, оно продолжается в виде горизонтальной щели — получается нечто наподобие замочной скважины.

Длина весел была различной. Те, что размещались на носу и корме, были заметно короче семнадцатифутовых весел в центральной части корабля. Однако вес каждого весла свидетельствует об исключительной физической силе тех, кто держал их в руках. Отсутствие скамей породило широко распространенное мнение о том, что норвежцы гребли стоя, предвосхищая «североморский стиль гребли». Однако все свидетельствует об обратном. В описании одной из морских битв встречается упоминание о том, что команда отказалась «сидеть на веслах спиной к врагу», что вполне разумно. И саги изобилуют подобного рода сообщениями.

Не может не привлечь внимание широкое рулевое весло. Спущенное со стороны правого борта («рулевого борта»), оно крепилось к деревянной накладке непосредственно своею лопастью и привязывалось веревками, пропущенными через корпус корабля. Создается впечатление, что

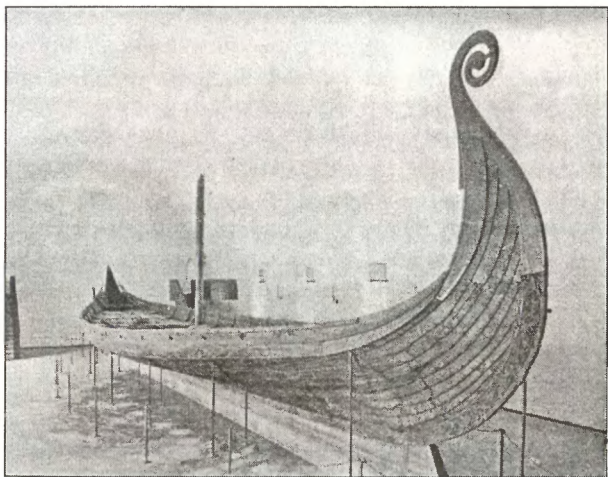
таким рулем было очень удобно управлять, короткая его рукоять, по-видимому, не требует приложения больших усилий.

До наших дней сохранились закрепленными на своем месте на планшире и некоторые из целого ряда щитов, ставшего яркой особенностью ладей викингов. Прикрепленные так, что один щит своим ободом перекрывал другой, и раскрашенные попеременно в черный и золотой цвета, они были последним штрихом украшения судна — подобно нити бус на стройной шее. Судя по всему, украшение и было основным их предназначением, по крайней мере на этом корабле. Поскольку их нижние концы закрывают отверстия для весел, то идти на веслах было невозможно до тех пор, пока щиты находились на своих местах, хотя самому движению судна они и не мешали. С другой стороны, когда судно плыло, они погружались в воду довольно глубоко. Многочисленные упоминания о щитах на идущих под парусом кораблях говорят лишь о том, что они придавали внушительность облику судна при подходе к берегу.

Из трех обнаруженных возле корабля лодок одна — двадцати пяти футов в длину — слишком велика, чтобы ее можно было разместить на борту. По всей видимости, норвежцы, отправляясь в продолжительные или в краткосрочные путешествия, обычно тащили лодки на буксире.

Декоративная резьба на подпорках навеса, на лопастях весел и на других частях корабля из Гокстада не идет ни в какое сравнение с укра-

шением корабля, найденного при раскопках могильного кургана в Усеберге. Однако усебергский корабль, чью корму и форштевень украшал великолепный орнамент, скорей всего был просто прогулочным судном — что-то типа современной королевской яхты. Как и его собрат из Гокстада, обшитый внакрой дубом, он на несколько футов короче, а его бимс длиннее. Еще одно различие состоит в том, что отверстия для весел на корабле из Усеберга расположены выше, как раз под фальшбортом.

Корабль из Усеберга

Верхняя часть форштевня над резным фрагментом — современная реконструкция. *Universitete's Oldsaksamling*, Осло

Эти две ладьи, не считая других, более мелких находок, представляют собой зримое свидетельство истории кораблей викингов, которое помогло разрешить множество связанных с ними загадок. По сути своей они представляли собой беспалубные лодки. Небольшой настил на обоих концах судна был не более чем помостом, местом, с которого можно было вести сражение. Едва ли во время плавания на борту такого корабля было комфортно. Укрытием для многочисленной команды служило сооружение, состоящее из навеса, натянутого над коньковым брусом вдоль всего судна, — своего рода открытый тент, под которым люди могли лежать в спальных мешках. Но это было рискованным, потому как враги могли застать врасплох спящую команду. Покрытое тентом судно не могло двигаться ни под парусом, ни на веслах. Одной из оркнейских флотилий, растревожившей врага на побережье Восточного Лоттиана и раскинувшей навесы, встав слишком близко к берегу, едва удалось спастись от уничтожения. Навес этот — очень удобный на биваке на берегу — можно было устанавливать только после того, как судно встало на якорь, а мачта была сложена. «Мачту долой, ставить навес!» — должно быть, именно такая команда обычно раздавалась с наступлением сумерек в мирных водах.

Помимо всего прочего, длинный корабль в состоянии боевой готовности был переполнен людьми. Команда судна превосходила необхо-

димое для гребли количество людей. Так, небольшая ладья в двадцать скамей везла свыше шестидесяти человек. Очевидно, что лишние в команде люди либо могли быть воинами, либо составляли резерв для смены гребцов при продолжительной гребле.

И все же долгий ход на веслах был исключением. Даже если бы они были чуть менее тяжелыми, их вряд ли стали бы использовать в том случае, если можно было развернуть паруса, — иначе человеческой природе пришлось бы претерпеть значительные изменения. Веслами пользовались при безветрии на море и для маневров. Когда корабль выходил в открытое море, а также при благоприятном ветре весла, без сомнения, поднимались на борт. Даже небольшого лоскута паруса было достаточно, чтобы слабый ветерок сдвинул с места узкий корпус корабля. Реальный же размер паруса был огромен. Размер реи корабля из Гокстада — массивного сужающегося к концам бруса — почти равен его длинной мачте.

Судя по всему, парус, который крепился на мачте, устанавливавшейся прямо посередине корабля, был приспособлен только для того, чтобы идти по ветру. Едва ли рею можно было развернуть так, чтобы можно было поменять галс. Вероятнее всего, идти против ветра без помощи весел было недостижимой мечтой.

Когда ладья шла с попутным ветром, ее скорость, очевидно, была на удивление высока. На

корабле имелись штаги* для того, чтобы натянуть нижние концы паруса, так чтобы он мог принять на себя максимум давления ветра. Сукно — шерстяной материал, из которого изготовлялся парус, — очевидно, должно было выдерживать достаточно сильное натяжение. Свидетельство об этом можно найти на более раннем изображении корабля, вырезанном на камне из Готланда. На нем мы видим парус, крест-накрест пересеченный линиями, которыми, судя по всему, изображены диагональные тросы. Тросы идут от нижней части паруса, и другие их концы держит в своих руках команда, которая, в целом, напоминает группу церковных звонарей. На самом же деле мы должны прийти к выводу, что тросы эти предназначались для того, чтобы укрепить парус. Все это поразительно напоминает систему перекрестных тросов, которая, как предполагают, изображена на примитивных рисунках плававших по Нилу древнеегипетских лодок. Несомненно, для еще большего укрепления паруса предназначались и раскрашенные вертикальные полосы на норвежских парусах.

Вообще, расцветка парусов упоминается в сагах слишком часто, так что это вызывает определенные сомнения. Фантазия викингов использовала все естественные цвета, начиная от сплошного черного или темно-красного. Судя по всему,

---

* Штаги — снасти, поддерживающие вынесенные в диаметральной плоскости части такелажа судна. — *Примеч. ред.*

любимыми были голубой и белый, однако можно было сшивать друг за другом полосы двух разных цветов, чем достигалось бесчисленное число вариаций. Золоченый Дракон Канута — корабль уже более позднего периода — сага изображает движущимся под парусами голубого, красного и зеленого цветов, словно цирковой фургон. «Нос был весь позолочен, и все судно... раскрашено выше ватерлинии».

Они эффектно смотрелись, эти «раззолоченные, высокомачтовые звери, раскрашенные в яркие цвета». Яркая краска, которая была видна на бортах этих кораблей вместо смолы, говорит нам о щегольстве викингов еще больше, чем цвета их парусов. Если же мы подойдем поближе, то мы, несомненно, увидим богатую резьбу и обильное золочение носа. Возьмем, к примеру, корабль «Змей», построенный для Рауда Могучего — этого несчастного человека, в горло которого засунули живую гадюку в наказание за его упрямство в языческой вере. У «Змея» Рауда «впереди была драконья голова, а за ней изгиб, который кончался как хвост, а обе стороны драконьей шеи и весь штевень были позолочены»². После убийства Рауда конунг Олав использовал его «Змея» в качестве шаблона, по которому был построен еще более разукрашенный корабль «Длинный Змей», и не нашел ничего лучше, как позолотить еще и изогнутый драконий хвост.

Фигура на носу корабля воплощала не только его имя, но и его дух. Она была почти что тоте-

мом. Для того чтобы исключить повреждение этой фигуры, ее обычно снимали с ладьи, когда та вытаскивалась на сушу или стояла в гавани, точно так же, как носовые фигуры на наших старых угольных бригах. При этом, однако, повторялись одни и те же названия кораблей: они были «Драконами», «Змеями», «Быками», «Журавлями» и «Грифами». Названия были столь же стереотипны, как и общепринятые сравнения у рассказчиков саг. Только второму Олаву удалось внести новую струю, когда он своими собственными руками вырезал голову Карла Великого для своего корабля «Голова Карла».

К сожалению, у кораблей, найденных в могильных курганах, не обнаружено ни одной носовой фигуры. Высоко загнутые концы судов оказывались в более пористой почве, где сгнивали почти целиком, так что высота и внешний вид носа и кормы корабля можно реконструировать только на основании свидетельств в сагах.

Трудно противостоять искушению порассуждать, какова могла быть связь между способностью судна противостоять морским волнам и его высокими оконечностями. Оно, очевидно, идеальным образом и принимало встречную волну, и гладко шло по волнам, при том что, учитывая длину судна, насущной необходимостью было постоянно держать определенную скорость, чтобы судно слушалось руля и не выходило из ветра. Многие полагают, между прочим, что у норвежцев развилось использование плавучего якоря.

Кроме того, среди их достижений было использование своего рода подъемной лебедки или кабестана для установки тяжеловесной мачты в ее гнездо. Якорный шток, черпаки и ковши для вычерпывания воды были для викингов столь же привычны, как и обувь на ногах, а идея использовать катки для облегчения втаскивания корабля на берег и спускания его на воду пришла к ним из самой темноты их прошлого.

Почти две трети года убежищем корабля оставался причал на берегу. Не один месяц отдыхали эти «морские звери, лежа со склоненными головами в сарае для лодок до весны». В конце каждого лета, прежде чем начнутся осенние бури, корабль вытаскивался на сушу и разбирался. Снимались фигура с носа, мачта, весла и другие снасти, которые можно было унести. Поднатужившись, многоголосая толпа аккуратно поднимала на береговой откос и относила ее в зимнее убежище. Там, в укрытии, она оставалась до весны, когда при свете солнца ее команда покрывала ее новой смолой, устраивала на ней новый такелаж, готовя ее к отплытию в начале лета.

Ничто, кроме зимней погоды и недостатка дневного света, не могло стать препятствием для плаваний норвежцев. Не последнее место в ряду искусств, которыми они владели, занимала навигация. Помимо постоянных плаваний из Норвегии в Британию и обратно, им были знакомы и более длительные переходы — в Исландию и далее. Конечно, многие корабли пропали вместе со своей

командой в неведомых водах. Однако, судя по всему, при условии хорошей погоды большинство кораблей приходили точно в место назначения. Они умели в течение многих дней сохранять правильный курс, когда берег терялся из виду, ориентируясь только по солнцу и звездам. Компас тогда еще не проложил себе путь с Востока в Европу. Но ориентирование по солнцу имеет очевидные недостатки, когда нет никаких средств измерения времени суток, а солнце стоит высоко в небе. В любом случае необходимы хотя бы самые простые часы. Вполне возможно, что время измерялось с помощью примитивных солнечных часов, например, по тени вертикальной перекладины, установленной на задней палубе.

Нельзя также исключать возможности того, что судоводитель лишался единственных находящихся в его распоряжении навигационных ориентиров, когда солнце и звезды скрывались. Океанское путешествие в таких условиях превращалось в плавание по воле случая, которое вполне могло притягивать к себе викингов, учитывая их темперамент. Нет сомнений в том, что оно действительно оказалось привлекательным для отправившейся в плавание компании молодых людей из одной из новых колоний в Исландии. Пустившись в путь исключительно из жажды приключений, они, судя по всему, не представляли, где именно они намерены их искать, хотя они и предполагали причалить где-нибудь в Норвегии. «Ветер с севера был столь силен, что они далеко

заплыли на юг. Туман же был столь густым, что они не могли определить, где находятся, и они долго скитались по морю». Наконец, они счастливо пристали к северной оконечности Шотландии. Однако соль всей истории — в случайно брошенном замечании рулевого. Они вошли в линию прибоя и поняли, что рядом суша. Тогда они спросили рулевого, как опытного моряка, что это может быть за земля. «В этом направлении есть много стран, — ответил тот, — к которым при этой погоде мы могли прийти: Оркнейские острова, Шотландия или Ирландия».

Как правило, именно рулевой был самым важным человеком на судне. В отличие от обычая, получившего распространение в Англии с приходом в нее завоевателей — норманнов, капитан судна мог в то же время быть ее штурманом и рулевым, ничуть не теряя при этом своего достоинства. С точки зрения викинга, никакая должность на судне не была зазорной для мужчины, и к ним не было пренебрежительного отношения. У народа, который почти ни во что не ставил социальные различия, команда судна была почти на одной ноге с его капитаном. Один из Олавов, когда в молодости ходил походами вдоль Английских берегов, сидел на веслах на своей собственной ладье. Точно так же, когда правящий конунг или ярл выходил в море на своем длинном корабле, он, как правило, вступал в должность рулевого. Команда же набиралась из его телохранителей, дружинников и личных друзей.

Однако, вне зависимости от того, кто был ее владельцем, у ладьи викингов было одно преимущество, отличавшее ее от боевых кораблей Средиземноморья — римских ли, принадлежавших госпитальерам, или языческих. На ее борту не было рабов. На ее веслах сидели воины и свободные люди. Судьба невольников на южных галерах, работающих под ударами кнута, практически не менялась в результате сражений — менялся только владелец. Норвежец же, без принуждения савившийся на весла, рисковал своей собственной прибылью, а подчас и самой жизнью.

Но достижение цели, в конце концов, даже не так важно, как сам дух путешествия. Можно ли представить себе иное, столь же непобедимое содружество свободных индивидуумов, связанных друг с другом общим интересом. Наделите таких людей большой физической силой и боевыми навыками, сделайте их великолепными моряками, разместите их на банке небольшого судна — и перед вами будет команда корабля, которая сможет без страха и упрека противостоять просторам Атлантики или внушить почтение всем обитателям ее побережья.

ГЛАВА V В АНГЛИИ

*Корабли пришли с востока,
Жаждающие битвы...*

Подобно внезапной вспышке огонька в таинственном тумане прошлых дней появляется первое свидетельство нападения викингов на побережье Англии. «И в его дни (короля Беортрика) впервые пришли три корабля норманнов из Хердаланда, и тогда главный королевский наместник прибыл к ним и пожелал силой препроводить их к королю, ибо он не знал, кто они были; и они убили его»¹.

Даже если автор хроники прав, утверждая, что эти норвежцы были первыми, «кто подошел к земле англичан»², то они все равно были не более чем пена наступающей волны. Набег следовал за набегом, небольшие группы вырастали в целые флотилии. Однако, если не считать печальную судьбу знаменитых монастырей Линдсфарна или Ярроу, история первых поджогов и ограблений скрыта от нас густой пеленой тумана. Когда поле зрения проясняется, мы видим, как линию гори-

зонта заполняют уже датские, а не норвежские корабли. Норвежцы проворачивали тем временем гораздо более легкое предприятие в Ирландии, так что в Англии их соперники стали рассматривать их вмешательство как незаконное вторжение в их же дела. Датчане же, приступив к делу позже, спешили возместить упущенное. Их было так много, что такая добыча, как маленькая деревушка или одинокая монастырская церковь, уже не могла их удовлетворить, и вскоре два самых величавых города Англии слышали треск горящей соломы. Теперь уже по реке Стаур к Кентерберии и по реке Итчен в Винчестер поплыли черные ладьи, положив тем самым начало истории о разграбленных соборах, безжалостно убитых людях, о детях, которых, подбрасывая вверх, насаживали на копья, об уводе «множества женщин на корабли».

Неизменно поражают размеры датских флотилий. От трех до четырех тысяч судов было вытасчено на песчаную отмель в Кенте возле первого построенного датчанами зимнего форта в Англии. Правда, не все эти корабли прибыли непосредственно из Дании: южный берег Северного моря манил к себе речными лагерями в Нидерландах. Вскоре множество датчан, в рядах которых попадались иногда и норвежцы, беспрепятственно курсировали от одного берега Ла-Манша к другому.

Это были жестокие года для несчастных саксов, разобщенных междоусобицами и скудно вооруженных, чье народное ополчение действовало так же медленно, как и собиралось. Если в свое

время даже небольшие отряды норвежцев владели ситуацией очень хорошо, то что могла сделать кучка саксонских вояк-любителей против превосходно организованных армий датчан? Так что не удивительно, что старомодные скоротечные набеги и поджоги деревень по всей стране уступили место систематическим походам, длящимся целое лето, и грабежам.

И все же история развивалась не столь уж однообразно. Ведь был же тот чудесный день, когда пустынные торфяники низин Суррея увидели «великое избиение язычников». Однако такие неудачи были редки, и мольбы монахов не прекращались: «От ярости норманнов избави нас, Господи!». А жестокие методы викингов вызывали столь же жестокие ответные действия по отношению к попавшим в плен заблудившимся воинам или судам. Доказательством этого, если верить традиции, служат похожие на высохшую кожу обрывки, которые до сих пор можно видеть в Суссексе прибитыми к воротам далеко не одной церкви. Как гласит предание, на них, словно труп хищной птицы, прибитая к сараю лесника, висит кожа норманнов, пойманных и освежеванных саксами.

В эти-то времена и возникает над горизонтом грандиозная фигура Рагнара Кожаные Штаны. Окутанный легендами, образ Рагнара был знаком половине всей Европы. Он исследовал Белое море, он плавал в Средиземном море, брал Париж, воевал в Англии, он был конунгом Дублина. Магия его имени такова, что ему, на самом деле,

приписали деяния целых двух поколений. Однако сколь бы мы ни приукрашали романтически его свершения и смерть, Британия запомнила Рагнара по целому выводу могучих сыновей. Взгляните на родословную какого-нибудь британского вождя или короля Ирландии, жившего спустя полвека после Рагнара, и не исключено, что вы обнаружите в ней сына или внука Рагнара Кожаные Штаны.

Концом жизненного пути Рагнара было его пленение королем Нортумбрии Аэллой. Он был брошен в яму со змеями и, распевая триумфальную предсмертную песнь, умер в мучениях. «Поросята всегда хрюкают, когда знают, что случилось со старым боровом», — таковы были чуть ли не последние его слова. И поросята действительно захрюкали, когда узнали о судьбе своего отца, и не впустую. Один из сыновей так сильно сжал оказавшуюся в руке шахматную фигуру, что кровь выступила у него из-под ногтей; другой — Сигурд Змей в Глазу — был поражен настолько, что, обрезаая себе ногти, остановился, только дойдя до кости; Бьярни же Железнобокий так сжал свое копье, что на древке остались отпечатки его пальцев. Самый свирепый из них — Ивар Без Костей — расспросил обо всех подробностях, но никак не отреагировал, если не считать того, что его лицо посерело от ярости, а кожа вздулась.

Сыновья Рагнара — не новички в тяжелых столкновениях — оказались достойны своего отца. Они вторгаются в Нортумбрию, захватывают

Аэллу и вырезают на его спине символ своей мести в виде кровавого орла. Теперь Рагнар может восседать в Вальгалле с гордо поднятой головой.

Эту жажду мести можно было бы истолковать вообще как мотив вторжения датчан в Англию — если бы не осложняющий дело факт, что первая высадка была совершена в Восточной Англии. Однако несомненно то, что трое из сыновей Рагнара — Хингвар, Ивари Хубба, вместе с неким Хальвданом, который, возможно, был четвертым сыном, — стояли во главе той армии, которая, сметая все на пути, прошла Нортумбрию и, после легендарной битвы, превратила Йорк в твердыню датчан. И именно Хингвар и Хубба поспособствовали тому, что аббатство св. Эдмунда получило имя этого святого. Их войско прокладывало себе путь по Кроуленду и Или, отмечая свое продвижение дымом пожаров, когда Эдмунд, король Восточной Англии, стал их пленником. Захваченный во время ночного нападения на свой лагерь у Тетфорда, он упорно отказывался отречься от христианской веры или «править, подчинившись язычникам». Вследствие этого он был нагим привязан к дереву в качестве мишени для стрел, а затем, когда эта забава викингам наскучила, его обезглавили. Спустя полтора столетия не кто иной, как Канут — тоже не самый миролюбивый из датчан, — основал в честь мученика огромное и великолепное аббатство святого Эдмунда.

Ивар Без Костей отправился попытать счастья в Дублине, а его братья двинулись на юг в Уэссекс,

где развязали долгую войну с королем Альфредом. Однако непреклонный дух Альфреда, из раза в раз терпящего поражение, вынудил датчан принимать «мощные удары вместо шиллингов и тяжесть секиры вместо дани».

Особо стоит отметить один эпизод этой кампании, в котором мы встречаемся с зачатками английского королевского флота. Появившись неведь откуда с новой датской флотилией, Гутрум атаковал побережье Дорсета и взял Уорхэм. Альфред спешил на помощь, однако от людей Гутрума пришлось откупиться солидной суммой. Взамен те поклялись на священном кольце Тора, что навсегда покинут берега Англии. Но чего стоила эта клятва? Как только деньги были уплачены, часть флотилии двинулась на запад вверх по реке Экс и захватила Эксетер. Теперь настала очередь Альфреда. Для начала он задействовал морские силы. Он ввел в действие суда, которые только что были построены им по образцу галер врага — «почти в два раза больше остальных». Укомплектованный командой из фризов, новоорожденный английский флот оказался достаточно мощным, чтобы начать блокаду устья Экса. Оставшаяся часть флотилии Гутрума вышла из Пуля для того, чтобы противостоять подобной наглости и прорвать блокаду, но буря отнесла их к скалам Сванэдж. Более сотни кораблей было разбито. Выброшенные на берег возле Эксете-ра датчане, отрезанные от моря и окруженные армией Альфреда, покорно капитулировали —

чтобы вновь вступить в схватку где-нибудь в другом месте.

Знамя Хуббы с изображением ворона, сотканное его сестрами, стало одним из последних трофеев Альфреда в этой войне. Его владелец был убит в Северном Девоне на реке Северн, когда его флотилия осуществляла фланговую атаку сил Уэссекса. Хубба, однако, был единственным сыном Рагнара, который погиб на английской земле; все его старшие братья один за другим отправились в Ирландию или на континент в поисках новых возможностей приложения своих талантов.

Хальвдан, еще раз вернувшись в Нортумбрию, так «распорядился» в Йорке, что оборона города всецело оказалась в руках воинов, получивших наделы земли вне городских стен. Основа новой северной страны была заложена прочно. Есть ли где на территории Англии такое место, где пролилось больше крови викингов, чем на территории этого старинного королевства, раскинувшегося через долины к норвежским поселениям на Камбрийском побережье? Рассказчик саги имел все основания заявить: «Нортимбраланд был большей частью заселен норвежцами, с тех пор как сыновья Рагнара Кожаные Штаны завоевали страну. Датчане и норвежцы часто совершали набеги на страну, после того как она ускользнула из их рук»³. Столица Хальвдана в Йорке долгое время служила настоящей цитаделью норманнов в Англии.

Когда после заключительной битвы в Уилтшире Альфред и Гутрум поделили между собой

страну, это почти не затронуло Нортумбрию. В Пятиградии датчане, вместе со всеми своими ярлами и законоговорителями, расселялись, соблюдая относительный порядок, в то время как Йорк мог стать желанной добычей любого морского разбойника, имевшего достаточно сил, чтобы захватить и удерживать его. То норвежец, то датчанин провозглашал себя королем. Эта ситуация была во многом схожа с тем, что происходило в приморских государствах Ирландии. Все изменения, происходившие с Нортумбрией, связывали ее с ее побратимом — королевством Дублина — узами столь же прочными, сколь и таинственными.

Даже мир, заключенный Уэдмором, не мог обезопасить побережье от новых грабителей. Из устьев рек Франции хлынул свежий их поток. За один только год сотня датских кораблей двинулась через устье Экса в направлении Эксетера; в следующем году флотилия, численно в три раза превосходящая предыдущую, бороздила воды вдоль побережий Кента и Суссекса. Вслед за этим волны откатились назад. Завоевание Нормандии словно бы открыло новый шлюз: Северная Франция в тот момент предоставляла возможности еще большие, чем Англия.

Такую блестящую возможность передышки глупо было упускать. И вскоре Эдуард Старший и его сестра, «госпожа мерсийцев», объявили войну всем, кто отказывался подчиниться английскому владычеству. Начав со строительства крепостей

в стратегически выгодных точках, они отодвинули область Пятиградия и восточноанглийскую часть Области датского права вплоть до границ самой Нортумбрии. В итоге сдалась и сама Нортумбрия. Предполагалось, что «все, кто населял Нортумбрию — и англичане, и датчане, и норвежцы, и остальные» должны признать английского короля.

Датчанин Сигтрюгг (Ситрик), король Йорка, подчинившись англичанам, не ощутил особых потерь. Его чувства могли быть ущемлены, однако он и его королевство продолжали существовать, как и прежде, за исключением того, что их независимость носила теперь исключительно номинальный характер. Правда, это небольшое затруднение можно было с легкостью исправить. Однако положение дел изменилось, когда преемником Эдуарда стал Этельстан. Этельстан старался обеспечить себе прочную безопасность: он склонил Сигтрюгга к принятию крещения и отдал ему в жены свою собственную дочь. Но все его старания были тщетны. Старомодным язычникам Йорка не пришлось долго сокрушаться, ибо супруга Сигтрюгга в том же году сделалась вдовой.

Получив известие о смерти Сигтрюгга, Этельстан нагрянул в Йорк с юга и попытался потушить разгоравшийся там пожар восстания. Пока он находился там, прилив принес необычайно красивый корабль, который, под парусами насыщенно пурпурного цвета, с позолоченной фигурой на носу и с золотыми щитами вдоль фальш-

бортов, двинулся вверх по реке Хамбер. Не за добычей явился он, а как знак примирения. Кунунг Норвегии преподнес подобающий дар королю Англии.

Однако в самой Нортумбрии мало кто желал примирения. Как только Этельстан вновь оказался на безопасном от Йорка расстоянии, жители Нортумбрии предприняли новую попытку освободиться. Они оказались в роли первопричины в великом объединении самых разнообразных народов севера, которые в ту эпоху не видели необходимости в английском владычестве. Этельстан и его армия сразу же приняли вызов:

Там король Этельстан
И с ним его брат
Князь Эдмунд
Добыли славу
Острием меча
Близ Брунабурга.

Победители при Брунабурге многим обязаны сплоченному контингенту норвежских и датских наемников, которые в рядах англичан без особых угрызений совести сражались против собственных соотечественников. В конечном итоге, не это обстоятельство делало этот случай необычным. Вот что было здесь действительно примечательно, так это причудливый этнический клубок. Шотландцы и валлийцы, датчане и норвежцы, жители Камбрии дублинцы — всех их можно было встретить в рядах войска, потерпевшего поражение.

Битва при Брунабурге была решающей — насколько вообще решающей может оказаться битва. После такой резни — четыре короля, один королевский сын и семь графов были найдены мертвыми среди тел побежденных — Нортумбрия более не вступала в жестокую схватку с английской властью. В общем-то ее никогда не считали областью более благополучной, чем, например, колония норвежцев в Камберленде, однако, во всяком случае теоретически, она стала частью Англии.

Предание гласит, что спустя некоторое время Этельстан прибег к помощи Эйрика Кровавая Секира, чтобы этот матерый грабитель справился с ворами поменьше. «Конунги вступили в переговоры через гонцов и договорились, что Эйрик получит Нортимбраланд от Адальстейна конунга и должен будет оборонять эту страну от датчан и других викингов»⁴.

Эйрик, сын Харальда Прекрасноволосого, был изгнан из Норвегии с трона своего отца за то, что он слишком распустил руки: его деяния были возмутительны даже для такой беспокойной страны, как Норвегия. «Эйрик был человек статный и красивый, могучий и очень отважный, воинственный и привыкший одерживать победу, необузданный, жестокий, неприветливый и неразговорчивый»⁵. История ранних лет его жизни напоминает газетный отчет: «Когда Эйрику исполнилось двенадцать лет, Харальд конунг дал ему пять боевых кораблей, и он отправился в поход, сначала

в Восточные страны, а затем на юг в Данию, а также в Страну Фризов и в Страну Саксов. Этот поход продолжался четыре года. Затем он отправился на запад за море и воевал в Шотландии, Британии, Ирландии и в Уэльсе, и этот поход тоже продолжался четыре года. После этого он отправился на север в Финляндию...» Короче говоря, он был полноценным викингом старой закваски. Даже когда он стал вассалом Этельстана, привычки его юности оставались в нем сильны. У него было мало земли в Нортумбрии, и поэтому «он летом всегда ходил в походы, совершая набеги на Шотландию, Южные острова, Ирландию и Британию и там добывал богатство»⁶.

Преемник Этельстана «не терпел норвежцев»⁷, так что Эйрик, по-видимому, чувствовал себя в большей безопасности на море. Во всяком случае, он в конце концов ушел в море, бросив свое королевство. Причина его отъезда, вероятно, прибыла вместе с величественной флотилией из шести сотен кораблей, которая под предводительством Анлафа (или Олава) Кварана, знаменитого короля Дублина, вошла в Хамбер. Как только прибыл один, отчалил другой. Анлаф, который участвовал в сражении при Брунабурге, занял место Эйрика в Йорке, однако впоследствии его, в свою очередь, вновь сменил Эйрик. Наконец Эйрик вновь взошел на свои корабли, и на них «было много викингов и морских конунгов, которые примкнули к войску Эйрика»⁸. Гебридские острова, Ирландия и Уэльс вновь ощутили тяжесть его

руки. «После этого он поплыл вдоль южного побережья Англии и разорял там земли так же, как и в других местах, и весь народ спасался бегством отовсюду, где он появлялся»⁹.

Конец его наступил тогда, когда он, переоценив свою силу, «зашел далеко в глубь страны» и вступил в битву при Стейнморе в Уэстморленде. «Многие англичане пали. Но на место каждого павшего приходило трое из глубины страны... В конце дня пал и Эйрик конунг и с ним пять других конунгов»¹⁰.

Какое-то время Англия твердо сопротивлялась давлению извне, пока власть не перешла в слабые руки Этельреда. Как только на его голову была возложена корона, норманны, чуткие, словно ртуть, реагирующая на изменение температуры воздуха, стеклись со всех сторон в Англию и принялись за дело. От шотландских границ и вниз до берегов Девона и Корнуолла вновь расцвел древний обычай — импорт жадных на сражения воинов и экспорт трофеев и рабов-саксов. Год за годом все больше кораблей прибывало и все больше богатства вывозилось. Взимался налог — Данегельд* (датские деньги), что увеличило и без

---

* Данегельд — регулярная дань, которую с конца X в. англичане выплачивали в качестве отступного датчанам и норвежцам, дабы те не нападали на остров. Достигала громадных сумм в несколько десятков тысяч фунтов серебра ежегодно. Фактически выплаты прекратились с созданием империи Канута Великого в начале XI в. — *Примеч. ред.*

того постоянно растущую общую сумму поборов. Характер же самих набегов уже не был столь рискованным, как это было раньше. Флотилии дерзко заходили в намеченную ими гавань, высаживалось войско, которое, под началом знаменитых предводителей, приступало к своей систематической работе. Более того, такие люди, как оба Олава, а также, не в последнюю очередь, сам Свейн Вилобородый, отправлялись за добычей без помощников, и прелесть новых королевств не смягчала их методов.

Тон таким предприятиям задал Олав сын Трюгви, история жизни которого ярка и интересна.

Когда он был еще ребенком, не умеющим ходить, его, хотя он и принадлежал к норвежскому королевскому роду, тайком, как беженца, перевезли на Оркнейские острова. С тех пор, прежде чем стать самостоятельным главой флотилии разбойников, он успел побывать рабом в Эстонии, купленным «за хорошую одежду»¹¹ придворным русского князя, ходил походами на Померанию. «Олав конунг очень любил повеселиться и пошутить, был приветлив и прост в обращении, горячо за все брался, был очень щедр, любил выделяться своей одеждой и в битве превосходил всех своей храбростью. Но он бывал крайне жесток, когда гневался, и своих недругов он подвергал жестоким пыткам»¹². Горе его после смерти первой жены во Фландрии было так велико, что он «отправился в Англию и воевал там по всей стране. Он ходил походом на север в Нортимбраланд и воевал там.

Скандинавская резьба по кости

Диск из кости, около 1000 г. н. э., найден в Лондоне, изображена фигура человека (голова утрачена).

Фотография, Британский музей

Затем он отправился на север в Шотландию и воевал там по всей стране»¹³. На своем пути на юг — так что он практически обошел кругом всю Британию, — «он воевал повсюду». Англичане, жители Уэльса или норвежцы Камберленда — все стали его легкой добычей.

Кульминацией этого четырехлетнего похода стало его обращение к христианству. Получив ранение во время сражения у островов Силли, он был крещен монахом — одним из жителей этих островов. «Осенью Олав отплыл с Сюллингов в

Англию. Он стоял там в одной гавани и вел себя мирно, так как Англия была крещеной, и он тоже был теперь крещеным»¹⁴. Так говорится в саге, но сага искажает события. Недавно принявший крещение Олав вовсе не пребывал в мирном расположении духа. Его корабли вошли в состав огромной флотилии, творившей бесчинства вдоль всего английского побережья, и именно Олав сыграл ключевую роль в победе над армией англичан у Мэлдона. Тот же самый Олав, получив в качестве выкупа слитки серебра весом в 10 000 фунтов, покинул обращенный в пепел Ипсвич. И тот же самый Олав, объединив свои силы с датчанами, которыми командовал Свейн, опустошал побережья Суссекса и Гемпшира до тех пор, пока деяния этих двух конунгов не принудили население к уплате столь же огромной суммы.

Свейн Вилобородый был викингом-новичком, однако это не облегчило участь Англии. Говорят, что свое первое вторжение он совершил во исполнение обета — хвастливой клятвы, одной из тех, которые мужчина давал во время поминальной трапезы в честь умершего кровного родственника. «В первый день пира, прежде чем Свейн конунг взойшел на престол своего отца, он поднял кубок в его память и дал обет, что до того, как пройдут три года, он пойдет походом на Англию и убьет Адальрада (Этельреда) конунга или прогонит его из страны»¹⁵. Возможно, что его воинственный пыл остыл уже на заре следующего дня. Такого рода клятва вообще воспринималась как

Черепатовидная фибула
Норвежская работа IX века.
Найдена на острове Барра, Гебридские острова.
Фотография, Британский музей

случайное неосторожное решение, принятое человеком навеселе. Хотя Свейн и прибыл в свое время в Англию, у него не было какого-либо определенного намерения.

Воспользовавшись первым удобным случаем, датчане разбежались — кто в Швецию, а кто в Данию, — однако Олав остался в центре событий. Он напал на Лондон, был отброшен и в конце концов, получив большое количество серебра, снял осаду. И все это время он и не вспоминал о своей новой вере. Когда же фортуна повернулась к нему лицом, он нанес визит Этельреду и в присутствии короля прошел обряд конфирмации в Эндове. Вот после этого он уже, кажется, более не разорвал Англию.

Однако двигавшие им мотивы могли быть, по всей вероятности, в большей степени связаны с делами семейного порядка. Либо причиной, либо следствием изменения его поведения было то, что Олав неожиданно женился во второй раз. «Явилась конунгова дочь, Гюда по имени, сестра Олава Кварана, конунга в Дюпплине (Дублине) в Ирландии. Она была раньше замужем в Англии за одним могущественным ярлом. Этот ярл умер, а она унаследовала его державу... Тинг... был созван, чтобы она могла выбрать себе супруга»¹⁶. Олав и часть команды его корабля отправились на тинг, чтобы повеселиться. Сам Олав присутствовал там инкогнито. Однако несмотря на то, что он назвал ложное имя и «был одет в дорожную одежду, а поверх у него был меховой плащ»¹⁷, он

тут же обратил на себя внимание статью. «Гюда ходила и смотрела на каждого, кто казался ей сколько-нибудь стоящим человеком. Когда она подошла туда, где стоял Олав... Гюда сказала: Хочешь жениться на мне? Я выбираю тебя. — Я не против, — ответил он... И вот Олав женился на Гюде и жил в Англии, а иногда в Ирландии»¹⁸.

Когда Олав получил приглашение занять норвежский трон, Гюда, «молодая и красивая женщина»¹⁹, исчезает со страниц предания. Возможно, Олав оставил ее, чтобы выбрать себе новую супругу. Однако его следующему сватовству суждено было стать причиной его смерти от руки старого друга — Свейна Вилобородого. Олав совершил ошибку, отвергнув злопамятную королеву Сигрид Гордую, которая была «злейшим врагом конунга Олава сына Трюггви, и причиной было то, что Олав конунг нарушил договор с ней и ударил ее по лицу»²⁰. Когда Сигрид впоследствии вышла замуж за Свейна, она стала подстрекать своего мужа лишить Олава королевства и жизни.

Судя по всему оба — и Олав, и Свейн — покинули Англию, заключив с Этельредом своего рода пакт о невозвращении. Облегченно вздохнув, английский король нанял датского ярла Паллига — свояка конунга Свейна — охранять со своим флотом воды Англии. Восточные ветры, однако, все еще приносили несчастья. Новое полчище норманнов, не имевших ничего за душой, равно как и в карманах, переправилось из Франции к побережьям Девона. От места своей высадки

в Эксмоуте они двинулись через Сомерсет и Уилтшир к берегам Саутгемптон-Уотер. Там к ним присоединился и сторожевой пес короля Этельреда Паллиг, и общая сумма Данегельда на этот раз составила 24 000 фунтов серебром.

Для Этельреда это означало конец. В минуту свойственного ему умопомрачения в день Святого Брайса он приказал начать ужасную резню. По поводу причин такого решения мнения расходятся: один старый английский автор даже относит это событие на счет ревности, которую испытывал Этельред к чистоплотным датчанам, очаровывавшим английских дам. Иноземцы, как утверждает этот автор, имели обыкновение «расчесывать волосы и мыться по субботам. Помимо того, они часто меняли одежду и поддерживали красоту облика иными, подобными этим средствами».

Так или иначе, но результат этой бойни имел большее значение, нежели ее причина. Примеров подобного массового убийства Англия не помнила со времен Боадики и господства римлян. По всей стране были вырезаны и мужчины, и женщины, и дети — как норвежцы, так и датчане, как жители центральной части страны, так и лондонские торговцы, виновные лишь в своей принадлежности к скандинавской крови. Венцом этой ужасной ошибки стало то, что среди убитых был Паллиг со своей женой — сестрой Свейна Виллобороного.

Свейн в то время был поглощен уничтожением Олава, однако задержка в два года не охладила

его пыл. Когда датское завоевание Норвегии закончилось, настала очередь Англии. Разъяренный Свейн вернулся в Англию «и факелом войны поджег города и села». И в Эксетере, и в Солсбери запылали пожары: для Свейна все берега Британии были равны. Нортумбрия, Восточная Англия и Уэссекс — каждый получил свою долю. Были короткие периоды затишья, но после них буря поднималась еще более неистовая. Выкуп, превышающий обычно выплачиваемую сумму, мог только на время облегчить горе Свейна, и тот покидал страну, чтобы вернуться вновь.

Тем временем норвежцы по-прежнему были на пике своей активности. Олав Толстый, после смерти почитаемый как Олав Святой, кузен первого Олава, со своей мощной флотилией вмешался в самую гущу событий. «Он был человек справедливый, сдержанный и немногословный, великодушный, но жадный до богатства». Пути святого Олава были в те времена по любым меркам далеки от путей святости. С ним прибыл присоединившийся к нему товарищ по оружию — викинг из Йомсборга Торкель Высокий.

Вместе они атаковали Кентербери, где от них щедро откупились, затем, совершив весьма прибыльный круиз вдоль южного побережья, они тщетно пытались взять Лондон. Когда же Этельред наконец двинул против них войска, они попросту удалились на зимний отдых в Гринвич. Следующий год они посвятили своей наземной и морской военной экспедиции в Восточную Англию,

которая проходила по суше и по морю. «Рингмер-Хит был красен от крови, когда под ударами войска пало множество тел вдали от кораблей». Кульминацией событий стало разграбление Кентербери. Епископский город, этот оазис изобилия посреди опустошенных земель, — для истинного солдата удачи он был слишком привлекательным, чтобы тот не позарился на него, позабыв все свои торжественные обещания, данные за несколько лет до этого. Одна за другой вязли в болотах Литтл-Стаур и выкарабкивались вражеские ладьи, доставлявшие к Фордвичу людей, пополнявших ряды осаждающих. Казалось, гнездо растолстевших горожан и «женоподобных» монахов можно захватить с наскока. Однако Кентербери продержался около месяца. Разочарованные и разъяренные норманны отомстили за это промедление, устроив настоящую бойню среди пылающих домов. «Из восьми тысяч остались в живых только несколько монахов и едва ли восемь сотен подлого люда». Они захватили архиепископа Альфега и перевезли на свою базу в Гринвиче. Однако этот узник не оправдал их надежд. Он не пожелал уплатить язычникам выкуп и не позволял выкупать себя за деньги христиан. «Близ Эксетера войско весьма было взволновано его судьбой». Над ним насмеялись на хмельном празднестве, закидывали бычьими костями до тех пор, пока удар секиры милостиво не оборвал его жизнь.

Этельред, отчаявшийся и беспомощный, вновь развязал шнур на своем кошельке, чтобы купить

мир. Серебро короля заставило ряды объединенной флотилии поредеть: осталось только сорок кораблей, которые должны были поступить на службу к королю. «Олав конунг нес оборону Англии»²¹. На этот раз Этельреду повезло. По крайней мере, сам Олав, судя по всему, добросовестно исполнял свои новые обязанности вне зависимости от того, что пытался предпринять Торкель.

Однако вскоре вновь появился Свейн Вилобородый. На этот раз он вернулся, чтобы остаться, и привез с собой своего сына Канута. Высадка в самом сердце Области датского права тут же подчинила Свейну весь север Англии. Он двинулся с войском на юг в глубь Уэссекса, захватывая на своем пути заложников. Сперва в его руках оказался Оксфорд, а затем и Винчестер; однако, вернувшись назад для того, чтобы взять Лондон, он потерпел первую неудачу, столкнувшись с кораблями Олава и Торкеля. Закрепившись в укрепленном лагере в Саутуорке (Судвирке), Свейну удалось захватить Лондонский мост. На мосту «таком широком, что на нем могли разъехаться две повозки», были построены «башни и частокол... Мост этот держался на сваях, которые были врыты в дно. Во время нападения Адальрада (Этельреда) датчане стояли по всему мосту и защищали его»²².

Прибывший на помощь Этельреду по Темзе Олав предложил свое решение проблемы. «Олав конунг велел приготовить большие щиты из

пругов, а также из разнообразных плетеных строений. Эти щиты он велел укрепить над кораблями так, чтобы щиты выступали за края бортов. Щиты эти держались на высоких шестах, которые были поставлены на таком расстоянии друг от друга, чтобы укрытие защитило от камней, которые могли бросать с моста, но вместе с тем позволяло вести оборонительный бой»²³. Собственные корабли Этельреда или, точнее, собственные корабли его сторонников атаковали мост незащищенными и отошли назад. «А Олав конунг... продолжал продвигаться вверх по течению под мост. Его люди привязали толстые канаты к сваям, на которых стоял мост, пустили все свои корабли вниз по течению и гребли при этом изо всех сил. Сваи вырвало из-под моста и потащило по дну... Когда сваи вырвало, мост проломился, и многие попадали в реку...»²⁴.

За свое участие в атаке Торкель получил от Лондона щедрое вознаграждение — если это было действительно вознаграждение — после чего попытал счастья уже на стороне датчан. Людям, столь же одаренным, как Торкель, было ясно, на чьей стороне выгоднее оказаться. Успех Этельреда под Лондоном никак не отразился на его положении, и он вскоре сбежал из своего стоящего на краю гибели королевства на норвежской ладье в Нормандию.

Олав, освобожденный от своих обязанностей, пустился в долгое плавание, совершая грабежи, и высадился наконец для зимовки на берегах

Сены. И тут до него дошли вести о смерти Свейна в Англии. Этельред нанес визит Олаву, и они «заключили союз с условием, что Олаву достанется Нортимбраланд, если они отвоюют Англию у датчан»²⁵. Подкуп и обещания собрали на побережье весьма пестрое войско, готовое к бою. В Линкольншире Канут был полностью разбит. Отрезав руки, нос и уши заложникам, взятым еще его отцом, Канут удалился вместе со своей флотилией за Северное море.

В течение следующих двенадцати месяцев Этельред лежал при смерти, а молодой датский конунг восстанавливал свои силы. «Засилье датчан в то время было так велико в Англии, что весь народ покорился им»²⁶, так что для Олава больше не оставалось места. Под прощальные возгласы он направился теперь домой. «Он поплыл на север вдоль берега Англии до самого Нортимбраланда... Он сразился с местными жителями, одержал победу и захватил много добра»²⁷. Затем «он отобрал себе двести двадцать хорошо вооруженных людей» и отплыл в Норвегию, где в свое время Кануту предстояло свести с ним счеты, захватив его королевство.

Битва в Линкольншире была одним из последних порывов ветра в этом многовековом шторме. Собрав колоссальную контрибуцию со всей Англии и еще одну, в отдельности, с Лондона, Канут приступил к устранению беспорядков. Когда на престоле Англии утвердился конунг викингов, история внезапно замолкает.

Произошедшее несколько позже вторжение в Англию Харальда Сурового оказалось чуть ли не самым последним вихрем, обрушившимся на побережье. Харальд Суровый, набрав наемников на Оркнейских островах, неожиданно появился в Йоркшире, одерживая победы в боях и сея повсюду панику до тех пор, пока английский король Гаральд не заставил его принять бой у Стэмфордбриджа. Именно там над круглыми шлемами и щитами в последний раз развевалось норвежское знамя «Опустошитель земель». «Прежде чем завершилась эта резня, пала вечерняя тьма»²⁸.

Разумеется, другие норвежские грабители наносили внезапные визиты еще и в более поздние времена. Например, именно конунг Эйстейн, судя по всему, основал множество городков по всему побережью от Хартлипула до Дувра и Портсмута. Но это были теперь всего лишь временные беспорядки. Вместе с теми двадцатью четырьмя кораблями из трех сотен судов прекрасной флотилии Харальда Сурового, которым удалось спастись, со всего пространства Северного моря исчезло последнее знамение эпохи великих захватов.

ГЛАВА VI

В ИРЛАНДИИ

*Горя жаждой богатства...
кинулись они... на прекрасную
зеленую землю Эйрин.*

Долгое время Ирландия, несомненно, была для викингов наиболее доступным воплощением Эльдорадо. Здесь можно было без особого труда стать обладателем богатства, скота и девушек-рабынь, что не всегда достигалось так легко даже на берегах Англии. Первые норвежцы, совершившие это длительное путешествие — вокруг северного побережья Шотландии вниз, по западному ее берегу, — оказались в стране, где каждый мелкий царек враждовал со своим соседом. Здесь люди жили среди своих стад, и племенной строй здесь был выражен гораздо резче, чем даже в Англии. Ни о какой согласованной самозащите в таких условиях и речи быть не могло, даже если бы местные приемы ведения войны оказались не столь элементарны, как на самом деле. Это был золотой век для викингов. Как только ирландцы, с присущей им готовностью к научению, освоили оружие и доспехи врагов, началась уже совсем другая история.

Несмотря на в целом скотоводческий облик хозяйства страны, во множестве религиозных сооружений, которыми так гордилась ирландская Церковь, всегда можно было найти какую-то добычу. Вполне естественно поэтому, что самый ранний набег, о котором имеются свидетельства, совершенный на остров Ламбей, имел своей целью богатства местной церкви. По мере того как темп нападений нарастал, соблазны монастырей и соборов завлекали норвежцев все дальше в глубь страны. Один из отрядов, высадившись на побережье Слиго, вскоре достиг Роскоммона. Его путь пролегал не только по суше: грабители большую часть пути продвигались по рекам и озерам. Там, где их небольшая флотилия уже не могла везти их далее, они проходили это препятствие, неся свои лодки с собой до тех пор, пока вновь не приходили к воде, где могли бы вновь двигаться на них. Такой способ передвижения внутри страны очень скоро стал традиционным в этих местах. Не только норманны, но и сами ирландцы во многих последующих экспедициях стали пользоваться лодками для перемещения по озерам.

Корабли-драконы появились и близ западного, и близ восточного берега Ирландии. Двигаясь вдоль линии побережья Атлантического океана вниз по диким берегам Коннахта и Мунстера, какие-то ладьи завернули обратно на север и так обнаружили Корк Харбор. Вероятно, именно в Корке норвежцы провели свою первую зиму на ирландской земле; но в течение нескольких лет

он стал всего лишь одним из звеньев в целой цепи зимних лагерей. В тех местах, где ранее были лишь покрытая травой земля и мелкие деревушки, возводились укрепления, обозначавшие место рождения морских портов. «Обрушился на землю Эйрин могучий прилив чужеземцев, так что на берегу не было места, куда не причалила бы их флотилия». Запуганные жители побережья со своих круглых башен видели, как эскадры непрерывным потоком снуют туда и сюда вдоль восточного побережья. Норвежцы начали осваиваться.

Однако местность все еще оставалась враждебной и необычной. В Англии норманн сражался или поселялся в кругу людей родственного ему склада и языка. В Ирландии же он мог и на самом деле почувствовать, что попал в иной мир. Здесь не было возможности всюду беспрепятственно захватывать земли, подобно тому, как это было в Камберленде. Когда пришли времена создавать поселения, самым мудрым было решение осесть вдоль моря и держаться подле своего собрата.

Однако в те времена они заняты были не столько обустройством поселений, сколько набегами. Только прибытие из Норвегии Тургеса (Тургейса) во главе многосотенного войска возвысило статус набега до положения военной экспедиции. Тургес оставил свои корабли под защитой земляных укреплений в бухте Дандолка, после чего стал совершать набеги по всему Ольстеру, опустошая огромные районы. Потом настала очередь Мита и Коннахта. Оставив у себя за спиной

истощенный Ольстер, норвежцы направились на юг к берегам Лох-Ри. Там они возвели со стороны моря другой базовый лагерь и продолжили свои набеги, передвигаясь на целой флотилии лодок.

В Армаге Тургес осквернил главную святыню ирландцев. Он изгнал аббата и вместо него назначил языческим жрецом самого себя. Не удовлетворившись этим, он официально назначил свою жену жрицей в соборе в Клонмахнойсе. Трудные времена настали для церквей по всей стране. К тому времени, когда Уиклоу, Дублин, Лимерик и Уотерфорд стали постоянными поселениями, все богатые монастыри в Ирландии были уже разрушены. Высочайшая образованность ирландской Церкви, известная не меньше, чем ее многочисленность, распространилась тогда по всему европейскому континенту. Гонимые террором язычников, группы ирландских монахов искали себе пристанище по всей Европе вплоть до Рима.

Однако в скором времени Церкви суждено было одержать победу. Сыграла свою роль установившаяся задолго до этого манера воздерживаться от четкого определения своих религиозных убеждений. С самого начала оказалось, что особенно толерантны датчане. Даже в десятом веке многие норвежцы правили в Дублине уже как христиане.

Вскоре норвежцы уже не могли передвигаться по стране столь беспрепятственно, как прежде. Ирландцы начали отстаивать свои права. Началось все с того, что они захватили Тургеса и

утопили его в Лох-Оуэле. А тут еще подросли датчане и заварили кашу еще круче. Первые датские корабли, вероятно часть огромной флотилии из Темзы, спустились вниз по Ла-Маншу и атаковали новые порты норвежцев. Они захватили Дублин и укрепились в нем. Имея на своей стороне численное преимущество, пришельцы обчистили весь берег. И наконец, датчане выиграли битву в водах озера Лох-Карлингфорд, неподалеку от старого лагеря Тургеса, хотя норвежская флотилия и продолжала сопротивляться три долгих дня.

Самый страшный враг — враг, живущий с тобой под одной крышей; следовало ожидать, что два племени викингов будут вести себя друг с другом по-настоящему искренне. Кажется, именно так и произошло у Лох-Карлингфорда. Ирландские посланники, посетившие после сражения лагерь датчан, почувствовали дух противостояния между ними. Ирландцы увидели, как победители готовили себе еду в котлах, установленных на мертвых телах норвежцев. «Если бы они победили, они сделали бы с нами то же самое», — таков был сухой ответ датчан на замечание пришедшего в ужас посла.

Последующая история *Finn-Gael* и *Dub-Gael* — светлых и темных чужестранцев — переплетается слишком тесно, чтобы ее можно было бы изложить отдельно. Они враждовали и перемешивались между собой; они сражались друг с другом и создавали союзы с главарями противной ирланд-

ской стороны, причем, что удивительно, делали это с абсолютной беспристрастностью. Ситуация осложнилась, помимо прочего, еще и тем, что появились *Gall-Gael*, «ирландцы-чужеземцы» смешанной крови. Норманны, вступавшие в брак с местным населением, невзирая на все различия, произвели на свет мощный клан, родство и взаимоотношения внутри которого были на удивление запутанными.

Все это время самым лакомым кусочком оставался Дублин. Норвежцы и датчане могли сменять друг друга на его престоле, однако само королевство Дублина, несмотря ни на какие потрясения, ни разу не было поколеблено. Несмотря на то, что Лимерик — самая мощная крепость на западном побережье — или, к примеру, Уотерфорд жили своей жизнью, управляемые независимыми королями, будущая столица Ирландии неизменно выделялась на их фоне. Дублин был единственным из портовых городов, под управлением которого находились многие мили окружающей его страны. Дублин был связан с островом Мэн, ставшим на время подчиненной ему территорией, и ответом на это стали отношения Лимерика и Гебридских островов. Но, помимо того, Дублин взял в свои руки Йорк — королевство, равное ему по достоинству, — и другого такого примера уже не найти.

Каждая из укрепленных гаваней в свое время обрела известность, служа штаб-квартирой заморских походов. Еще в самый ранний период одна

из флотилий, разорив берега Западной Франции, зимовала в Уотерфорде. Позже еще более грандиозные экспедиции доставляли время от времени свою добычу в тот или иной ирландский порт.

Их любопытные капитаны обнаружили, что за пределами Франции располагаются Испания и чудной народ со смуглой кожей, не знающий недостатка в золоте и серебре. Испания скоро почувствовала, что ее ожидает, и к главарю викингов в Ирландии, вероятно Тургесу, были направлены мавританские послы. Иные первопроходцы проложили путь через Гибралтарский пролив и возвратились с рассказами столь же соблазнительной силы, как и их добыча. Среди них был, как минимум, один из вездесущих сыновей Рагнара Кожаные Штаны — Бьярни Железнобокий.

Была ли Ирландия стартовой точкой трехлетнего похода Бьярни по Средиземному морю или нет, вернулся он со своими нагруженными кораблями именно в ирландскую бухту. Вместе с Бьярни отправился Хастейнн, его молочный брат. Самым значительным событием в их приключениях стало разграбление города, который они ошибочно приняли за Рим. На самом деле это был просто маленький город Луна. Город оказался слишком хорошо укрепленным, и им пришлось применить военную хитрость. Бьярни заключил с горожанами перемирие и, заявив, что его брат находится при смерти, упросил местного священника его крестить, чтобы тот мог умереть христианином. Обряд крещения, совершенный прямо в лагере

норманнов, прошел вполне благопристойно; епископ не пострадал. Однако западня, на самом деле, уже была готова. Последовала просьба захоронить тело Хастейнна внутри городских стен. Труп, в сопровождении плакальщиков из числа викингов, поголовно одетых в длинные плащи, внесли через ворота. Гарнизон, ни о чем не подозревая, наблюдал за происходящим. Затем в нужный момент Бьярни подал сигнал. Плакальщики и покойник выхватили спрятанное под плащами оружие и набросились на гарнизон и на город.

Редкое селение, оказывавшееся на пути Бьярни, оставалось нетронутым. Побережье же Северной Африки могло подвергаться набегам и другой флотилии «темно-красных морских птиц», как их называли арабские писатели. В те же времена некий, не названный по имени вождь привозил африканских негров, «синекожих» пленников, чтобы показать эту диковинку своим приятелям в Ирландии.

Служившие базой гавани вскоре приобрели более прочные основания своего существования. Норвежцы, для которых торговля была столь же естественным делом, как и война, направили свои торговые суда в Англию и Скандинавию. Ирландские шкуры и шерсть отправились за море, в обмен на французское вино и предметы роскоши с континента. Однако большую часть вывозимого груза составляли люди. В Ирландии рабство не было новинку (три коровы за девочку-рабыню — таков был меновой курс), но викинги поставили

дело на поток. «Как правило, они убивали королей страны Эйрин, а королеву и жен благородных людей увозили за море и продавали в рабство». Среди прочих товаров на рынках Швеции, Исландии, и даже на Руси, выставлялись прекрасные ирландские девушки. Мужчины тоже имели свою товарную ценность. Даже в далекой Гренландии у Лейва Счастливого, первооткрывателя Америки, были ирландские рабы, которые тащили его плуг и в конце концов убили его самого. Так или иначе, ирландская кровь проникла во все норвежские общины в Европе.

Однако любезность за любезность. И вот уже ирландские царьки совершают набеги на жилища норманнов и уводят их «пышных шелкововолосых женщин» в глубь страны, в свои поместья.

Очевидно, в Дублине отношения между норвежцами и датчанами были специфическими. Едва ли датчане могли поселиться там до того, как норвежец Олав Белый прибыл туда и захватил королевство. В истории имя Олава Белого отзывается многократным эхом: причем не только вследствие его долгого правления, но также благодаря той известности, которую приобрела его семья. Один из его сыновей, Торстейн Рыжий, вместе с Сигурдом с Оркнейских островов принимал участие в завоевании Кейтнеса и Сатерленда в Шотландии. Женой же Олава была сама Ауд (Унн) Многомудрая.

История Ирландии знает Ауд как великую вдовствующую королеву-христианку. Когда Олав

оставил ее вдовой, она со своими дочерьми вернулась в Шотландию, в дом отца, а затем, после смерти отца, приказала тайно в лесу отстроить себе корабль и отправилась в долгое путешествие в Исландию, чтобы в этом тихом местечке провести остаток дней. В Исландии она задумала построить свой дом на дороге, чтобы всякий путник мог стать ее гостем. Целый ряд аристократических фамилий Севера и по сей день называют Олава и Ауд своими предками, поскольку та выдала обеих своих дочерей за правителей Шотландии и Оркнейских островов.

Олав, сам приходясь родственником Рагнару Кожаные Штаны, избрал сына Рагнара — Ивара Без Костей — своим соправителем и соратником. Едва ли такая парочка могла праздно сидеть в Дублине. Как только выдалась пауза в потоке флотилий, жадных до их королевства, у них самих появилась возможность доставлять кому-нибудь неприятности. И вот они уже энергично орудуют в центральной части Шотландии, без разбора захватывая в плен саксов, валлийцев и пиктов. Одно из их путешествий затянулось настолько, что они позволили себе в течение четырех месяцев держать в окружении Дамбартон.

Однако норманны не могли долго выдержать без взаимных ссор. Ивар был случайно убит, сражаясь с одним из своих соплеменников, а его сын был изгнан из Уотерфорда. Тот сразу же отправился в Англию, где стал королем Йорка. Все эти бесконечные ссоры предоставили шанс для

ирландцев. В этот период победа оказалась на их стороне: они захватили Дублин и выдворили прочь его защитников. Норманны, поджав хвосты, сбежали за море в Англию. Их бегство было столь поспешным, что они оставили на побережье Дублина немало превосходных кораблей. Ирландцы были столь же мало привычны к соленой воде, как и их овцы, однако, захватив ладьи, они сделали их ядром своей флотилии. Ирландский флот прогрессивно развивался от небольших набегов на остров Мэн и Гебридские острова до увенчавшего его славой сражения с дублинской флотилией в бухте Дандолка, в котором, однако, никто не победил. И все же едва ли эти суда было возможно укомплектовать одними только ирландцами, вполне логично предположить, что норманны составляли немалую часть их команды.

Успех ирландцев в Дублине был всего лишь кратковременной вспышкой. Новый поток датчан и норвежцев, хлынувший в порты Ирландии, скоро ее погасил. Во главе одной из флотилий прибыл Торгильс, сын Харальда Прекрасноволосого. «Торгислю (Торгильсу) и Фроди Харальд конунг дал боевые корабли, и они отправились в викингский поход на запад за море и совершали набеги на Шотландию, Бретланд (Британию) и Ирландию. Они были первыми норвежцами, овладевшими Дюпплином (Дублином). Рассказывают, что Фроди был отравлен ядовитым напитком, а Торгисль долго был конунгом в Дюпплине, но был предан норвежцами и погиб там»¹.

Судя по всему, после Торгильса Дублином правили последовательно два сына Ивара Без Костей. Затем на престол взошел самый известный из всех королей Дублина Анлаф Кваран, сочетавший свое тридцатилетнее правление в Дублине с тяжким бременем престола в Йорке.

Мы помним Анлафа как брата Гюды, женщины, по собственному желанию выбравшей в Англии своим мужем Олава сына Трюггви. Отчасти благодаря семейным связям жены, Олав «жил... иногда в Ирландии»². В один из таких визитов он и обзавелся своей прославленной гончей. «Однажды, когда Олав был в Ирландии, он ходил в поход... Его люди сошли на землю и пригнали к берегу много скота». Когда предприятие было в самом разгаре, появился один из обобранных хозяев и попросил вернуть ему его скот. С усмешкой взглянув на множество рогов и мечущихся животных, Олав предложил: «Пусть берет, если может их узнать»³. Однако и крестьянин оказался на высоте. Он подозвал свою собаку, которая «обежала все стадо и отогнала ровно столько коров, сколько, по словам бонда, у него было»⁴. Это произвело на Олава впечатление, и тот «спросил бонда, не отдаст ли он ему эту собаку. „Охотно“, — сказал тот. И Олав сразу же дал ему в обмен золотое обручье и заверил его в своей дружбе. Собаку эту звали Виги, и лучше ее не было»⁵. Спустя много лет, уже в Норвегии, когда Олав пал под Стиклестадом, «Виги лег на его курган и не принимал пищу ни из чьих рук, хотя и

отгонял от кургана других собак, зверей или птиц, которые там появлялись. Там он оставался до тех пор, пока не умер».

Однако в то время, к которому относились эти походы Олава, могущество норманнов в Ирландии уже стало ослабевать; к концу правления Анлафа оно уже почти сошло на нет. Ирландцы вырвали Лимерик из рук внука Ивара Без Костей еще до того, как Анлаф, призвав на помощь своих товарищей с острова Мэн и с Гебридских островов, вступил в ужасную битву с ирландцами при Таре. Это было началом катастрофы. Ирландцы потребовали с Дублина огромный выкуп; а Анлаф умер от горя во время паломничества на Айону.

Куда более зловещей оказалась восходящая звезда короля Бриана, великого Бриана Бору, или Борума. Поначалу разбитый ирландской армией, объединенной с силами норманнов из Уотерфорда, он не оставил попыток разгромить объединенные силы Лейнстера и Дублина. И вновь Дублину пришлось платить выкуп. Король Дублина, Сигтрюгг Шелкобородый был вынужден признать Бриана своим повелителем, что исцелило душевные раны сына Анлафа. Сделав Дублин своей базой, Бриан подчинил себе Лейнстер — и ирландцев, и норманнов, — а затем направил свое войско к морю. И на море Ирландия была вынуждена признать господство своего нового верховного правителя. «Бриан двинулся походом во главе армии чужеземцев из Дублина, Уотерфорда и Уэксфорда, а с ним — почти все люди страны Эйрин, которые

подходили для морского похода, и они взыскивали королевскую дань с саксов и бриттов, и со всех людей Леннокса в Шотландии, и с обитателей Аргайлла».

Своей победой над другими ирландскими королями Бриан был во многом обязан помощи Сигтрюгга, и поэтому он всеми силами старался снискать расположение норвежцев. Бриан выдал за Сигтрюгга свою дочь, однако сам оказался столь недальновиден, что взял в качестве жены или наложницы его мать. Гормлет, Гормфлед, или Кормлада, «женщина на редкость красивая», отнюдь не была столь мила на самом деле. «Во всем, что от нее зависело, она показывала себя только с худой стороны»⁶. Сестра короля Лейнстера Кормлада уже дважды была замужем, первый раз — за Анлафом Квараном, а затем за Малахи, соперником Бриана в Ирландии. Однако она не смогла долго довольствоваться ни тем, ни другим. С Брианом она вскоре рассорилась и «после развода так возненавидела короля Бриана, что очень хотела его смерти»⁷. И она устремилась к осуществлению этой цели.

Если верить саге, то именно козни Кормлады привели к окончательному крушению власти викингов в Ирландии. Именно при ее содействии их история закончилась последним испытанием при Клонтарфе. Первым делом она отправила своего сына Сигтрюгга на Оркнейские острова, чтобы тот просил помощи у ярла Сигурда Толстого. Может быть, Сигурд получил от Кормлады предло-

жение о женитьбе — едва ли слишком соблазнительное предложение, — однако, возможно, у него были и чисто территориальные интересы. Во всяком случае, весной он пополнил ряды друзей и союзников Сигтрюгга жителями Оркнейских островов. Дублин стал местом встречи норманнов всех западных морей. Они прибывали не только из ирландских поселений, но также с Гебридских островов, с острова Мэн и шотландского побережья. Какие-то валлийцы, пришедшие из-за Ирландского моря, смешались с бездомными исландцами и бродячими викингами, такими как последователи Бродира — христианского диакона-отступника, «который... начал приносить языческие жертвы и был необычайно сведущ в колдовстве»⁸.

«Ярл (Сигурд) со всем своим войском прибыл в Дюпплин (Дублин) в вербное воскресенье. Тогда же прибыл и Бродир со всем своим войском. Пользуясь колдовскими чарами, Бродир решил узнать исход боя, и полученное им предсказание гласило, что если бой будет в пятницу, то король Бриан погибнет, но одержит победу; если же бой будет раньше, то погибнут все его противники»⁹. Так или иначе, но битва при Клонтарфе состоялась в страстную пятницу. Излишне будет говорить, что на стороне противника было совсем немного норвежцев: подавляющая часть армии Бриана состояла из ирландцев. Люди Мюнстера и Коннахта соединились с силами Мида под началом Малахи, старого врага Бриана. Малахи принял на себя общее командование, в то время как

Бриан, уже пожилой человек, оставался в своей палатке.

Очевидно, решающую роль сыграла превосходная тактика ирландцев. Войска Малахи отрезали дублинский гарнизон Сигтрюгга от главных сил Сигурда, после чего Малахи двинул большую часть своих сил на позиции Сигурда. За спиной у норманнов были только отвесные скалы Хоут и пустынная отмель. Они были отрезаны от своих оставшихся в Дублине кораблей и, будучи деморализованными фланговой атакой, стали паниковать. «Тогда все войско обратилось в бегство»¹⁰. Ирландцы подавляли всякую их попытку объединиться, и в это время Сигурд был смертельно ранен, а Сигтрюгг попросту сбежал.

Хотя пожилой Бриан и не принимал участия в сражении, он все же был убит в самый миг победы. Колдун Бродир прятался в небольшом лесу. «Тут Бродир увидал, что войско короля Бриана преследует бегущих и возле стены щитов вокруг короля мало народу. Он бросился туда из лесу, пробил стену щитов и нанес королю удар мечом»¹¹.

Массовое убийство спасавшихся бегством норманнов сделало Клонтарф самым кровавым событием эпохи. Тысячи норманнов были оттеснены вниз к отмели и утоплены в наступающем приливе. О Клонтарфе говорили как о ирландском Бэннокберне: никогда еще во всей Британии коалиция викингов не терпела такого поражения. Это был полный провал. «И не было тогда порога... который не подметал бы пленный датчанин, и не

было мельницы, где не молотила бы зерно женщина-датчанка». Ирландцы стали теперь хозяевами, по крайней мере на своей собственной земле.

Только один-единственный раз вновь установившейся порядок вещей оказался под угрозой. Спустя шестьдесят или семьдесят лет Магнус Норвежский, «муж решительный, воинственный и деятельный»¹², принялся опустошать западные побережья Британии, мстя за поражение своего деда у Стэмфордбриджа. Магнус даже носил килт*. «Люди говорят, что, когда Магнус конунг вернулся из викингского похода на запад, он одевался, как было принято в западных странах, и так же одевались многие из его людей. Они ходили с голыми ногами по улице и в коротких куртках и плащах. Его поэтому стали звать Магнус Голоногий»¹³. Очевидно, килт он заимствовал у ирландцев, а не у шотландцев. Его младший сын — Харальд Гилли — «часто носил ирландское платье».

В один из своих визитов в Ирландию Магнус «сосватал Сигурду, своему сыну» дочь ирландского короля Мюнстера. По-видимому, это должно было подготовить почву для завоевания всей Ирландии. По крайней мере, эта женитьба позволила Магнусу договориться с Мюнстером в своем последнем походе. «Магнус конунг остался на зиму в Куннактире у Мюръяртака конунга и

---

* Килт — распространенная среди кельтского населения Британских островов мужская одежда в виде юбки из шерстяной ткани. — *Примеч. ред.*

поставил своих людей охранять земли, которые он завоевал. Весной конунги отправились со своим войском на запад в Улацтир (Ольстер) и дали там множество битв...»¹⁴. Что бы ни происходило в Ольстере на самом деле, доподлинно известно, что «Магнус конунг... оставил в Дюпплине (Дублине) своих людей для охраны страны»¹⁵. Однако для Дублина это означало лишь недолгое возвращение к угасшей некогда славе. Смерть Магнуса, убитого из засады в Каунтри Даун во время его похода «для забоя скота на берегу», положила конец этой последней судорожной попытке викингов установить свой контроль над Ирландией.

Именно Клонтарф остается поворотной точкой истории. После победы Бриана древние норманнские поселения превратились всего лишь в зависимые государства, управляемые подчиненными королями. Однако их вообще терпели исключительно потому, что они вели перспективную торговлю с Европой. Правда, сказать слово «терпели» здесь едва ли будет правильно. Понимая всю значимость морских портов, Бриан, после первого своего завоевания Дублина, позволил норманнам остаться, «для того, чтобы привлечь в Ирландию торговцев из других земель». Так что в течение следующих одного или двух столетий вся морская торговля была в руках скандинавских портовых купцов. Помимо виноторговли с континентом и других торговых связей более общего характера, имевшихся у каждого порта в Бристольском заливе, осуществлялась также

бесперебойная торговля рабами, центральным рынком которой был сам Бристоль.

Однако и за стенами прибрежных городов местное население достаточно быстро поглощало норманнский элемент. Взамен этого стали налаживаться новые связи между Ирландией, прежде сосредоточенной на самой себе и своей особенной культуре, и остальной Европой. Одни только ирландцы и норманны оказали друг на друга сильнейшее влияние. Викинги, к примеру, заимствовали и освоили ирландское декоративное искусство, практически создав новый его стиль. Литературные достижения двух народов представляются еще более поразительным. Север поделился своей эпической поэзией, взамен на ирландскую форму прозаического повествования, ставшей формой исландских саг.

Едва ли кого-то удивит, сколь всеобъемлющими оказались последствия: всюду, где говорили на древнем норвежском языке, появлялись кельтские имена. По морям севера Европы скитались отпрыски смешанных браков норманнов с представителями правящих семейств, не говоря уже о потомках ирландских рабов. Нигде кельтский дух не был столь силен, как среди самых ранних поселенцев на самой родине саг, в отдаленной норвежской колонии в Исландии.

В противном случае едва ли мы располагали бы столь великолепными сагами, а может быть, у нас бы их и не было вообще.

ГЛАВА VII НА ОСТРОВАХ

*Нет война...
На земле, который смог бы
Устрашить острова на западе.*

История викингов в Англии и Ирландии нередко напоминает загадочную мозаику, в которой недостает некоторых фрагментов, однако на севере она приобретает совершенно иной характер. Мрак веков рассеивается почти полностью, коль скоро разговор заходит о Северном море вообще или, по крайней мере, об Оркнейских островах. А история Севера во многом и есть история Оркнейских островов, бывших подлинным средоточием могущества норвежцев в британских водах. Благодаря своей стратегически выгодной позиции, острова в одно и то же время являлись и пунктом сбора войск, и удобным портом для возвращавшихся кораблей. Иноземцы из Исландии и с Фарерских островов, грабители, купцы из Норвегии и со всех берегов Британии — словом, каждый желающий норвежец мог найти здесь гавань для швартовки или место на борту корабля ярла.

До времен самого Канута не было более могущественных вождей викингов, чем великие ярлы Оркнейских островов, властвовавшие над севером Шотландии и далее по западному побережью вплоть до острова Англси и Ирландии. Они были из породы самых яростных людей; немногие из них умерли в своих постелях, руки их никогда не расставались с секирами. С жестокости они начинали свой путь, жестоким был их конец. Ярл, который не добыл бы себе престол убийством или сам не был бы убит своим преемником, был в их роду диковинкой.

Какое другое место могло бы стать более подходящей сценой для таких историй, чем суровые северные острова, непрерывно омываемые штормами двух океанов? Окруженные пустынными скалами, яростными волнами и бесконечным горизонтом Севера, Оркнейские острова напоминают воплощенных духов моря. Другая колыбель морских разбойников — Шетландские острова, — несомненно, превосходят их своей дикостью. Однако, удивительная вещь, но эта отдаленная группа островов занимает в сагах весьма скромное место. Будучи неотъемлемой частью владений оркнейского ярла, Шетландские острова упоминаются чаще всего лишь как эпизодическая стоянка в различных плаваниях из Норвегии или путешествиях из Исландии. Так что они вдвойне оказываются вне сферы внимания.

Третьему гнезду пиратов — на Гебридах — также уделяется в сагах скудное внимание. Однако

«Южные острова», как называли их сами норвежцы, — это все-таки отдельный разговор. Несмотря на то, что в разные времена они были подчинены оркнейским ярлам или платили *skatt* конунгам Норвегии, вожди на Колонсей были все же независимыми правителями, что бы там ни думали о них на Оркнейских островах или Норвегии. Жители Гебрид, потомки межэтнических браков норвежцев с кельтами, шли своим собственным нелегким путем.

Остров Мэн также был связан с Гебридами, хотя в разные времена на него предъявляли права то Дублин, то Оркнейские острова. Национальный состав их населения был смешанным, и остров Мэн часто имел с «Южными островами» одного и того же конунга или ярла. Прочность их союза видна даже в древнорвежском названии епархии «Содор и Мэн».

Уже в более поздние времена Шотландия начала по-настоящему прибирать Гебриды к рукам. Но и это стало возможно только после того, как король Хакон попытался восстановить на них старинное владычество Норвегии — и потерпел неудачу. Перед нами — волнующая воображение картина: битва Хакона при Ларгах близ Ферт-оф-Клайд. Это — история про ярость стихии, про ладьи, бросающие якорь при юго-восточном штормовом ветре, о высадке группы воинов, выпрыгивающих среди бурных волн на сушу, чтобы не дать шотландцам подойти к судну, вытасченному на берег. После этого начинается уже настоящий

Оркнейские скалы

Фото — Валентин Дандек (Valentine Dundek)

эпос. Ветер усиливается, и в течение долгого дня ни одному человеку так и не удастся достичь берега. Отрезанное от моря врагами, по численности превосходящими его в десять раз, кольцо норвежских копий не было прорвано и даже отбросило шотландцев от бушующего моря. Наконец, в наступающих сумерках, шторм унялся, и товарищи пришли на помощь утомленным воинам. Однако обе стороны решили, что этого достаточно. Шотландцы отступили по суше, а норвежцы ушли в море.

Хотя исход сражения остался неясным, в известном смысле битва при Ларгах была решающей.

Флот Хакона вернулся на Оркнейские острова, увозя с собой раненого конунга в столицу островов Керкуолл, где он и умер. Шотландия лишилась Гебридских островов и острова Мэн. Исторический курьез состоит в том, что Шотландия сочла законной претензию Норвегии на Западные острова. Была достигнута договоренность, что права Норвегии должны были быть оплачены наличными, а также ежегодными взносами в фонд собора в Керкуолле. Ни пенни так и не было уплачено: но едва ли это имело значение.

Шетландские, Оркнейские и Гебридские острова похожи еще и тем, что в их колонизации участвовали только норвежцы: не много датских ладей заплывало так далеко на север. Более того, все три группы островов одновременно — ближе к концу восьмого столетия — стали базами викингов. Однако особенностью Оркнейских и Шетландских островов остается загадочная судьба их более древнего автохтонного населения. Не для защиты ли от норвежцев были построены большие круглые башни «broch»*? Не были ли островитяне постепенно уничтожены в кровавой резне? Или имел место массовый их исход, но куда? Ни на один этот вопрос нет ответа: исчез целый народ, не оставив по себе никакой памяти.

---

* Круглые башни «broch» — своеобразные высокие небольшого диаметра башни, бывшие и дозорными площадками, и неприступной защитой при нападении норманнов. — *Примеч. ред.*

Так или иначе, но названия некоторых мест становятся ясными свидетельствами того, что первые захватчики обнаружили на островах несколько монахов из Кулди. В названии острова Папа-Уэстрей, например, слово «папа» — норвежское, оно обозначает христианского священника. Однако что произошло с этими монахами — это тоже загадка. В общем и целом, эпоха до вступления на трон Харальда Прекрасноволосого окутана неизвестностью.

Харальд Прекрасноволосый — патриарх норвежцев, энергичный создатель нового мира. Очищая Норвегию от непокорных его власти, он высылал всех, кто ему мешал, прочь за море. «Тогда же переселялись и на Хьяльтланд (Шетландские острова), а многие знатные люди, бежавшие из Норвегии от Харальда конунга, стали викингами в западных морях. Они оставались зимой на Оркнейских и Южных островах, а летом совершали набеги на Норвегию и причиняли стране большой ущерб»¹. «Когда конунгу надоела эта докука, он однажды летом поплыл со своим войском на запад за море»². Он вел свою флотилию мщения от Шетландских островов прямо к острову Мэн, по очереди досконально разбираясь с каждым островным логовом. Везде, где подошли к берегу его корабли, его люди «перебили там всех викингов, которые не успели спастись бегством»³.

В следующую карательную экспедицию такого рода Харальд послал уже своего официального представителя Кетилия Плосконосого, «славного

вождя». «Кетиль поплыл на запад за море, и там у него было несколько сражений, и он во всех одержал победу. Он подчинил себе Южные острова и сделался их хозяином. Он заключил мир с самыми великими вождями в западном море». То есть Кетиль, при помощи флота Харальда, приобрел неплохие владения для самого себя. Сделав это, он «отослал армию назад», и Харальду только и оставалось, что кипеть от злости, сколько сил хватит. После этого сага повествует нам про Ауд Многомудрую и Дублинское королевство: «Кетиль Плосконосый выдал свою дочь Ауд за Олава Белого, величайшего конунга в западном море».

Только что очищенные от викингов Оркнейские острова оставались вассальным владением Харальда с ярлом во главе, хотя сами островитяне редко относились к владычеству Норвегии слишком серьезно. Сигурд Могучий, первый ярл, вскоре стал расширять свои границы. Вместе с Торстейном Рыжим, внуком Кетилия Плосконосого, он вторгся в Шотландию и опустошил Кейтнес и Садерленд. Однако там смертельный укус Мелбригди Зуба положил конец успехам Сигурда.

Сразу же вслед за этим во владениях оркнейского ярла наступил хаос, пока Норвегия не поставила там другого ярла. «После этого Эйнар стал ярлом островов и могущественным мужем. Он был безобразен и слеп на один глаз, но, несмотря на это, очень зорок... Он был назван Торф-Эйнаром, так как велел резать торф на топливо, потому что на Оркнейских островах не было

лесу»⁴. К слову, этот Эйнар был единокровным братом Хрольва Пешехода, пожалуй, более известного как герцог Ролло, который в те же времена отправился на Гебриды набирать себе войско для завоевания Нормандии.

Вскоре власть нового ярла подверглась серьезному испытанию. Двое из беспокойных сыновей конунга Харальда убили в Норвегии отца Эйнара и верного друга Харальда. «Они сожгли его в доме вместе с шестьюдесятью людьми»⁵. Один из сыновей Харальда — Хальвдан Высоконогий, — зная о гневе своего отца, «захватил три боевых корабля, набрал себе людей»⁶ и уплыл прочь — выжидать, пока страсти не утихнут. Однако он решил отправиться в те страны, которых благоразумный убийца должен был бы избегать. «Хальвдан Высоконогий приплыл на Оркнейские острова, застал Эйнара ярла врасплох, и тот сразу же бежал с островов, но вернулся назад той же осенью и застал врасплох Хальвдана. Они сошлись, и после битвы Хальвдан обратился в бегство. Это было уже с наступлением ночи. Эйнар и его люди... утром, как только начало светать, стали искать бежавших и убивали каждого на месте»⁷. Хальвдана нашли последним: он прятался среди скал на острове Саут-Рональдсей. Он был схвачен живым и привезен к Эйнару, который вырезал у него на спине орла своей собственной рукой.

Узнав новости о судьбе сына, Харальд пришел в ярость и с флотом вновь отправился к Оркнейским островам. «Услышав, что из Норвегии прибыл

конунг, Эйнар отправился в Нес (Кейтнес)»⁸ — так было безопаснее. «Конунг и ярл вступили в переговоры через гонцов», и жажда мести конунга Харальда в результате была удовлетворена тем, что он наложил на острова огромную виру. По правде говоря, в основном от этого пострадали рядовые землевладельцы, поскольку ярл присвоил их права собственности в залог суммы платежа. Так или иначе, но Эйнар удержал за собой свое владение до самой смерти.

Трем сыновьям Торф-Эйнара — Торфинну Кроителю Черепов, Арнkelю и Эрленду — не хватило времени для того, чтобы показать, смогут ли они жить в согласии. На их общее владение обрушился сам «король смуты» Эйрик Кровавая Секира. «Он отправился... на Оркнейские острова, [ярлы подчинились ему, и он] там набрал большое войско. Затем он поплыл на юг в Англию и разорял Шотландию всюду, где он приставал к берегу»⁹. Похоже на то, что Эйрик относился к островитянам как к своему личному резерву для набора бойцов. Когда его наконец изгнали из Йорка, он вновь поплыл к Оркнейским островам, включил в команду своего пиратского флота двух ярлов и множество менее знатных жителей и отправился в свой последний, роковой для него поход. Арнkelь и Эрленд были убиты в Англии под его стягом, но «Торфинн долго правил островами и дожил до старости»¹⁰.

Однако и после смерти Эйрика неприятности не оставили Оркнейские острова. Туда с юга

переехала его семья. «Они взяли с собой все корабли, которые были у Эйрика, всех людей, которые захотели последовать за ними, а также все богатство, которое скопилось у них от налогов в Англии или было добыто в походах»¹¹. Сыновья Эйрика продолжили семейную традицию и, в промежутках между летними походами в Ирландском море, полновластно распоряжались Оркнейскими и Шетландскими островами. Однако подлинным отпрыском Эйрика оказалась их сестра Рагнхильд. Долгих двадцать лет она была занята тем, что выходила замуж за ярлов и убивала их, плела интриги, чем поддерживала беспорядок на островах. В результате проведенной ею широкомаштабной чистки путь к наследованию владением был открыт для великого ярла Сигурда Толстого.

Сигурд считается, по крайней мере формально, первым ярлом, принявшим христианство. По иронии судьбы он, распространивший власть Оркнейских островов далеко за их пределы, был принужден к тому, чтобы стать вассалом и человеком конунга Норвегии. Ярл и конунг встретились на борту корабля. Оба ждали, пока не ослабеет прилив в Пентланд-Ферте, под прикрытием так называемых стен — в этом месте пережидали прилив тогда, пережидают его там и сейчас. Сигурд на единственной своей ладье шел вдоль берега, направляясь к переправе через Ферт в Терсо, когда появились пять незнакомых длинных кораблей. Это были корабли Олава сына Трюггви, направлявшегося домой из Ирландии в Норвегию.

«Когда конунг узнал, что ярл там, он велел позвать ярла для разговора с ним»¹². Ничего не подозревающий Сигурд принял дружеское приглашение и прибыл на борт корабля конунга со своим малолетним сыном. «Конунг после немногих слов сказал, что ярл и весь народ его страны должны креститься, а в противном случае ярл должен будет умереть на месте, а конунг пройдет по островам с огнем и мечом и разорит страну»¹³. В то же время вынутый из ножен меч был угрожающе направлен на сына Сигурда. «Ярлу оставалось лишь согласиться. И он принял крещение, так же как все, кто был с ним»¹⁴.

Вслед за этим имело место формальное подчинение ярла Олаву. «Затем ярл дал конунгу клятву верности и стал его человеком. Он дал Олаву в заложники своего сына, которого звали Щенок или Собачка, и Олав взял его с собой в Норвегию»¹⁵.

Однако ни клятвы Сигурда, ни его новая вера не стали для него тяжелой обузой. «Собачка (Хледвир) был несколько лет с конунгом и умер в Норвегии. Тогда Сигурд ярл перестал подчиняться Олаву конунгу. Он взял в жены дочь Малькольма конунга скоттов. У них был сын Торфинн»¹⁶.

Этот Торфинн, впоследствии ставший известным как Торфинн Могучий, величайший из всех ярлов, был еще ребенком, когда Сигурда заманили в Ирландию и он «погиб в битве Бриана»¹⁷ при Клонтарфе. К исполнению обязанностей ярла он приступил рано. «Узнав о его смерти (ярла Сигурда), конунг скоттов дал своему племяннику

Торфинну Катанес (Кейтнес) и Судраланд (Садерленд), нарек его ярлом и дал ему людей, которые должны были помогать ему править этими владениями. Торфинн ярл рано возмужал. Он был рослым, сильным и уродливым. Когда он вырос, стало ясно, что он жаден, суров и умен»¹⁸. Кейтнес и Садерленд стали для него всего лишь средством получить большее владение.

Первым делом, однако, на его пути оказались двое сыновей Сигурда от первого брака. Одним из них был Эйнар Криворотый, который был «очень высокомерен»¹⁹. Это было на руку Торфинну, так как Эйнар своим поведением вскоре вызвал беспорядки в среде землевладельцев. Эйнар сочетал страсть к походам и грабежу с собственной системой дележа дохода, что означало, что «он часто летом набирал большое войско», которое было вынуждено выходить с ним в море, в то время как он оставлял у себя большую часть добычи. В конечном счете некий Торкель, «доблестнее которого не было человека на Оркнейских островах»²⁰, убедил Эйнара уменьшить число кораблей в очередной экспедиции с шести до трех. Однако на следующий год, когда Торкель вновь выступил против него на тинге, произошла страшная ссора. Торкель уехал на Кейтнес и стал приемным отцом молодого Торфинна, что стало настоящим подарком для юноши. Однако вскоре Эйнар и Торкель согласились предать забвению свои разногласия. В знак полного доверия Эйнар отправился в гости к Торкелю на пир. «Хотя

угощение там было на славу, ярл остался недоволен». Он только что приготовил засаду, чтобы убить хозяина в момент своего отъезда, и поэтому нервничал. И было из-за чего, поскольку Торкель, будучи извещен о том, что за стенами палаты собрались какие-то люди, нанес удар первым. Он подстроил все таким образом, что рядом с Эйнаром, расположившимся у огня, оказался кроме него самого только путешественник-исландец. «Тут он нанес ярлу удар мечом по голове, и тот свалился на пол. Тогда исландец сказал: „Плохо, что Вы не оттащили ярла от огня“. Он зацепил ярла секирой за шею и втащил его на скамью»²¹.

Ожидавшие за дверьми с оружием люди, увидев, что их предводитель убит, разбежались, дав Торкелю свободно уйти. Он поплыл к новому конунгу Норвегии Олаву Святому, и «конунг был очень доволен его поступком». Олав запустил свои руки в дела Оркнейских островов. Сначала выживший брат Эйнара, а потом и молодой Торфинн ездили к нему, прося принять роль третейского судьи в их притязаниях на принадлежавшую Эйнару часть владения.

Однако когда оба ярла вновь оказывались на противоположном берегу Северного моря, они благополучно забывали о решениях Олава. И все же сами их поездки — это еще один знак того, что между Оркнейскими островами и Норвегией всегда существовала некая неясная связь, временами более сильная, временами более слабая. Что бы не случилось в других сферах, узы торговли

сохранялись всегда. Владения оркнейского ярла никогда не могли совершенно освободиться от нужды в импорте, особенно импорте лесоматериалов. И поскольку даже для постройки домов каждый фут дерева приходилось на эти острова, напрочь лишенные леса, привозить со стороны, кажется весьма правдоподобным, что большинство ладей, которыми располагали оркнейцы, вышли из-под топора кораблестроителей Норвегии.

Как бы то ни было, Торфинн, после того как умер второй его брат, не оглядываясь на Олава, стал практически самовластным правителем. Затем Торфинн начал расширять свои владения. На пике своего могущества он главенствовал над всеми западными берегами вплоть до самого Ирландского моря. «Ярл Торфинн... был самым могущественным из всех оркнейских ярлов. Он владел Оркнейскими островами, Хьяльтландом (Шетландскими островами) и Южными островами (Гебридами), и у него были большие владения в Шотландии и Ирландии»²².

Начал он с Восточной Шотландии. После сокрушительного поражения шотландского флота, атаковавшего его маленькую эскадру близ Оркнейских островов, его армия начала кампанию на суше и двинулась на юг. «На его голове был позолоченный шлем, на поясе был меч, а в руке огромное копье, и он бился, нанося удары направо и налево». Где-то на юге от «Широкого Ферта» в заливе Мори-Ферт, силы шотландцев встретили его и были разбиты наголову. «Ярл Торфинн

долго преследовал бегущих в глубь Шотландии, после чего он прошел по этой стране вдоль и поперек и опустошил ее. Вслед за этим он двинулся на юг до самого Файфа и эту землю тоже опустошил».

Весь период его правления, очевидно, был крайне беспокойным временем, что не помешало Торфинну почти сразу обратить свое внимание на запад. Однако в минуту наивысшего его триумфа у него вновь начались проблемы дома. Он был принужден отдать треть владения сыну своего двоюродного брата Регнвальду — претенденту, действовавшему при поддержке конунга Норвегии. Несколько лет дядя и племянник правили, сохраняя дружественные партнерские отношения. «Каждую весну они отправлялись в поход; иногда вместе, но иногда и поодиночке».

Во время одного такого самостоятельного похода к западным берегам Торфинн потерпел неудачу. «Он остановился в месте под названием Гэллоуэй, где Англия граничит с Шотландией». Группа разбойников привычным ходом двинулась к берегу, чтобы набрать себе скота, не предполагая никакого сопротивления со стороны местных жителей. «Но когда англичане узнали о появлении викингов, они собрались вместе и убили всех людей, которые смогли себя показать, но поймали и отослали обратно беглецов, наказав их сообщить ярлу Торфинну, как англичане отучили викингов от злодеяний и грабежа». Такое оскорбление для Торфинна было хуже поражения. Полумер здесь

явно было недостаточно. В следующий сезон он — уже вместе с Регнвальдом — привел туда с Оркнейских островов большой флот. «У него была мощная поддержка в Шотландии и Ирландии, и люди стекались к нему со всех южных островов». Оказавшись во главе такой силы, он теперь не слышал дерзостей от жителей Гэллоуэя. «Ярл Торфинн дал два больших сражения в Англии и нанес им много поражений и совершил много убийств. Он находился там почти все лето».

Однако вскоре после этого началась гражданская война на самих Оркнейских островах. Регнвальд показал свой нрав и стал все больше задумываться о справедливости деления владений оркнейского ярла. «Это было началом великой распри между родичами; у них была большая битва в Пентланд-Ферте». Битва эта стала знаменитым сражением. Регнвальд отправился в Норвегию просить о помощи конунга Магнуса и вернулся оттуда с норвежским флотом: «тридцать военных кораблей, все большие и в хорошем состоянии». Торфинн встретил его неподалеку от Даннет-Хед «с sixtyюдесятью кораблями, большая часть которых были малые суда». Несмотря на преимущество Торфинна в числе, поначалу его дела повернулись худо. Корабли каждой флотилии был заранее крепко связаны друг с другом, и, когда началось сражение, судно Торфинна из-за своих низких бортов стало открытой целью для людей с кораблей повыше. Однако в некотором отдалении от сражения стоял со своим

собственным флотом и наблюдал за происходящим шурин Торфинна. В критический момент он подгрел к норвежскому флоту и атаковал его, превратив сражение в резню. Наголову разбитый Регнвальд бежал под покровом ночи в Норвегию.

Однако в тот же год он предпринял еще одну попытку. Он хотел застать Торфинна врасплох, внезапно приплыв в середине зимы на Оркнейские острова с одним кораблем. Он выяснил, что ярл спокойно пирует с большой компанией в своем доме. Тогда Регнвальд, «среди всех людей самый мудрый и скромный», окружил дом и поджег его.

Его враг оказался чуть ли не единственным человеком, которому удалось спастись. Торфинн проломил дыру в стене и стремительно бросился сквозь огонь и людей, неся свою жену на руках. В темноте он уплыл прочь на своей лодке через Пентланд-Ферт на Кейтнес, чтобы появиться вновь на праздник и вернуть долг. На этот раз крыша горела уже над самим Регнвальдом и войском. Все они были пойманы и убиты, кроме одного, чтобы хоть кто-то мог принести рассказ об этом домой в Норвегию. То обстоятельство, что они были придворными конунга Магнуса, похоже, не слишком заботило Торфинна. «Он правил шестьдесят лет и умер в своей постели».

Было почти чудом, что два сына Торфинна поделили его владение меж собой почти без разногласий, однако их совместное правление оказалось коротким. Они были довольно рано отстранены от дел. Харальд Суровый на своем пути в

Англию зашел в Керкуолл и заставил их, вместе с большим количеством рекрутов-оркнейцев, присоединиться к его флоту. Хотя они и разделили с ним тяжесть боя при Стэмфордбридже, Гаральд Английский позволил им «с миром» вернуться на север вместе со своими выжившими товарищами.

Однако другой конунг — норвежец — был менее великодушен. Магнус Голоногий, у которого были «хорошее войско и отличные корабли»²³, обрушился на Оркнейские острова и забрал братьев с собой как пленников. Вместо них он поставил ярлом своего сына Сигурда — того самого Сигурда, который позже отправился в Святую Землю.

«Затем Магнус конунг направился со своим войском на Южные острова (Гебриды) и, прибыв туда, сразу же стал разорять и жечь селения. Они убивали людей и грабили всюду, куда ни приходили. Местные жители бежали кто куда... Некоторые сдались и подчинились... Завоевав эту страну, он поплыл на юг мимо Сальтири (остров Кентайр) и разорял берега Ирландии и Шотландии. Так он доплыл до острова Мэн и разорял там селения, как и в других местах»²⁴. На берегах острова Англси Магнус встретился с английским или норманнским войском под командованием ярлов Шрусбери и Честера: «Хуги (Гуго) Гордый и Хуги Толстый»²⁵. «Магнус конунг одержал победу в этой битве. Он тогда завладел островом Энгульсей (Англси). Это было самое южное из владений, которое когда-либо было у конунгов Норвегии»²⁶.

Вслед за этим Магнус начал притязать на владычество над всеми западными островами. «Между ним и конунгом скоттов Малькольмом ходили гонцы, и конунги заключили между собой мир. Магнусу конунгу должны были принадлежать все острова, которые лежат к западу от Шотландии, если между ними и материком можно пройти на корабле с подвешенным рулем»²⁷. Смысл этого положения про руль состоит в том, что рулевое весло, заходящее на один или два фута ниже уровня киля, нельзя использовать на мелководе. Но такое незначительное ущемление в правах едва ли могло остановить Магнуса. Он умудрился выжать все возможное и из этого соглашения, двинувшись по суше с востока до Западного Лох-Тарбета. «И когда конунг Магнус приплыл с юга на Сальтири, он велел протащить ладью с подвешенным рулем через перешеек Сальтири. Конунг сам сидел на корме у руля и так присвоил себе страну»²⁸.

Судя по всему, Магнус перезимовал тогда на Гебридах, а потом вернулся в Норвегию. Прошло несколько лет, и он был убит столь бесславно в Ольстере.

Новость о смерти отца побудила Сигурда спешно пересечь Северное море и занять норвежский трон. Его уход оставил Оркнейское владение вакантным. Но место было быстро занято Законом и Магнусом, сыновьями двух ярлов, похищенных прежде Магнусом Голоногим. Неизбежная ссора между кузенами имела исходом убийство одного

из них и появление собственного оркнейского святого. Однако со святым Магнусом и собором, построенным в его честь, мы познакомимся в следующих главах.

Сыновья Хакона, Харальд Красноречивый и Паль Молчаливый, в свою очередь, также спорили друг с другом из-за владений до тех пор, пока Харальд не был смещен с трона. Есть забавная история о том, что смерть Харальда оказалась следствием случайной путаницы. Их мать, тайно ненавидевшая Паля, сшила ему отравленную сорочку. Она была почти готова, когда ее обнаружил любимец матери Харальд, которого привлекла ее раскраска. Его было некому остановить, он примерил ее и через несколько дней был мертв.

Паль, теперь уже единоличный правитель, вскоре вновь встретился с трудностями. Серьезные претензии на свою долю выдвинул Регнвальд — тот самый восхитительный Регнвальд, которому в свое время суждено было возглавить морское паломничество в Палестину. Будучи племянником святого Магнуса, он выслал из Норвегии ультиматум с требованием признать его права. Паль не покорился: «Я буду охранять Оркнейские острова, покуда Бог дарует мне жизнь для этого». Это означало начало войны. Регнвальд, позаимствовав у норвежцев корабли и людей, поплыл на запад. На Шетландских островах близ Йелл-Саунд его флот был разбит, но он отступил только для того, чтобы попытать счастья еще раз. Созданная ярлом цепь сигнальных маяков была уничтожена

хитростью, и Регнвальд успешно высадился на Оркнейских островах.

Он прибыл в нужный момент. Ярл Паль куда-то исчез. Дело в том, что внезапно в самую гущу событий ринулся жуткий Свейн сын Аслейва, «последний из викингов». Свейн, всегда следовавший собственным интересам, действовал исключительно по личным мотивам: он был намерен обеспечить место для своего приемного сына. Однажды рано утром он пересек Пентланд-Ферт из Терсо и, заставив свободных от гребли людей лежать, так что его судно можно было принять за торговое, ходил близ берега до тех пор, пока не нашел Палля, охотящегося на выдр среди скал. Свейн подвел свой корабль к берегу и ловко похитил ярла, не оставив на берегу ни одного живого свидетеля. Свейн всегда действовал крайне продуманно. Несчастный Паль исчез загадочно и таинственно: чтобы держать его в плену было спокойнее, его увезли в Шотландию.

Благодаря вмешательству Свейна Оркнейские острова оказались в руках Регнвальда, хотя в конце концов его убедили поделиться половиной владения с приемным сыном Свейна Харальдом. Наступил тот редкий момент, когда не было никаких или практически никаких разногласий между соправителями. Харальд принял управление землями, в то время как Регнвальд отправился в паломничество; так что единственный источник беспокойства — помимо неисправимого Свейна — остался за пределами островов. Из Норвегии

явился новый претендент, и Свейн попеременно становился то его врагом, то сторонником. История о треугольнике соперничества между тремя ярлами, со сменяющимися друг друга союзами между ними, великими клятвами и клятвопреступлениями, вообще-то является частью рассказа о Свейне. Однако Свейн сын Аслеива, как и святой Магнус, заслуживает отдельной главы.

Харальд, сын шотландца, намного пережил своего сотоварища Регнвальда, и старость его была несчастна. На склоне своих лет он мог видеть, как власть оркнейских ярлов угасает навеки. Шетландские острова были отторгнуты, ими правил ярл-норвежец, подчиняющийся Норвегии. Кейтнес и Сатерленд вновь подпали под контроль Шотландии. Но впереди острова ждали еще большие унижения. Мы не будем рассказывать о том, как конунг Норвегии отдал не принадлежавшие ему Оркнейские острова в залог Шотландии под приданое своей дочери. Будет лучше, гораздо лучше, если мы закончим наше повествование историей смерти в бою «последнего из викингов».

ГЛАВА VIII

ДОБРАЯ СТРАНА ВИНЛАНД

*Холодный ливень гнал вперед
Черный нос корабля.*

Какова была связь между Британией и открытием Америки норвежцами из Гренландии? По всей вероятности, никакой. Быть может, это и не совсем правильно, но рассказ о Винланде включен в эту книгу: он слишком интересен, чтобы его можно было оставить без внимания.

И все же здесь есть о чем поспорить. Можно сослаться на то, что Исландия, давшая начало колонии в Гренландии, была заселена во многом выходцами с Британских островов. Или, например, на то, что в составе экспедиций вполне могли оказаться один или два викинга из Британии. По крайней мере, с товарищами Лейва в Исландию точно отплыл один «христианин с Гебридских островов»¹. Но козырной картой здесь будет дословное упоминание о двух «шотландцах» («Gaels»)². Именно они в ходе экспедиции Карлсефни обнаружили дикий виноград, которому Винланд (Виноградная страна) обязана своим именем. Эти

люди происходили из Шотландии или Ирландии, так как Олав сын Трюггви захватил их «в западных землях». Лейв получил их в подарок от Олава и передал Карлсефни. Оба они, и мужчина, и женщина, носили забавные одежды: «Она была скроена так: сверху капюшон, по бокам разрезы, никаких рукавов и между ногами закрепка — пуговица и петля. Больше на них ничего не было»³.

Иногда под сомнение попадает и само существование Винланда. Однако путешествия викингов в те земли не менее правдоподобны, чем, например, странствования Марко Поло. Разумеется, точка зрения, согласно которой эти путешествия не более чем миф, может быть отмечена с той же самой легкостью, с которой опровергается существование так называемых следов норвежских поселений, которые время от времени находят на противоположном берегу Атлантики. При этом, несмотря на разногласия в исландских отчетах об этих плаваниях, варианты эти вместе по сути свидетельствуют, скорее, об их достоверности. И хотя рассказчики саг заполняли пробелы в своих воспоминаниях сказочными вставками, основные персонажи и события в них всегда повторяются. Можно ставить под сомнение детали, но факт остается фактом — северяне посетили некоторые территории Северной Америки на пятьсот лет раньше Колумба.

Даже такие существенно отличающиеся рассказы, как, например, версия «Саги об Олаве» («Саги о гренландцах») и «Саги об Эйрике Рыжем»,

вполне могут быть объединены в связное повествование. В обоих случаях Винланд предстает перед нами как, если можно так выразиться, предмет семейного интереса, центральной фигурой которого является Лейв.

В «Саге об Олаве» честь первооткрывателя принадлежит Бьярни, «подающему большие надежды»⁴ сыну товарища Лейва. Бьярни ездил в Норвегию на своем собственном торговом судне, когда его отец вместе с семьей Лейва были объявлены вне закона и высланы из Исландии. Вернувшись в свой дом в Исландию, он нашел его опустевшим. Вся его родня уплыла на запад, чтобы основать новую колонию в Гренландии. Он решил следовать за ними, хотя и полагал, что «неразумным сочтут наше плавание, ведь никто из нас не бывал в Гренландском море»⁵. Указания, как ему следует плыть, которые ему удалось собрать, едва ли могли помочь. Как только Исландия скрылась за горизонтом, ветер поменялся, и «начались северные ветры и туманы, и в продолжение многих суток они не знали, куда они плывут»⁶.

Ни слова не сказано о том, что происходило на борту во время этого плавания вслепую. Действительно, что нового могло быть для норвежца в суровых условиях Северной Атлантики? Единственное, что нам остается, так это представить себе хрупкое суденышко, то взбирающееся на гребни гигантских океанических волн, то падающее с них, мокрую и уставшую команду, члены которой сменяют друг друга, чтобы улучшить минуту для

беспокойного сна в качающемся трюме, и не все-
ляющий надежды приход нового дня, когда серая
мгла становится чуть светлее, вновь открывая
взору все тот же круговорот вздымающихся волн.

Среди всей этой массы неопределенностей не
было, по крайней мере, одного повода для трево-
ги. Для команды торгового корабля риск голод-
ной смерти был невелик: на судне были запасы
сушеного мяса и рыбы, а также бочонки с пре-
сной водой для дальних походов. Очевидно, Бьяр-
ни и его команда имели их достаточно, чтобы
спокойно пересечь Атлантику туда и обратно.

Скорее всего, они ставили ровно столько парусов, сколько было необходимо, чтобы дрейфовать до тех пор, пока не рассеется туман. «Затем они снова увидели солнце и смогли определить страны света. Они подняли парус и плыли так сутки, пока не увидели землю»⁷. Первый человек из Европы бросил свой взгляд на берега Ньюфаундленда.

Странно, но в этом не было ничего торжественного, так как Бьярни явно не доставало духа исследовательской любознательности, и он отказался править к берегу. Он искал Гренландию, страну «с огромными ледниками»⁸. Зачем ему были эти лесные холмы? Он лег на другой курс и снова вышел в море. «Они повернули в открытое море, оставив землю с левого борта. Проплавав еще двое суток, они снова увидели землю»⁹.

При ближайшем рассмотрении она оказалась «плоская и покрыта лесом»¹⁰. На этот раз команда, после нескольких недель постоянной качки

жаждущая наконец растянуться во весь рост на твердой земле, высказала все начистоту. И несмотря на это, Бьярни вновь направился в море. «Они повернули в открытое море и плыли с попутным юго-западным ветром трое суток, пока не увидели третью землю. Эта земля была высокая, гористая, и на ней был ледник»¹¹.

Что бы это ни было на самом деле, но с представлениями Бьярни о Гренландии это не вязалось, так что он продолжал удерживать свою команду на борту. «На этот раз они не спустили парус, но поплыли воль берега и увидели, что это остров. Они снова повернули в открытое море и поплыли с тем же попутным ветром. Но ветер крепчал, и Бьярни велел укоротить парус и плыть не быстрее, чем снасти и корабль могут выдержать. Теперь они плыли четверо суток, пока не увидели четвертую землю»¹². Так им удалось наконец найти Гренландию. Причем, как нам сообщают, место их высадки оказалось почти что рядом с новым домом семьи Бьярни на южном берегу Гренландии.

Бьярни решил, что с него приключений достаточно. Он «больше никуда не ездил и жил у отца»¹³. Однако его земляки этим отнюдь не удовлетворились. «Люди нашли, что он не очень-то любознателен, раз не может ничего рассказать про сами эти страны»¹⁴. В гренландских поселениях «много было тогда разговоров о поисках новых стран»¹⁵, и здесь мы обращаемся к фигуре Лейва — сына Эйрика Рыжего.

Лейв был человек «рослый сильный и видный. Он был человек умный и сдержанный»¹⁶. Как давний товарищ отца Бьярни он купил у Бьярни корабль и экипировал его большой командой из тридцати четырех человек.

О втором трансатлантическом переходе сведения у нас еще более скудные, нежели о первом, хотя в данном случае это уже не столь удивительно. Все-таки для гренландцев, которые только что приплыли из Исландии, путь по морю от места отправления Лейва до ближайшей точки Канады был не так уж велик. Помимо того, судну, направлявшемуся на запад, очевидно, помогали двигаться восточные течения, проходящие вблизи их поселений.

Важно здесь не само путешествие, а его цель. Рассказ о всей дороге Лейва уместился в одно предложение. «Когда все было готово, они вышли в море. Они открыли ту страну первой, которую Бьярни открыл последней»¹⁷. Но, в отличие от Бьярни, Лейв приплыл сюда, чтобы совершать открытия. «Они... бросили якорь. Затем они спустили лодку и высадились на берег. Травы нигде не было»¹⁸. Здесь, в Лабрадоре, «вдали виднелись большие ледники, а между ледниками и морем все сплошь было как каменная плита. Они решили, что в этой стране нет ничего хорошего»¹⁹. Лейв назвал ее Хеллуланд — голая скалистая земля («Страна Каменных Плит»²⁰) — и поплыл дальше, пока в виду не показался другой берег. Он спустил лодку и высадился на невысокий

пляж белого песка, за которым была лесистая низменная земля, которую он назвал Маркланд — Лесная Страна — и которая с равной вероятностью могла оказаться Ньюфаундлендом или Новой Шотландией.

Исследование Маркланда пришлось прекратить, так как поднялся ветер, который заставил высадившихся поторопиться на свой корабль. Два дня исследователей гнал северо-восточный ветер. Потом они опять повернули к земле. «Они направились к ней и подошли к острову, который лежал к северу от нее... Затем они... вошли в пролив между островом и мысом, протянувшимся на север... Там была большая мель, и в отлив корабль сел на эту мель, так что море оказалось далеко. Но им так хотелось поскорее высадиться, что они не стали ждать, пока корабль снова окажется на воде, и побежали к берегу, туда, где из озера вытекала река»²¹.

Местность эта оказалась столь привлекательной, что они решили остаться там на зиму. Во время прилива корабль был отбуксирован вверх к озеру, поставлен на якорь и разобран. Дальше предстояла постройка хижин или палаток, а также большого дома. «И в реке и в озере водилось вдоволь лосося... Морозов не бывало, и трава почти не вяла. Дни здесь не так различались по длине, как в Гренландии или Исландии»²².

Похоже на то, что лагерь находился где-то на берегу залива Массачусетс, возможно, не слишком далеко от будущего места расположения

Бостона. Однако, очевидно, это так и остается спорным моментом, так как имеющиеся свидетельства едва ли достаточно убедительны. Вполне возможно, что Лейв добрался и до какого-то места южнее.

Что точно, так это то, что Лейв не был сторонником безделья. Он разделил команду на два отряда, которые попеременно либо работали в лагере, либо «разведывали край»²³, уходя в небольшие полудневные экспедиции. В ходе одного такого мероприятия и был найден знаменитый виноград. Среди людей Лейва был Тюркир, «южанин небольшого рода и невзрачный на вид»²⁴, который хотя и происходил из южной Европы, но большую часть жизни провел среди домочадцев Лейва. Тюркир ушел от своего отряда и вернулся с виноградом в руках, радостно вращая глазами. «Ведь я, — сказал он, — родился там, где вдоволь и виноградной лозы, и винограда»²⁵. Поначалу Лейв был настроен скептически, но когда сам во всем убедился, то «назвал страну по тому, что в ней было хорошего: она получила название Виноградной Страны»²⁶. Факт находки винограда сам по себе весьма интригует, хотя название «Винланд», в этом отношении, ничуть не хуже, чем слово «Америка», производное от имени Аме-риго Веспуччи.

Поскольку в Гренландии виноград встречался куда как реже, чем строительный лес, то сбор винограда, наряду с валкой деревьев, превратился в одно из основных занятий экипажа. «Говорят,

что корабельная лодка была вся заполнена виноградом. Корабль загрузили лесом, который они нарубили»²⁷. «Там также были самосеянная пшеница на полях и дерево, называемое месур»: скорее всего, имеются в виду дикий рис и особый вид клена. «Они взяли образцы всего этого, а также несколько стволов деревьев — столь больших, что их можно было использовать для постройки домов».

Тяжелогруженный корабль как всегда быстро возвращался назад в Гренландию. «Весной... они вышли в море, и ветер был попутный до тех самых пор, пока не показалась Гренландия»²⁸. Недалеко от берега Лейв заметил команду потерпевшего кораблекрушение судна, стоящую на скале рядом с его обломками. «Лейв снял пятнадцать человек с камня. С тех пор его стали звать Лейв Удачливый»²⁹. Свое состояние он сколотил отчасти на прибыли, которую дали его зимние труды в Винланде, отчасти в специальной поездке за грузом разбившегося судна.

При виде его успеха кровь викингов забурлила. Тут же была снаряжена другая экспедиция. «О плавании Лейва в Виноградную Страну много говорили, и Торвальд, брат его, считал, что страна эта недостаточно разведана»³⁰. Торвальд купил корабль Лейва, собрал тридцать человек и, получив инструкции Лейва, отчалил. «Нет никаких рассказов об их плаванье до того, как они достигли домов Лейва в Виноградской Стране. Здесь они вытащили корабль на берег»³¹.

Основным центром разворачивающихся событий стали, с точки зрения рассказчика саги, дома Лейва. Однако это весьма шаткая точка опоры. То, что корабль за кораблем, полностью зависимые от изменчивых ветров и неведомых течений, находили одну и ту же небольшую точку на обширном берегу Северной Америки безо всяких навигационных инструментов, — все это следует признать, по меньшей мере, блестящим образцом мореплавания. Но, допустим, это было так, и Торвальд с товарищами приплыли к домам Лейва.

«Здесь они... провели всю зиму, ловя рыбу себе на пищу. Весной Торвальд сказал, что надо готовить корабль, а пока пусть несколько человек поедут на лодке на запад вдоль берега и разведывают край в течение лета»³². На одном из островов, лежащих к западу, эта группа обнаружила нечто, что описывается как деревянный настил для сушки колосьев³³. Больше никаких признаков человека они не нашли и осенью вернулись назад к Торвальду.

Судя по всему, следующая зима была также потрачена на охоту и рыбалку. Когда пришла весна, Торвальд сам направил корабль «сначала на восток, а потом на север вдоль берега». «У одного мыса их застигла буря, и корабль выбросило на берег. Киль был поломан»³⁴. Пришлось потратить немало времени на починку корабля, но наконец они смогли успешно продолжить свое путешествие. На пути был оставлен кусок сломан-

ного кия — они поставили его на мысу, который в честь этого был назван Килевым мысом.

Пройдя дальше на восток, «они причалили к берегу и положили сходни, и Торвальд сошел на берег вместе со всеми своими людьми... Возвращаясь на корабль, они заметили на песке подальше от мыса три бугорка. Они подошли ближе и увидели, что эти бугорки — кожаные лодки и под каждой лодкой три человека»³⁵.

Так первый раз появились «скрелинги», «слабаки»: краснокожие, эскимосы, исчезнувший ныне народ — называйте их, как вам угодно. Реакция норвежцев была похожа на то, что делают современные охотники при виде редкой птицы. «Торвальд и его люди разделились и захватили их всех, только один успел уйти на своей лодке. Они убили остальных восьмерых»³⁶.

Вскоре после этого целая флотилия кожаных лодок атаковала корабль. «Торвальд сказал: „Поставим вдоль борта щиты и будем обороняться, как только можем, но сами не будем нападать на них“. Скрелинги постреляли в них недолго, но потом обратились в поспешное бегство»³⁷. Однако одна стрела смертельно ранила Торвальда, и это была единственная потеря на корабле. Его тело было перенесено на берег и похоронено на гребне холма, где он надеялся построить себе дом.

Следующей весной его команда вернулась с грузом винограда в Гренландию, «и им было что рассказать Лейву»³⁸. Еще одна семья отправилась в путь, и этот поход единственный оказался

неудачным. «Торстейн сын Эйрика стремился поехать в Виноградную Страну за телом своего брата Торвальда. Он снарядил тот же самый корабль и подобрал себе самых сильных и рослых людей. С ним поехали двадцать пять человек и еще его жена Гудрид. Когда они собрались, они вышли в море, и вскоре земля скрылась у них из виду. Все лето их носило по морю, и они не знали, куда плывут. Наконец за неделю до начала зимы они подошли к берегу... в Западном Поселении Гренландии»³⁹. И хотя продолжительность сезонов в тех широтах серьезно отличается от наших, команда пробыла без свежей пищи достаточно долго, чтобы поголовно заболеть цингой. Поэтому Торстейн и большинство его товарищей достигли берега только для того, чтобы встретить там смерть.

«В это самое лето в Гренландию пришел корабль из Норвегии. Кораблем правил человек по имени Торфинн Карлсефни». Карлсефни стал гостем Лейва, а вскоре женился на его невестке — только что овдовевшей Гудрид. «По-прежнему шли разговоры о поездке в Виноградную Страну, и многие, как Гудрид, так и другие, подбивали Карлсефни на эту поездку»⁴⁰.

С этого момента наше повествование начинает двоиться. Длинный и детальный отчет «Саги об Эйрике Рыжем» частично совпадает, а частично вступает в противоречие с версией «Саги об Олаве». В последней Карлсефни отправляется на одном корабле и с командой из шестидесяти мужчин и

пяти женщин. «Сага об Эйрике Рыжем», со своей стороны, добавляет еще одно судно, которым владеет персонаж по имени Торхалль Охотник, и доводит личный состав до ста шестидесяти людей, не считая женщин. Более того, события предыдущих плаваний — те, о которых здесь уже повествовалось, — складываются в единый рассказ. Карлсефни приписывают открытие и название Страны Каменных Плит и Лесной Страны. Однако здесь сообщается уже нечто новенькое: «Было там также много лисиц»⁴¹. Им же принадлежат и названия берегов, расположенных к югу: «Они дали имя и всему этому побережью, назвав его Удивительными Берегами, потому что так долго пришлось плыть вдоль него»⁴².

Вместо эпизода с починкой киля судна Торвальда нам рассказывают о каком-то обломке, выброшенном на берег приливом, хотя название «Килевой мыс» сохранено. А находка винограда приписывается теперь не Тюркиру, а двум шотландцам, бегающим «быстрее оленей»⁴³. Кит, выбросившийся на берег, в первом случае дает запас провизии, а в другом «все, кто его ел, заболели»⁴⁴, что звучит не менее достоверно!

Так или иначе, обе версии сходятся относительно определения главной цели экспедиции. Это был не обычный поход в поисках мест, где можно пожить, а попытка колонизации, подобно нашему Рэйли много веков спустя. «Они взяли с собой всякого скота, потому что думали там поселиться, если это окажется возможным»⁴⁵.

Рассказчик вновь предполагает, что дома Лейва приютили искателей приключений, однако на этот раз это сообщение можно опустить. Вторая история гораздо более правдоподобна. Рассказывается, что Карлсефни попытался высадиться в двух далеко отстоящих друг от друга местах. Исследовав различные части побережья, он достиг «какого-то фьорда... В его устье лежал остров, вокруг которого были сильные течения. Они называли его Поток (Стрим). На нем было столько птиц, что трудно было не наступить на яйца. Они вошли во фьорд и называли его Поточный Фьорд. Здесь они снесли кладь на берег и обосновались»⁴⁶. Поскольку это место оказалось подходящим для нового поселения, Карлсефни построил хижины близко к воде. Зима выдалась суровой, еды стало не хватать задолго до того, как его людям представилась возможность «брать много добычи: ...птичьи яйца — на острове, и рыбу — в море»⁴⁷.

Вследствие всего этого в начале лета они решили попытать удачу дальше к югу. «Они плыли долго и наконец приплыли к реке, которая впадала в озеро, а потом в море... Все ручьи кишели рыбой»⁴⁸. Здесь, на берегах озера, на плодородной земле и в умеренном климате, они провели вторую зиму.

Когда из леса, а уже не из кожаных лодок, появляются скрелинги, то приводится вполне сносное их описание. Они были «низкорослы и некрасивы, волосы у них были грубые, глаза —

большие, скулы — широкие»⁴⁹. Началась торговля, и хотя обе саги согласны в том, что норвежцы отказались отдавать в обмен свое оружие, они не сходятся в вопросе, что именно они меняли на шкуры и меха: одежду или молочные продукты, полученные от ввезенного в страну скота. Один случай, правда, приводится в обеих: «Поблизости пасся скот, и бык начал грозно мычать и реветь. Скрелинги испугались и бросились со своей кладью... прочь»⁵⁰.

Со временем проявилось неизбежное взаимонепонимание. Торговля уступила место бою. Убитые были с обеих сторон, и поселенцы поняли, что у их колонии весьма призрачные шансы выжить. Они «поняли теперь, что, хотя земли здесь отличные для поселения, жизнь на них будет всегда небезопасна и тревожна из-за туземцев. И они собрались в обратный путь к себе домой»⁵¹.

Однако обратно они двигались неспешно. Они шли вдоль берега на север, исследуя его по мере своего продвижения. После убийства пятерых скрелингов, найденных «спящими в одеждах из шкур»⁵² на берегу, они провели последнюю зиму в старом лагере в Поточном Фьорде. «Однако со временем люди стали задиристее. Те, у которых не было жен, пытались отнять их у тех, кто был женат».

По приближении весны они вновь поплыли на север — по пути, ведущему к дому. На берегу Лесной Страны они напали на семью скрелингов — один был «бородатый мужчина» — и взяли

в плен двух мальчиков, которых забрали с собой в Гренландию как сувенир. При этом на борту уже был один ребенок — первый родившийся у людей, прибывших из Старого Света в Америку. «Снорри, сын Карлсефни, родился в первую осень. Когда они уезжали, ему было три зимы». Причем этот ребенок — Снорри — выжил и стал прародителем династии исландских епископов.

В «Саге Олава» вся наша история заканчивается трагически. Она описывает одну из последних поездок, которая началась «в то самое лето, когда Карлсефни вернулся из Виноградной Страны»⁵³. Сводная сестра Лейва Фрейдис убедила двух братьев-исландцев отправиться вместе с ней на ее собственном судне в совместную экспедицию. У Фрейдис был муж, однако он едва ли достоин упоминания: «она была властная женщина, а он — тихоня»⁵⁴.

Дух взаимного недоверия витал в воздухе с самого начала. «Братья и Фрейдис уговорились, что на обоих кораблях будет по тридцати человек, способных носить оружие, не считая женщин. Но Фрейдис сразу же нарушила уговор, взяв на пять человек больше и спрятав их»⁵⁵.

По всей вероятности, когда оба корабля прибыли в Винланд — как обычно, к домам Лейва, — дело уже переросло в открытый конфликт. Фрейдис допекала мужа рассказами о воображаемых обидах, и он «не снес ее упреков и велел своим людям поскорее вставать и взять оружие»⁵⁶. Братья были застигнуты в своей хижине спящими и

убиты вместе со всей их командой. «Так были убиты все мужчины. Оставались одни только женщины. Но их никто не хотел убивать. Тогда Фрейдис сказала: „Дайте мне секиру“... и она сама зарубила пятерых женщин, которые там были»⁵⁷. Разумеется, Фрейдис завладела всем их имуществом. В начале следующей весны, до краев нагрузив корабль братьев и бросив свое судно, она успешно вернулась в Гренландию. Но там, несмотря на все ее посулы и угрозы, «не все ее спутники держали язык за зубами»⁵⁸.

Судя по всему, после этого трансатлантических открытий больше не было. Вполне возможно, что Фрейдис в глазах своих соплеменников бросила страшную тень на Винланд. Но, скорее всего, плавание прекратилось по более ощутимой причине — из-за враждебности аборигенов. Любое маленькое поселение, которое могло быть основано и без того редким населением Гренландии, с течением времени было бы уничтожено. Как ни тщательно было подготовлено это путешествие, занявшее почти четыре года, Карлсефни констатировал провал.

Какова бы ни была причина, но заманчивый свет новой земли, похоже, померк. В легендах Севера Винланд исчез на века.

И тем не менее некоторые серьезно верят в то, что достижениями древних первооткрывателей стали не одни только красочные рассказы. Эрлинг Монсен, переводчик «Круга Земного», привел новые факты в доказательство того, что

в 1477 г. Христофор Колумб посетил Исландию. Вполне допустимо предположение, что Колумб, собирая информацию для своего будущего плавания, мог выслушать и рассказы исландцев о странной полузабытой земле на другой стороне океана. По крайней мере, в этом нет противоречий. Но плыл ли Колумб через Атлантику, чтобы вновь открыть Новый Свет, или просто искал легкий маршрут в Китай и Сипанго? Вот в этом, как вы понимаете, главная загадка.

И все же Колумб, прокладывая свой курс, мог, хотя бы отчасти, находиться под влиянием практики мореплавания древних норвежцев. По крайней мере, саму эту возможность нельзя исключать.

ГЛАВА IX

ОТ МОЛОТА ТОРА К КРЕСТУ

*Слышал ли ты о том, как Тор
вызвал Христа на поединок?*

Есть один факт в открытии Винланда, не в последнюю очередь привлекающий к себе внимание, — а именно то, что некоторых исследователей этой земли сага рисует христианами. Последняя просьба смертельно раненного отравленной стрелой скрелингов Торвальда такова: «Похороните меня там, поставьте крест в головах и в ногах, и пусть это место называется Крестовый Мыс (Кросснес)»¹. Этот рассказ вполне правдоподобен, поскольку христианство рано достигло Гренландии, ведь еще Лейв Удачливый, чтобы угодить конунгу Олаву, сам привез туда проповедника-миссионера.

Однако Гренландия, столь быстро принявшая новую веру, все же стоит особняком. Разве переход от язычества к христианству в самой Британии не происходил в продолжение чуть ли не всей эпохи викингов? Более того, если судить о новой религии по самым первым ее последова-

телям, то впечатление может сложиться ужасное. Христианами были многие беспощадные убийцы-викинги. Свейн сын Аслеява, столь же всецело преданный своему ремеслу, как и любой другой викинг, умер со словами истинной веры на устах.

Возможно, иначе и быть не могло. Разве покажется реальным внезапное преобразование народа, в котором веками воспитывалась убежденность в правоте и истинности принципа «помоги себе сам»? Да для воина и не могло существовать иной веры. Воспевающие героизм и презирующие проявление эмоций, его идеалы рисовали ему жизнь человека как битву, причем уже наполовину проигранную. Однако люди должны смело сражаться, поскольку они — товарищи богов в этой борьбе. Хотя норны и ухаживают за Мировым Древом*, противостоя без усталости гложащим его зловредным змеям, честное братство людей и богов постоянно борется с силами рока. Силы эти ведут мир к ужасной катастрофе, наступят «сумерки богов», Локи разобьет свои оковы и поведет великанов к победе, и все же такая мрачная перспектива вовсе не умаляет ценности борьбы.

В этой, по сути своей, мужской религии чувствуется недостаток более мягких качеств и добродетелей. Образ «Всеотца» Одина — божества

---

* Норны — богини судьбы, типологически аналогичные греческим мойрам; Мировое Древо — ясень Иггдрасиль, центральное связующее звено скандинавской и германской космографии. — *Примеч. ред.*

смерти, войны и коварства — излучает не больше доброты, чем выбитое в скале каменное лицо старика с острова Хой. Однако сфера влияния Одина была ограничена: в мифологию Севера он пришел довольно поздно — не раньше железного века. Несмотря на то, что Один — это наш саксонский Воден, его культ вряд ли достиг западных берегов Британии. Воплощение высоких душевных — почти духовных — качеств, Один привлекал все больше аристократические умы; в то время как в сердцах обычных простолудинов он никогда не мог преодолеть простую силу Тора.

Тор, Тор Громовержец, был, безусловно, главным богом британских викингов. Повелитель грома и молнии, вызывавшихся ударами его молота Мьельнир, Тор был воплощением силы и веселья, причем сила всегда была на первом месте. У Тора больше человеческих качеств, он всегда готов по-братски протянуть руку помощи. Сохранение мира во время различных людских собраний также было в его ведении; надлежащим образом устроенный тинг должен был начинаться в день Тора — в четверг. Даже когда Тор и уступил пальму первенства Одину, он остался, если можно так выразиться, «позади, но рядом» с Одином.

Красочная и детально разработанная германская версия мифа рисует Тора стражем Асгарда — жилища богов. В самой большой зале Асгарда — Вальгалле — сидит сам Один, при помощи двух своих воронов — Помнящего и Думающего — руководящий с высоты своего престола делами

людей. Туда слетаются валькирии — вестницы смерти, «высокие девы в шлемах, в кольчуге, окропленной кровью», унося с собой с бранных полей на Земле через мост Радуги выбранных ими героев. Какого иного рая мог пожелать викинг, помимо этого места сражений и празднеств? Здесь приятно проводить дневные часы в поединках со своими собратьями. Вечером наступает перемирие, а затем в сумерках все отправляются верхом домой, садятся ужинать за столом Одина, а валькирии в шелковых одеждах разносят мед и мясо дикого кабана, и этот ужин «постоянно варят, а к вечеру он снова цел»².

Трусу, слабаку и умершему «пустячной смертью» от болезни или старости оставалось мечтать только о пронизывающем холоде Нифльхейма. Охраняемый сторожевым псом Гармом, управляемый неумолимой богиней Хель, Нифльхейм является не столько страной возмездия, сколько попросту жалким местопребыванием. Его вечная зима контрастировала с сияющим летом Асгарда.

Образ Бальдра Прекраснолицего добавляет еще один штрих к юношескому веселью Асгарда. «Он так прекрасен лицом и так светел, что исходит от него сияние»³. В образе бога Бальдра, убитого стрелой из омелы благодаря злобному коварству Локи, нередко видят следы поклонения деревьям. Кроме него в Асгарде живет также Фрейр, сын Ньорда, который воплощает рыцарский дух: «Лучший среди могучих воинов жилища Асов, он не

обидел ни одной девы и ни одной жены. Он развязывает путы пленников».

Однако полный каталог богов оказался бы не только слишком длинным, но еще и весьма непоследовательным. Здесь все четко разложить по ящичкам не удастся. Характерные черты плавно перетекают от одного божества к другому, словно тени ветвей на земле, переплетающиеся друг с другом и накладывающиеся друг на друга. Фрейю, например, можно спутать с Фригг, так как обе являются богинями-покровительницами женщин и домашнего очага. Фрейр и Фрей срастаются в один образ, будучи покровителями плодородия. Тюр, древний бог войны, как и Ньорд, бог навигации, полностью теряются под сенью Тора.

Как бы ни была сложна и запутана северная мифология, в ней проглядывают гораздо более древние корни. На мировоззрении людей болезненно сказывались не только долгие жестокие зимы и суровые морские пейзажи Севера, над ними довлели также и суеверия. Знамения и сны, колдуны и волшебники, гномы и духи воды, земли и воздуха — со всеми ними, плохими или хорошими, норманн вынужден был считаться.

Поклонение природе никогда не уходило далеко от самой природы. Храмы располагались среди деревьев, что напоминает нам рощи друидов, которые и на самом деле были с ними схожи. Вспомним, что одним из первых деяний короля Бриана после его победы под Дублином была

отправка людей на север, дабы они уничтожили, как место нечестивых обрядов, «Рошу Тора».

Предполагают, что сама форма этого храма с закругленными углами символически повторяла дерево. При этом внутреннее убранство главной залы, судя по всему, почти не отличалось от залы обыкновенного дома, за исключением роскошной обстановки и богатых украшений. Само святилище, вместе с алтарем и изображением богов, находилось в пристройке в дальнем конце здания. На алтаре лежала самая сакральная вещь — священное кольцо Тора. Это кольцо было похищено из дублинского храма предшественником Бриана не только из-за того, что в нем было много золота. Молот был эмблемой Тора, кольцо же являлось его собственноручной печатью. Свои самые страшные клятвы мужи давали на нем. Разве не на этом кольце Гутрум дал клятву соблюдать Уэдморское соглашение с Альфредом? И, похоже на то, что один древний оркнейский обычай, который и по сей день не совсем забыт, воскрешает память о кольце Тора. Среди мрачных мегалитов на Стеннисе один называется Кольцо-Камень, через круглое отверстие которого молодой человек и девушка в день помолвки жмут друг другу руки в знак верности.

Само ношение кольца Тора было знаком принадлежности к жречеству. С этим кольцом на руке жрец был особым человеком; без него он был мирянин во всем, кроме звания, обычный человек, который мог убивать и которого могли убить

так же свободно, как и любого другого. Нередко человек совмещал функции жреца и вождя, и это было для него настоящей удачей. Роль жреца в своем собственном храме мог исполнять любой землевладелец; кроме того, человек мог стать жрецом, унаследовав это право или купив его. Правда, надо сказать, что отдельная каста священников была так же чужда духу викингов, как и особая таинственность жертвоприношений. Праздничные ритуалы могли проводиться не только в храме, но и на открытом воздухе и даже в помещении обычного мирского жилища.

Обязательной частью ритуала в храме или в обычном доме было то, что в центре пола зажигался огонь. Ритуал начинался с умерщвления жертвы, после чего жрец при помощи священной веточки окроплял сидящих на скамейках участников обряда и все остальное помещение кровью. Вслед за этим провозглашались тосты в честь богов и умерших родичей. «Благосклонные к людям, боги повернули свои головы к подношению». Жрецы делали маленький глоток крови, после чего по кругу пускался Кубок Памяти, наполненный медом или вином, который выпивался в честь умерших.

Со временем в жертву все чаще стали приносить лошадей, а не рабов или военнопленных, как это было раньше, хотя в Швеции массовые людские жертвоприношения в Упсале продолжались вплоть до одиннадцатого века. Сохранилось предание, что в Дании Свейн Вилобородый, чтобы

получить помощь богов в своей первой экспедиции в Англию, принес в жертву ребенка. Однако принесение в жертву отдельных людей через вырезание на них орла прекратились только после окончательной победы христианства. Такое жертвоприношение врага, столь любимое норвежцами, имело то преимущество, что совмещало в себе жертву и Тору, и Одину, а также становилось местью непосредственно самому врагу: убийца таким образом восстанавливал поправленную честь. Другой зловещий обычай — еще более древний, — распространенный также в далекой Полинезии, вполне мог продержаться и до самых поздних времен. Обычай отмечать первый спуск на воду военного корабля бросанием пленников на катки, по которым его спускали, был еще не вполне забыт даже во времена Олава сына Трюггви. В эпоху правления Олава один из епископов благочестиво заменил эту традицию вполне христианским обрядом освящения корабля.

В годы бедствий или «великих начинаний» имели место особые священные празднования, в дополнение к ним проводились и регулярные торжества. Во время летнего и зимнего солнцестояний, осеннего и весеннего равноденствий люди зажигали гигантские костры, чтобы почтить ход Солнца. Бельтан, «Майский День», отмечал начало сезона навигации, на Зимний День в середине октября приходился праздник урожая, благодарение за урожай корабля и плуга. Самым важным праздником был Йоль, длившийся целый

месяц. Он начинался в середине января и достиг своего пика в Двенадцатую Ночь. В течение всех двадцати четырех дней, пока длился праздник, «люди должны были жить в мире и не работать больше, чем это было необходимо».

В мире викингов невозможно было силой ускорить полную победу христианства. Под давлением внешнего принуждения, подобно тому, как это было в Норвегии при двух Олавах, люди только притворились бы верующими, но в сердце упорно продолжали бы цепляться за убеждения своих отцов. Так, Олав сын Трюггви, взойдя на престол, «потребовал, чтобы все люди приняли крещение, а тех, кто противился, он подвергал жестоким наказаниям, некоторых убивал, других велел покалечить, а еще других изгонял из страны»⁴. Неудивительно, что он был сметен той самой волной, которую вызвал. Олав, крещенный на островах Силли и прошедший обряд конфирмации в Англии, показал, как он понимает свою новую веру, еще до того, как он покинул Британские острова: он насильно обратил в христианство ярла Сигурда и забрал с собой его сына. Но поведение Сигурда, вскоре вернувшегося к своим старым убеждениям, показало ценность подобных методов.

Когда норманны имели возможность выбирать сами, а не под угрозой меча у своего горла, они нередко находили особую привлекательность в религии «Белого Христа». Христос был Победителем, сумевшим одолеть в открытом бою самого

Тора, и, более того, мог оказать людям такую поддержку, на которую никогда не был способен даже Тор.

В Британии мы встречаемся с удивительным обстоятельством: с атмосферой взаимной терпимости между новообращенными и их соплеменниками. Крещеный люд спокойно жил по преимуществу в языческом племени. Например, в большой семье Кетиля Плосконосого, стойкого приверженца старины, только один его сын не оставил традиционную веру. А дочь Кетиля Плосконосого Ауд Многомудрая вышла замуж за языческого короля Дублина Олава Белого. Более того, Ауд, овдовев, но оставшись стойкой христианкой, отправилась в известную своим язычеством общину Исландии. Там после ее смерти она и была похоронена — руками язычников — на берегу меж линией прилива и линией отлива, чтобы ее тело не лежало в неосвященной земле.

Крещение в глазах норманнов вовсе не обязательно означало полное отречение от прошлого. Требовать этого — значило требовать от них слишком многого. Людям понадобилось время — около столетия, — чтобы система их мировоззрения избавилась от особенностей, характерных для язычества. Было допустимо сочетание двух вер. Возьмем, например, Хельги Тощего, зятя Кетиля: «Он верил в Христа, но молился Тору за успешные плаванья или смелые деяния». Другой норманн из Ирландии, например, серьезно верил в Христа, но «молился Тору за свои

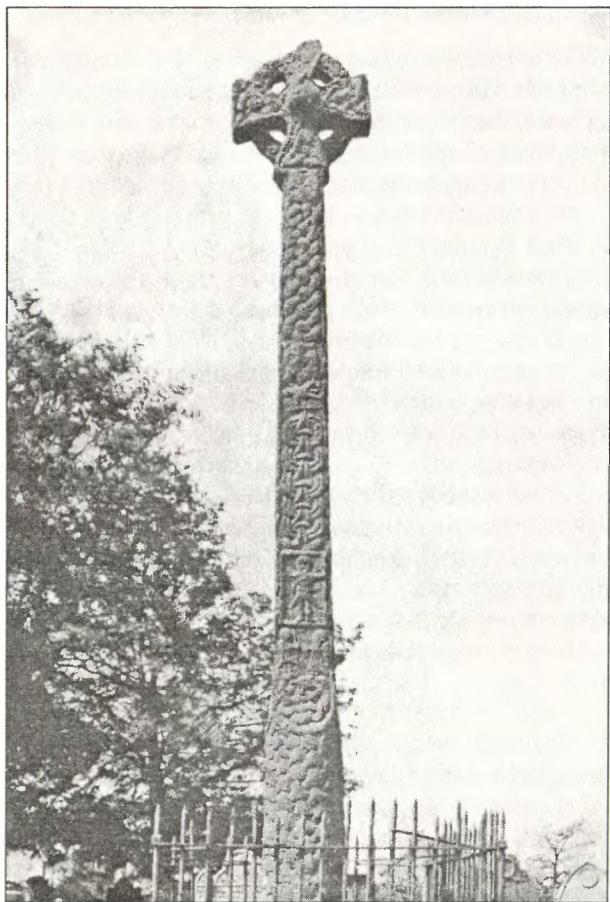

поездки и перед всяким делом, которое он считал важным».

К совершенно другой категории относилась большая категория так называемых новообращенных. Как только священник вешал на шею человеку крест, тот оказывался в рядах христиан, хотя сам ни от чего не отрекался. Такое обращение не несло за собой никаких обязанностей, но давало преимущества. Это было «обычным делом среди купцов и наемников в христианских армиях, поскольку тот, кто был новообращенным, мог общаться и с христианами, и с язычниками, оставаясь при той вере, которая ему нравилась больше».

Изваяния крестов на острове Мэн и в других частях Британии ясно показывают нам, сколь долгим оказалось обращение. Кресты эти напоминают нам о влиянии ирландцев на искусство викингов, однако главное, чем они интересны, — это необычное соединение в них элементов христианства и язычества. На кресте — символе христианства, поставленном в память об умерших, — обычно вырезались фигуры из древней мифологии, и это не шло вразрез с ортодоксальными устоями. Возьмем, например, один из многих крестов — крест из Госфорта в Камберленде, — на котором, наряду с распятием, изображен Локи в цепях.

Рунические надписи также иногда появляются на крестах, — в частности, на том же острове Мэн, и это несмотря на то, что нанесение рун

Крест из Госфорта
Камберленд, восточная сторона
Фото — Уилл Ф. Тайлор (Will F. Taylor)

обычно связывается у нас с нечистой черной магией. На самом же деле рунические надписи были вполне благочестивы: они приобрели таинственный смысл просто потому, что людей, которые могли ими пользоваться, было мало.

В целом, именно норманны в Британии своим ранним принятием христианства проложили дорогу остальным. Викинг-христианин в Британии или Ирландии не был редкостью в то самое время, когда священникам из Рима в Скандинавии не удалось добиться практически ничего. Так, датчанин Гутрум был крещен в Уэдморе, а крёстным отцом стал Альфред, и по прошествии времени, постоянный тесный контакт с саксами постепенно положил конец его старым убеждениям. Во времена правления Этельстана приемный сын последнего, Хакон, признал безнадежной затею крещения Норвегии, и в то же время Нортумбрия, главная цитадель британских норманнов, получила короля-христианина — Сигтрюгга Йоркского. Хотя жители Нортумбрии были в большинстве своем язычниками, саксонский архиепископ также имел на них влияние. Один архиепископ — Вульфстан — так втянулся в ссору Эйрика Кровавая Секира с Анлафом Квараном, что, спасаясь бегством от Эйрика, был взят в плен новым английским королем.

В Ирландии влияние кельтской Церкви также доказало свою мощь. Церковь, сильно пострадавшая от неистовства викингов, в скором времени нанесла им мощный контрудар. Даже такой

человек, как Готфрид, брат язычника Сигтрюгга Йоркского и «самый жестокий из всех норвежцев», был под таким впечатлением от церквей, что во время своих опустошительных походов по Армагу «жалел церкви и дома молитвы».

Особенно, почти сразу же после их первого появления, ирландская Церковь пленила датчан. Когда их котлы на берегах Лох-Карлингфорд дымились со своим жутким варевом, в то же время «поблизости была вырыта канава, вся полная золота и серебра в дар святому Патрику». Подобное поведение стало вообще типичным для датчан. Они поддерживали дружеские отношения с духовенством, в то время как «светлые чужеземцы» все еще оставались вне лона Церкви.

С самого начала — со времен дублинского Анлафа Кварана — и впредь большинство королей городов-портов в Ирландии были христианами вне зависимости, были ли они датчанами или норвежцами. И все же, несмотря на это, в Дублине всегда имело место смешение вер. Храм Тора процветал даже тогда, когда Сигтрюгг Шелкобородый чеканил монеты с изображением креста. Сигтрюгг Шелкобородый никогда не был фанатиком. Сигтрюгг отдал свою дочь в ирландский монастырь, дважды совершил паломничество в Рим, и при этом мог отправиться на Оркнейские острова и предложить ярлу-отступнику сражаться на его стороне против ирландцев-христиан при Клонтарфе. Именно Сигтрюгг основал собор, ныне называемый Кристчерч. На склоне своих лет

он «указал место для строительства церкви Святой Троицы» и «дал серебра и золота на ее постройку».

Довольно любопытен тот факт, что крещеные норманны в Ирландии обращались к английской Церкви в обход местной христианской иерархии. Первый скандинавский епископ Дублина ездил в Англию, где его рукоположил Ланфранк, и вслед за ним не одно поколение епископов Дублина, Уотерфорда и Лимерика, избранных духовенством и мирянами своих будущих епархий, отправлялось в Кентербери для рукоположения. Ирландская Церковь могла протестовать сколько угодно, однако вплоть до двенадцатого столетия Дублин крепко держался за Кентербери.

Однако на Оркнейских островах ситуация была совершенно иной, нежели в Ирландии. В отличие от сильной ирландской Церкви, на островах среди норвежцев не осталось священников-кельтов. Соответственно, и принятие христианства здесь сильно запоздало: первая церковь была основана не ранее, чем через пятьдесят лет после короткого визита Олава сына Трюггви. Но, хотя семя и было брошено поздно, всходы оказались скорыми. В течение всего следующего столетия на Оркнейских островах появились и свой святой, и собор, и достопамятный епископ-воин.

Епископ Вильям Старый, первый из занимавших это место на Оркнейских островах, был масштабной фигурой своего времени. В течение шес-

тидесяти шести лет он обладал всей полнотой власти во владениях оркнейского ярла, участвовал в непрекращавшихся конфликтах, как внутренних, так и внешних, в то самое время, когда даже князь Церкви не мог быть застрахован от гнева просто-народья или меча воина. Но, в отличие от некоторых своих преемников, он почил в мире в собственной постели. Его старые кости были с честью погребены в соборе в Керкуолле и лежали там до тех пор, пока в обновленческом безумии девятнадцатого века какие-то фанатики выбросили их оттуда на основании того, что «церковь, мол, не кладбище».

Вильяма Старого можно назвать священником викингов — хотя бы за его слишком терпимое отношение к оркнейским пиратам. В те времена это ремесло было очень популярно на пространстве между нашими северными островами и вообще по всему Северному морю. Некоторые грабители-христиане, судя по всему, относились к церквям и монастырям все же немного мягче, нежели их языческие предки. Тот факт, например, что Магнус Голоногий уважительно отнесся к монастырю на острове Айона, оказался достаточно значимым, чтобы упомянуть об этом в рассказе о его подвигах: «Магнус конунг приплыл со своими людьми на Святой Остров и обещал мир и безопасность всем людям и сохранность всему добру. Люди говорят, что он хотел отпереть часовню Колумкилли (Колумба), но не вошел в нее, а закрыл дверь на замок»⁵.

В этом походе Магнуса Голоногого в рядах его армии оказался другой Магнус, которому судьбой было уготовано оказать еще большее влияние на воображение современников. Этот юноша по прошествии многих лет стал известен всему Северу как святой Магнус.

ГЛАВА X

СВЯТОЙ ВИКИНГ

*Он наследовал благодать и свежесть
Рая, который называется землей людей живых.*

Свергнув двух Оркнейских ярлов — братьев Паля и Эрленда, — Магнус Голоногий увез с собой сына Эрленда Магнуса, который стал против своей воли членом его команды. Однако этот насильно обращенный в солдаты юноша причинил много беспокойства. Когда началась битва при Менай Стрейтс, юный Магнус «стоял на носовой палубе, но не брался за оружие. Он говорил, что не имеет ничего против кого-либо в этой битве».

Надо думать, что Магнус отказывался сражаться не столько из-за религиозного убеждения, сколько вследствие очевидного пренебрежения к судьбе своих похитителей. Гораздо более убедительно, нежели все рассказы о том, как Магнус пел псалмы во время битвы, не заботясь о том, чтобы как-то укрыться от летящих стрел и копий, звучит речь разгневанного конунга: «Если ты не смеешь сражаться, то отправляйся на банку, но не

ложись там под ноги воинов, потому что я не думаю, чтобы тебе вера мешала биться».

Наконец юноше удалось покинуть флотилию. Неподалеку от шотландского побережья он прыгнул за борт корабля конунга и поплыл к берегу. Флотилия высадила на берег поисковую команду, которая пустила по его следу собак, однако им не удалось его поймать. Его непоколебимый дух провел его одного через дикую страну, и он нашел свое убежище у шотландского короля в Эдинбурге.

Там, при шотландском дворе он и оставался до тех пор, пока смерть Магнуса Голоногого не освободила Оркнейское владение от власти его сына-узурпатора. Магнус тут же отправился на север и присоединился к своему кузену Хакону: вместе они вернули себе права своих отцов. «Родичи, Магнус и Хакон, некоторое время вместе заботились о своей земле и были в полном согласии».

Ярл Магнус в тот период мира и дружбы представлял собой идеального правителя: «Веселый, приветливый в речах ко всем мудрым и добрым, но суровый и беспощадный к грабителям и морским разбойникам, он приказал предать смерти множество тех, кто разорял свободных людей и прочих народ. Он приказал хватать и уничтожать убийц и грабителей, совершивших и тяжкие, и легкие злодеяния. В суде своем он не был снисходителен даже к друзьям».

Однако тучи уже собирались. В сагах дело представляется так, что Хакон, наслушавшись распус-

каемых обманщиками сплетен, начал ревновать к «дружелюбию и великодушию» своего кузена. «Злодеи распространяли слухи и разрушили их согласие».

Какова бы ни была подлинная причина, в конечном счете разгорелась ссора. Гражданскую войну между ярлами едва удалось предотвратить. Каждый уже производил смотр боевых порядков своих сторонников, когда «многие с мужеством и доброй волей встали между ними» и склонили их к примирению. «Тогда они скрепили свое согласие клятвами и рукопожатиями. После того прошло некоторое время, и ярл Хакон лживыми и прелестными словами пригласил доверчивого ярла Магнуса на встречу в установленный день, чтобы они не свернули с пути родства и новоустановленного прочного мира и чтобы мир этот не обратился в ничто. Встреча эта ради установления прочного мира и окончательного соглашения должна была состояться в ту же весну на пасхальной неделе на острове Эгильсей».

Магнус, «которому не были знакомы сомнения, вероломство и жадность», приветствовал эту идею. Однако дух подозрительности все же витал в воздухе. «У каждого должно было быть только два корабля и равное количество людей, в чем они и поклялись».

Магнус со своей стороны строго придерживался буквы соглашения; его же кузен — нет. Хакон тайно собрал «множество людей и военных кораблей, вооруженных и снаряженных так, словно

они шли на битву. Когда его силы собрались, ярл заявил своим людям, что он намерен на этой встрече выяснить свои отношения с ярлом Магнусом, поскольку не имеет смысла им обоим править на Оркнейских островах». Предложение это вызвало всеобщее одобрение. Один-единственный человек нашелся, что возразить, и тут же вынужден был искать спасения на одном из соседних островов.

Тем временем Магнус прибыл к назначенному месту встречи на Эгильсей полный нехороших предчувствий. Его переправа сопровождалась различными знаменами и чудесами, так что он не был удивлен, увидев военные ладьи Хакона. «Ярл Магнус тогда отправился молиться в церковь на острове и был там в ту ночь. Его люди просили разрешить защищать его, но он сказал: „Я не хочу положить ваши жизни ради моей, и, раз уж между родичами не может теперь быть мира, то пусть на то будет воля Господа“...

Хакон и его люди вскочили с рассветом и тут же поспешили к церкви, обыскали ее, но ярла не заметили... Когда же святой ярл Магнус увидел, что они ищут его, то он подал голос и позвал их к тому месту, где он был: он приказал им прекратить поиски в других местах. Когда же Хакон его заметил, они все ринулись к нему, крича и бряцая оружием. Когда они подошли к нему, ярл Магнус молился, а когда он закончил свою молитву, он перекрестился и обратился к ярлу Хакон: „Ты можешь выбирать из трех воз-

можностей, которые я тебе предложу, чтобы ты не стал клятвопреступником, а я не был бы убит безвинно“».

Первое его предложение было таково: он обещает покинуть Оркнейские острова навсегда, если ему дадут два корабля и позволят совершить паломничество, «в котором он вымолит прощение душам их обоих». Но он получил безоговорочный отказ. Тогда Магнус предложил, чтобы его отослали в качестве почетного военнопленного в Шотландию, при том, что Хакон примет на себя заботу по его охране. И снова кто-то крикнул: «Нет!». В конце концов, заявив Хакону, что «Господь ведает, что я пекусь больше о твоей душе, нежели о своей жизни», Магнус предложил: «Пусть члены мои будут изломаны или, если захочешь, пусть мне выколют глаза, а потом брось меня в темницу».

На это последнее Хакон согласился: он не станет братоубийцей, причем таким образом раз и навсегда оградит себя ото всякого соперничества. У его сторонников, однако, была иная точка зрения. К этому времени они были уже изнурены междоусобной борьбой, и теперь, когда шанс покончить с ней был у них в руках, они не хотели рисковать. «Вожди войска повскакивали со своих мест и сказали ярлу Хакону: „Мы предадим смерти вас обоих, и вы оба не будете больше править этими землями“. Хакон ответил: „Тогда убейте его, потому что я хочу править своей страной и не намерен умирать столь рано“».

«Достойный ярл Магнус был этому столь рад, будто его пригласили на пир. В речах его не было ненависти, и он не вымолвил ни одного гневного слова... Хакон приказал своему знаменосцу Офейгу убить ярла, но тот в большом гневе отвечал „Нет“. Тогда ярл заставил своего повара Лифольва убить ярла Магнуса, но тот принялся жалобно голосить. „Не стоит жаловаться, — сказал ему ярл, — поскольку это славное деяние“». После предсмертного слова и молитвы, «он сам склонил голову под удар». Несчастному Лифольву он сказал: «Встань рядом со мной и нанеси мне смертельную рану на голове, поскольку бесчестье рубить ярлам головы, словно вора».

Чудеса не заставили себя долго ждать. На камнях, на которых был убит Магнус, тут же проросла трава. Молитвы, обращенные к нему, возвращали зрение слепым и здоровье больным. Вскоре островитяне начали чтить своего умершего ярла как святого.

В роли главного скептика выступил Оркнейский епископ. «Епископ Вильям долго сомневался в святости ярла Магнуса». Никто в присутствии епископа не осмеливался защищать святость ярла, за исключением самых безрассудных его почитателей. Но случилось так, что епископ однажды был задержан непогодой на одном из островов, и, пока он проклинал нескончаемый шторм, его друг посоветовал ему проверить святость Магнуса, помолившись ему. Положение епископа было таково, что он с радостью воспользо-

вался бы любым шансом выйти из него. Он помолился Магнусу, ветер пошел на убыль, и его сомнения пошатнулись. В конце концов общественное мнение пересилило, и он согласился на проведение чисто формального, но жуткого эксперимента. Было выкопано тело Магнуса, которое тщательно осмотрели на предмет обнаружения признаков святости. Когда сустав, помещенный епископом в огонь, не обуглился, а приобрел цвет золота, то епископ объявил всем, что теперь он окончательно во всем убедился.

Добродетели Магнуса были расписаны самым пространным образом чуть ли не в стиле надгробных плит восемнадцатого столетия: «Святой Магнус, ярл острова, был самым бесподобным из всех людей, высок ростом, с отважным, но приветливым взглядом, добродетельным во всех своих путях, удачливым в сражениях, мудрым в рассуждениях, красноречивым и благородным в помыслах, щедрым в деньгах и великодушным, быстрым на совет и любящим друзей своих больше, чем всякий иной человек...» И далее еще очень много выражений в том же духе.

Многое в этом описании, без сомнения, следует отнести на счет набожного преувеличения репутации святого, однако Магнус, несомненно, был личностью необычной. Свидетельство того уважения, которое к нему испытывали уже его современники, вознеслось над мощными крышами оркнейской столицы, обретя самую долговечную форму.

Собор святого Магнуса построен во исполнение обета. Он может служить напоминанием о том, как сын Хакона, взойдя на престол после смерти отца, пострадал за его преступление.

Племянник Магнуса Регнвальд доблестно, но без особого успеха, добивался своей части владения, когда попросил помощи «доброго ярла». Правда, строго говоря, инициатором этого был Коль, отец Регнвальда. Первая боевая флотилия Регнвальда была уничтожена у Шетландских островов, и, собрав вторую, он перед отплытием воодушевлял своих товарищей по команде красноречивой речью. Стоя на палубе своей ладьи, он объявил о намерении победить или умереть. Как только стихли одобрительные возгласы, Коль перевел разговор в другую плоскость: «Советую тебе, Регнвальд, дать обет возвести в Керкуолле собор, столь большой и великолепный, чтобы он стал чудом и славой всего Севера, и посвятить его святому Магнусу, если тот вернет тебе твое наследство».

Итак, Регнвальд дал обет и, в общем и целом, получил владения ярла. В тот момент, когда у него уже не оставалось никаких шансов, ярл Паль — главная движущая сила оппозиции — был похищен. Причем причудливость комбинации святого Магнуса заключалась в том, что помощь его пришла в облике Свейна сына Аслеява.

Однако предприятие Регнвальда оказалось не из легких. Гигантская груда красного кирпича росла медленно, а расходы оказались слишком

большими, чтобы их мог взять на себя один только новый ярл. Чтобы здание было готово и стало местопребыванием тела святого Магнуса, его стоимость должна была быть разделена между всеми островитянами.

Коль, отец Регнвальда, инициатор и архитектор этой постройки, стал также и финансовым советником. Он предложил взимать особый вид налога на наследство: владельцы и наследники всех одалей должны были уступить их ярлу, а затем выкупить их. Но даже такая дань уважения к святому не оказалась чрезмерной, так что даже те фригольдеры, которые ревниво оберегали свои права, могли принять этот план на своем тинге. Они его и приняли, и больше недостатка в средствах не было.

Однако ни Коль, ни Регнвальд не увидели, как был положен последний камень. Завершение постройки заняло еще очень много дней, но в конце концов ее башня вознеслась над маленьким городом и вступила на свой боевой пост, среди праздных криков чаек, наблюдая за островами и за обступившим ее со всех сторон морем.

Нынешний собор едва ли можно назвать церковью Регнвальда, поскольку последующие поколения внесли, помимо одних только готических окон, множество других изменений. Однако в основании своем — в массивных пилонах нефа, — а также по духу своему это — собор Регнвальда. С тех пор, когда — уже в более поздние времена — пуританский люд полностью очистил

собор от декораций и орнамента, он стоит совершенно пустой, и в этой его пустоте чувствуются сила и благочестие меча Регнвальда.

Магнус умер незадолго до заката эпохи викингов. На первый взгляд кажется немного странным, что именно собор является самым осязаемым памятником бурной истории Оркнейских островов.

Однако, по зрелому размышлению, он не кажется таким уж неуместным.

ГЛАВА XI

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ В ЙОРСАЛИР

*Вперед через Грезеское море...
Они плыли, пока не бросили якорь
Близ великого города Акры.*

Христианство познакомило Север с еще одним великим предприятием — с паломничеством в Рим. Оно стало возможностью утолить жажду приключений, но в духе благочестия. Какова бы ни была причина, но норманну, который мог продемонстрировать одежду со следами грязи самых разных уголков Европы, была обеспечена вечная слава среди товарищей.

Эту моду завели еще в полуязыческие времена. Это может показаться странным, но еще во времена Канута ярл Торфинн Могучий пересек Северное море, приплыл с Оркнейских островов в Данию и далее «поехал в Рим и видел римского папу». Спустя несколько лет сам Канут также отправился верхом из Дании в Рим. Однако и ста лет не прошло, как такие сухопутные паломничества вышли из моды: уже целых две флотилии возили норвежцев и оркнейцев по морю к Святой Земле.

Первую экспедицию возглавил конунг Сигурд, юный сын Магнуса Голоногого — тот Сигурд, который променял владение на Оркнейских островах на норвежский трон. Сигурд вернулся после трех лет битв и пиршеств богатым не только сокровищами: «Все говорили, что не бывало более славного похода из Норвегии, чем этот»¹.

Сигурд умер до того, как было организовано второе паломничество. На этот раз *jorsalafarers* — путешественники в Йорсалир (Иерусалим) — отправились с Оркнейских островов. Их предводителем был Регнвальд, сам ярл, основатель собора св. Магнуса и, вдобавок ко всему, воин-поэт.

Хотя «ярл Регнвальд был большой щеголь и был о себе очень высокого мнения», он, как кажется, унаследовал меньше пороков викингов и больше добродетелей, чем обычно. Вообще-то его, как и его дядю, почитают на островах как святого. Однако при этом Ренгвальду не были чужды и радости грабительских налетов. Молодость свою он провел в торговых поездках между Норвегией и восточным берегом Англии, но потом оставил торговые корабли и пересел на военные ладьи, чтобы совершать набеги на Гебриды и Ирландию. В довершение картины, он был талантливым скальдом, и сага цитирует многие его стихи.

Когда Регнвальд был одной осенью при норвежском дворе со своим молодым ярлом-соправителем, на него произвели сильное впечатление рассказы о путешествиях одного из гостей. Это

был викинг по имени Эйндриди Юный, только что приехавший из Константинополя, где он служил некоторое время в иностранном легионе норманнов — в варяжской гвардии. Этот злой гений будущей экспедиции, Эйндриди, не сразу обнаружил свой характер.

Он вызвался быть их проводником на тот случай, если Регнвальд, следуя примеру конунга Сигурда, снарядит флот в Палестину. Регнвальду же очень хотелось поплавать в удивительных южных морях, и все большее количество норвежских вождей хотели его сопровождать.

По всей вероятности, энтузиасты этого начинания провели несколько советов — при свете пылающих дров и при участии рога с вином. Их решения, возможно, были поспешными, но при этом единогласными. Во-первых, они постановили, что нужно специально строить каждый корабль для такого весьма рискованного предприятия. Во-вторых, для того чтобы команды кораблей не завидовали друг другу, ни на одном судне, за исключением ладьи ярла, не должно быть больше тридцати скамей и не должно быть вообще никаких украшений. Постройка флота и все приготовления должны были занять пару лет.

По достижении предварительной договоренности два оркнейских ярла отплыли домой. Норвежский король предоставил им для этой поездки две маленькие ладьи, которые носили оригинальные имена — «Стрела» и «Помощь». По дороге оба транспортных средства застиг шторм, они

были разбиты близ Шетландских островов, однако весь экипаж чудесным образом спасся. «Было темно, и со всех сторон бушевали бурные волны. Ничего не оставалось, как направить корабль к берегу. Все люди спаслись, но большая часть добра была потеряна».

Однако решимости Регнвальда это ничуть не поколебало. Он поспешил на Оркнейские острова, где привлек к своему мероприятию епископа Вильяма Старого и могущественных фригольдеров, обнародовав свой проект. Это вызвало еще больше энтузиазма. Семидесятилетний епископ, полностью одоббив начинание, согласился сам плыть вместе с флотом в качестве капитана одного из кораблей и, поскольку он был клириком из Парижа, в качестве переводчика.

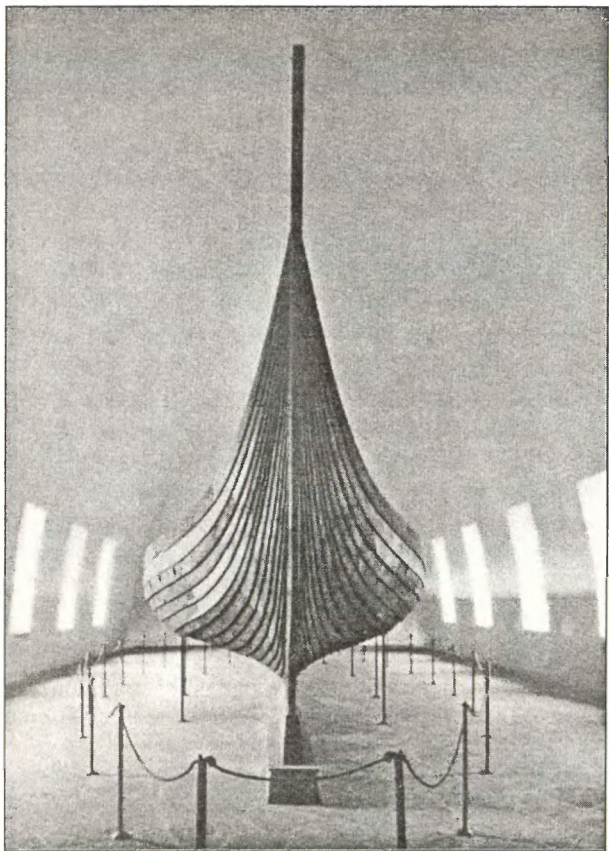
Два года пролетели, и Регнвальд поплыл со своими людьми в Норвегию, где его уже ожидал его корабль в сопровождении большей части флота. Однако отплытие неожиданно задержалось. Повинен в этом был провожатый, Эйндриди. «Эйндриди тянул все лето, утверждая, что будет готов через неделю. Люди ярла были очень недовольны и стали поговаривать, что были путешествия и более далекие, которые совершались без Эйндриди». Когда же отставшая ладья наконец появилась, все увидели, что тот бросил вызов запрету на украшения. Ее «нос и корма были обильно украшены золотом, на носу все покрашено в белый цвет, и вообще все части над водой были раскрашены везде, где это показалось

красивым владельцу». Эйндриди, уверенный в собственной значительности, уже тогда гнул свою линию.

Правда, к тому времени лето было на исходе и время было упущено. Приход осенних штормов воспрепятствовал началу похода до начала следующей весны. Регнвальд со всей компанией разочарованных паломников, оркнейцев и норвежцев, поплыл обратно на зимовку на Оркнейские острова. Однако теперь настала очередь разукрашенного корабля Эйндриди быть вынесенным на скалы у Шетландских островов. И вновь и хозяин, и команда добрались до берега целыми и невредимыми, однако пришлось строить другое судно взамен разбившегося. Это послужило причиной еще больших задержек: заказ лишенных деревьев Оркнейских островов на новый корабль нужно было вновь посылать в Норвегию.

Однако этот период ожидания оказался в результате очень насыщенным даже по сравнению с обычной активностью островитян. Регнвальд, очевидно, потратил немало времени в попытках сохранить мир между оркнейцами и своими норвежскими гостями. Убийства, ранения, похищения женщин и многое другое заставляли его постоянно держать руку в кармане, справедливо выплачивая компенсации каждой из сторон. Такие развлечения и общее приподнятое настроение не покидали их большую часть года.

Не раньше чем подошло к концу лето, была доставлена из Норвегии новая ладья Эйндриди.

Корабль из Гокстада
Вид с носовой части

Вот тогда-то, ранней осенью, флот снялся в конце концов с якоря и отплыл к южному берегу Шотландии. Паломничество началось.

Как говорится в саге, всего в паломничестве участвовало «пятнадцать больших кораблей». Коль скоро их конструировали специально для длительных походов, то они, судя по всему, приближались к типу просторного торгового судна, а не были длинными кораблями более простой конструкции. С другой стороны, как свидетельствует наличие носового украшения на судне Эйндриди, они были, по большей части и в первую очередь, все же боевыми кораблями — вероятность битвы была такая же, как вероятность промокнуть в водяных брызгах Атлантики. Памятуя о том, что размер каждого судна был ограничен тридцатью скамьями, мы можем сделать самый грубый расчет общего количества паломников. Допустим, что на одно весло приходилось по одному человеку, и что на каждом борту была еще, по крайней мере, дюжина людей в запасе; тогда в совокупности мы получим больше тысячи человек. Для викингов это был небольшой флот: в прошлом в морские путешествия уходило гораздо больше людей. При этом примечательно то, что все путешественники в Йорсалир держались вместе в течение почти всего похода. Главную трудность в данном отношении представляла самая большая и тяжелая ладья Регнвальда, которая при сильном ветре всегда вырывалась вперед, но тащилась за кормой всех остальных кораблей при легком ветерке.

Помимо застигнувшей их в устье Хамбера плохой погоды, первым эпизодом, о котором рассказывает сага, было прибытие флота в какой-то порт на побережье Северной Франции. Там паломников встречали с распростертыми объятиями. Ярл был приглашен на берег на пиршество, а вместе с ним — столько людей, сколько он захочет. Более того, вся эта затея переросла в целую серию пиров. Во время одного из них — особенно веселого — королева этой страны, молодая и красивая женщина, приказала своим девушкам танцевать, а сама принялась прислуживать гостям, собственными руками разливая им вино. Сага представляет нам ярла Регнвальда, который никогда не был робким ухажером, одновременно держащим золотой кубок в руке и усаживающим королеву на свое колено. «Они много говорили в тот день».

После этого мы вряд ли удивимся, когда узнаем, что путешественники в Йорсалир «долго оставались в самом лучшем расположении духа». В конечном итоге, когда слухи о женитьбе уже висели в воздухе, ярл сложил с себя всякую ответственность. Он поднял свой парус, поклявшись, что по возвращении из Святой Земли станет супругом королевы. Имя ее исчезает из его стихов только спустя несколько месяцев.

Воды океана благоприятствовали им: «Когда они двинулись в путь, ветер был добрым, и они могли просто сидеть и пить, чему они были очень рады». Но скоро их поманили совсем иные при-

ключения. Где-то в Бискайском заливе флот подошел к берегу, чтобы пополнить запасы провизии. Высадка такого количества крепких хорошо вооруженных чужеземцев поставила местных жителей перед дилеммой. Сильный аппетит гостей угрожал уморить и без того голодающую страну, но в то же время чужеземцы могли стать избавителями от местного тирана. «Имя этого вождя было Годфри. Его жилищем был замок. Он был мудрый человек и немного больной из-за своего возраста. Он... много ездил и знал много языков. Он был человек жадный и несправедливый».

Но сделка свершилась: норманнам было позволено покупать еду, при условии, что они согласятся выдворить Годфри из его крепости. Кроме того, им предлагали ее разграбить. Регнвальд провел военный совет и принялся за дело. Поскольку выяснилось, что замок невозможно взять простой атакой, было решено использовать проверенные временем норвежские методы штурма с применением огня.

Три дня ярл и его люди рубили лес и нагромождали связки хвороста у стен замка, пока епископ Вильям не вспомнил о приближении святок. «Епископ не позволил им начать штурм, пока продолжается великий праздник святок». Вслед за этим в саге следует эпизод, который подозрительно похож на историю о том, как Альфред шпионил в лагере датчан. Осажденный Годфри спустился на веревке из крепости и стал бродить среди палаток паломников, словно попрошайка,

прося подаяние по-испански. Он быстро выяснил, что между Регнвальдом и Эйндриди есть разногласия и что они «разделились между собой». Перед тем как никем не узанным вернуться в замок, он разыскал Эйндриди и заключил с ним тайный договор.

Приближался конец святок, и начался яростный штурм. Кипа хвороста была подожжена, и норманны во главе с ярлом атаковали одновременно со всех четырех сторон. «Тогда они надвинулись на твердыню с огнем и оружием. Они яростно бросились в дело. Защитники замка... лили на них горячую смолу и серу, но это принесло не много вреда людям ярла».

С подветренной стороны находился Эйндриди, который якобы шел в атаку со своими сторонниками, однако его действия скрывались дымом, который сносило в его сторону с костров. Наконец огонь прорвался через стену; «ярл приказал людям принести воду и остудить раскалившиеся камни. Тогда все сбежали со стен». Остальное было просто. Без особых трудностей крепость была взята. Те немногие из числа защитников, которые не были убиты во время первого штурма, получили свою долю, а победители собрали множество трофеев.

Однако захват замка, в целом, их разочаровал: сам Годфри и самые драгоценные вещи исчезли. Здесь кто-то вел двойную игру. Подозрение и слухи среди флотилии сконцентрировались на Эйндриди, но загадка так и не была разрешена.

Паломники расстались с освобожденной ими страной и вновь отправились в море. Однако былая страсть викингов только разгорелась. Пока они плыли на запад, «они разоряли земли повсюду в той части Испании, которая принадлежала язычникам, и добыли там много богатства».

Бискайский залив не преминул показать им пример местного шторма. Они пытались переждать его, стоя на якоре, «но корабли начали черпать воду, и все шло к тому, что они могли потерять все свои суда». Три дня спины людей были в напряжении от непрерывного таскания туюков на берег, в то время как суда погружались в море и рвались с тросов, но наконец погода прояснилась, и паломники увидели, что флот их невредим.

Вряд ли они могли пройти мимо западного берега Испании без того, чтобы по пути не доставить себе удовольствия пограбить там и сям. Однако следующая яркая картина в саге такова: флотилия движется при встречном ветре против течения к проливу Гибралтар. Затем ветер поменялся, предоставив им беспрепятственно пройти пролив при хорошей погоде. Когда они вошли в Средиземное море, Эйндриди использовал свой шанс. С пятью другими ладьями он оставил флот и растворился за горизонтом, направляясь к Марселю.

Быть может, именно из-за отсутствия проводника паломники, подойдя к африканскому берегу, «не знали, близ какой земли они находятся».

Возможно, однако, они сбились с курса только потому, что был туман и штиль: «они не могли видеть ничего дальше собственного корабля, так что мало продвинулись вперед». Так или иначе, но удача все еще была с ними. Однажды утром, когда они дрейфовали вблизи Сардинии, они заметили два странных судна, показавшиеся им в дымке столь большими, что непривычный взгляд норманна принял их за «два небольших, но крутых островка». Но это были, как догадался ярл, огромные корабли сарацинских купцов, известные как «дромонды» или «дромондарии». Легкое дуновение ветерка доказало правоту ярла: туман стал реже, паруса одного из кораблей наполнились, и он уплыл прочь.

Другой корабль, застигнутый штилем вблизи флота викингов, показался Регнвальду чрезвычайно соблазнительным. Созвав своих капитанов, он спросил, что они об этом думают. Осторожный епископ Вильям высказался первым и настоятельно советовал оставить дромонд в покое. «У них есть сера и горячая смола, которую они выльют на наши корабли и на нас самих», — учтиво предостерег он ярла. Борта дромонда — как утверждал епископ, слишком высокие, чтобы можно было взобраться на них с их низких судов, — дадут команде дромонда большое преимущество при любом виде атаки.

Против убеждающих речей епископа высказался вождь Эрлинг, первым предложивший применить огонь против замка Годфри. Новый план

Эрлинга заключался в том, что если они поставят свои узкие ладьи вплотную с обеих сторон корпуса сарацинского корабля, то тогда можно будет укрыться от всех тех гадостей, которые на них будут сбрасывать.

Последнее слово осталось за Регнвальдом, который обнаружил качества дипломата. Если выяснится, что это — торговцы-христиане, то их надо будет отпустить с миром, если же, напротив, они — язычники, то, очевидно, их обязанностью как паломников будет захватить их товары и раздать часть их бедным. С этим уже нельзя было поспорить. Все присутствующие, включая епископа, сразу же принялись укреплять фальшборт и вытаскивать оружие.

Как только флот был готов, на всех кораблях взялись за весла. «Однако, когда те, кто был на борту дромонда, увидели, что к ним плывут корабли, они взяли шелковые материи и дорогие вещи и вывесили их за фальшборт, после чего принялись громко кричать и звать их на битву». Они, несомненно, осмеливались бросить вызов норманнам.

Ладьи приближались на полной скорости. Одна пошла к носу, две — к корме, а оставшиеся выстроились вдоль дромонда, борт о борт к нему. Так, по крайней мере, гласит сага. Некоторые дромонды были огромными: про один такой корабль, который захватил Ричард Львиное Сердце, сказано, что в нем помещалось пятнадцать сотен человек. Однако корабли норвежцев также отличались

длиной. Девять ладей, теснящиеся вокруг торгового судна, словно пакетботы вокруг линкора, — картина, поражающая воображение.

Ход этой битвы, в общих чертах, очевиден и прост. Сначала сражение зашло в тупик: ни одной стороне не удавалось достать другую. Норманны не могли этого сделать, так как их оружие не доставало людей на палубе дромонда; с другой стороны, их самих во многом защищал изгиб его бортов. «Язычники бросали сверху копья, камни и котлы, полные кипящих смолы и масла»², но все было напрасно. Все это либо падало прямо в море, совершенно не задевая ладьи, либо отскакивало от щитов, которые противная сторона держала под углом над своими головами.

Выход из положения нашел епископ Вильям. Он собрал на свой и на два других корабля отборных лучников со всей флотилии и, отойдя и встав на расстоянии от дромонда, стал тревожить его команду тучей летящих стрел. В то время как сарацины в спешке пытались укрыться, люди внизу получили возможность развернуться. По примеру Регнвальда, они выхватили топоры и стали вырубать дыры в соответствующих местах возвышающегося над ними борта: «в тех местах, где он был меньше окован железом». Еще более укрепили положение нападающих лучники с корабля Эрлинга. Он сам взобрался на шток якоря, висевшего на своем месте за кормой. Вместе с несколькими людьми, которых он смог поднять к себе на шток, он прорубил себе путь через левую

кормовую часть борта, «и эта выемка была гораздо выше всех остальных». Так что его соратники вынуждены были довольствоваться пробиванием брешей в нижней части корпуса.

Внезапное появление нападающих с различных сторон борта застало команду дромонда врасплох. Хотя они упорно сражались — особенно бывшие среди них негры, — нападавшие постепенно обрели численное превосходство, поскольку на борт судна проникало все больше и больше норманнов. Защитников корабля медленно оттесняли к носу, пока все они не были убиты, за исключением немногих взятых в плен. Ярл очень хотел взять живым одного человека, выделявшегося своим ростом и красотой, и, поскольку парень стойко защищался, норманны навалились на него своими щитами. Его, должно быть, не сильно побитого, отправили с остальными пленниками на корабль епископа.

Основная тяжесть сражения легла на плечи Регнвальда, Эрлинга и их людей, которые вскарабкались на корму. «Когда Эрлинг выскочил на палубу дромонда, он получил большую рану на шее у плеча. Рана была столь серьезная, что с тех пор его голова всегда была вытянута в сторону. Поэтому он получил прозвище Кривой».

Сняв с дромонда «много добра и драгоценных вещей», захватчики подожгли его и отчалили, чтобы посмотреть, как он будет гореть. Увидев пламя, высокий пленник стал вести себя особенно беспокойно, но ни просьбы, ни угрозы не могли

заставить его говорить. Однако сильнее всего он расстроился, когда всему этому нашлось объяснение: из гибнущего судна в море хлынул каскад расплавленного металла. Обыскивая корабль, викинги не заметили скрытые в трюме запасы золота или серебра.

Немного грустные, но победоносные пилигримы поплыли на юг к укрепленному населенному пункту на африканском берегу. Чтобы иметь возможность торговать, они заключили недельное перемирие с местными жителями и продали большинство своих пленников. Но тот высокий человек оказался неходовым товаром, какую бы ему ни назначали цену, так что Регнвальд даровал ему свободу, чтобы только отделаться от него. Правда, на следующее же утро тот вернулся с «целой свитой людей», чтобы попрощаться. Он назвался князем этой местности и единоличным владельцем дромонда. Он сообщил, что хотя норманны и были теперь практически в его власти, но он обязан им, по крайней мере, своей жизнью и хорошим обращением. И все же он от всей души надеется больше никогда не видеть их лиц.

Регнвальд понял намек и отбыл в сторону Крита, вблизи которого паломники некоторое время плавали по воле ветра, пока тот не подул в сторону Палестины. Их успешное прибытие к цели — к Акре — стало поводом для настоящей церемонии, ведь люди из далекого Севера не каждый день заходили в эти воды. Они «прибыли в Акребург рано утром в пятницу и причалили с такой

пышностью и великолепием, которое тамошние жители редко видели».

И тем не менее Акре суждено было оставить у викингов скверные воспоминания. Пока они оставались в самом городе, какая-то эпидемия стала причиной смерти «многих знаменитых людей» в их рядах. Выжившие оставили город и «посетили все святые места в земле Иудейской. Они все ездили к Иордану и погружались в него». Ярл и еще один человек «переплыли его и выбрались на противоположный берег, а на той стороне оказались заросли кустарника. Они связали там большие узлы». Несомненно, узлы эти обязывали определенного человека тоже отправиться в паломничество и развязать их. «После этого они вернулись в Иерусалим», и о Святой Земле в саге больше не сказано ни слова. Жаль, что сага здесь не уделяет внимания деталям, и мы тщетно напрягаем воображение, пытаясь мысленно нарисовать себе образ этой компании тысячи потрепанных щеголей, кротко марширующих по Палестине.

Следующим по важности после «земли Иудейской» был Миклегард, «Великие Гарды», во все века притягивавшие к себе, словно магнит, странствующих викингов. Летом они вернулись к своим кораблям и отплыли в *Константинополь*.

Осень застала их на длительной стоянке, вынужденной остановке в одном порту, и единственным событием, произошедшим в это время, было то, что горожане искупали «сильно пьяного» Эрлинга Кривого, в грязи в гавани. Следующее

место, где они бросили якорь, о котором известно, было близ Галлиполи. Ожидая попутного ветра, который без хлопот пронес бы их через Дарданеллы, они проводили дни, украшая и надраивая до блеска свои ладьи ради эффектного прибытия в Константинополь. «Они тогда старались изо всех сил и приплыли с большой пышностью, так как они слышали, что так делал Сигурд Крестоносец».

Их соотечественники из среды варягов, да и вся столица были им рады. Император Мануил I осыпал Регнвальда подарками и еще более щедрыми посулами пытался убедить его людей остаться. «Той зимой они оставались у него недолгое время и были очень всем довольны».

Ложкой дегтя оказалось то обстоятельство, что их бывший проводник-дезертир Эйндриди в тот момент был в большом фаворе при дворе императора. Прилагая все усилия к тому, чтобы избежать встречи со своими бывшими товарищами, Эйндриди продолжал сеять вокруг смуту. В силу случайности конец его жизни также оказался связан с путешественниками в Йорсалир, поскольку через два года, будучи вождем восстания в Норвегии, Эйндриди был убит не кем иным, как Эрлингом Кривым.

Ярл Регнвальд со своими спутниками избегал в ту зиму всех соблазнов Константинополя. Время едва ли располагало к длительным путешествиям, но ярл внес в свои планы коренные изменения. Через Дураццо он двинулся со своим

флотом к восточному берегу Италии, чтобы добавить последний штрих к образу своего паломничества. Вместе с епископом, Эрлингом и «всеми самыми знатными людьми» он попрощался с морем и поехал верхом в Рим.

С этого самого момента со страниц повествования странным образом исчезают его ладьи. Конунг Сигурд во время предыдущего морского паломничества подарил свои корабли императору в Константинополе, после чего вернулся домой посуху. Регнвальд же, похоже, оставил ладьи на берегу с уменьшенной в численности командой на борту. О том, что с ними стало дальше, ничего не говорится. Все внимание саги сконцентрировано на Регнвальде и его окружении. Из Рима всадники отправились в длительное путешествие через Европу в Данию, а оттуда — в Норвегию.

Гостеприимный норвежский двор оказал им великолепный прием; все лето и следующую зиму они оставались там в качестве гостей. Их поездка сделала их такими же знаменитыми в их мире, как у нас знамениты исследователи космоса. Всю оставшуюся жизнь каждый путешественник в Йорсалир был словно окружен ореолом своего подвига, не менее осязаемым, хотя гораздо более редким, нежели зеленый тюрбан хаджи.

Однако пребывание Регнвальда в Норвегии недолго оставалось безмятежным. В его отсутствие узурпатор захватил его долю оркнейского владения, и острова погрязли в пучине заговоров и контрзаговоров. В Норвегии Регнвальд позаим-

ствовал корабль и весной бросился в самую гущу событий, вновь втянувшись в лихорадочную борьбу за власть, конец которой положила только его жестокая смерть.

После его смерти его тело было отдано собору святого Магнуса. И по сей день он сам — вернее, его статуя — стоит на своих ногах в этой величественной красной церкви, им же основанной, — ярл Ренгвальд, путешественник в Йорсалир, более удачливый, чем его епископ.

ГЛАВА XII

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ВИКИНГОВ

*Полдюжины поместий горят,
Полдюжины хозяйств разграблено, —
Свейн славно поработал сегодня утром.*

Дебют Свейна сына Аслеява, этого самого очаровательного из бандитов, был выдержан в должном драматическом стиле. В середине зимы он, беженец, позади которого остался только пепел родного дома, пересекает жуткий Пентланд-Ферт и убивает одного из гостей за столом самого ярла. Это само по себе уже было гнусным преступлением. Еще более мрачный оттенок придавало ему то обстоятельство, что деяние это было совершено на святки, то есть в период, когда, согласно и старинному и новому обычаю, люди должны были жить в мире.

Несмотря на то что титулом «последнего викинга» наградило Свейна его время, он все же не вполне точен. И после него еще долгие годы принимались люди за морской разбой. Однако что отличало Свейна, так это его пленительный вкус, беззаботное умение, с которым он предавался этому занятию и которое затмевало всех его конку-

реентов в те последние дни, отпущенные этому ремеслу. Его история интересна именно своими деталями, так что давайте вновь начнем сначала.

Безмолвный ярл Паль, Паль Молчаливый, сидел за своим святочным пиром, когда наш эмигрант появился среди его гостей. Свейн рассказал, как его родной дом был окружен вооруженными людьми, как его отец был убит под горящей крышей; после чего радушный прием был ему обеспечен вдвойне. Ведь там, в Кейтнесе, семья Свейна происходила из хорошего рода и владела обширными землями. Ярл указал ему почетное место по правую руку, но тот просидел там недолго. Прошло нескольких часов, и симпатия ярла сменилась злостью и гневом. Свейн обнаружил среди соседей по столу своего тезку Свейна Вережка на Грудь, такого же свирепого человека, как и он сам. Некоторое время эта парочка препиралась друг с другом, в то время как их руки уже нащупывали оружие. Потом его тезка «назвал Свейна слабаком по части выпивки». Можно ли было придумать более скверную насмешку? В тот же момент сверкнул меч Свейна, а в следующее мгновение уже он сам неслился через тьму прочь от ярости ярла.

И все же ему не суждено было стать изгоем без друзей: у него было слишком много обаяния. Перед тем как исчезнуть с Оркнейских островов, он тайно повидался с епископом и поведал ему о своем деянии. Вильям Старый выслушал его потечески и с симпатией. У епископа были с мерт-

вещом свои счеты, ведь тот был известным колдуном-язычником, так что Вильям откровенно поздравил Свейна со счастливым избавлением земли от грешника. «Епископ Вильям поблагодарил Свейна за то, что тот убил Свейна Веревка на Груди, и сказал, что этим самым тот очистил землю».

Если у на душе Свейна и лежал тогда груз совести, то теперь он был снят, притом что Свейн приобрел полезного союзника. Епископ отослал его на Гебриды, под надзор вождя по имени Хольдбольди. Но это стало для него лишь временным пристанищем, поскольку Свейн в душе всегда был перелетной птицей. Он тут же направился к берегам Мори-Ферта, где нашел прибежище у Маддада, ярла Этола.

В то свое пребывание у Маддада Свейн стал приемным отцом Харальду, сыну своего хозяина, и ему пришла в голову идея сделать юношу ярлом Оркнейских островов. Но прежде всего необходимо было сделать это место вакантным, и Свейн ловко похитил ярла Паля с Оркнейских островов и увез его в Этол, где держать его в плену было надежнее. Но тут произошла непредвиденная заминка. Регнвальд из Норвегии, который также прицеливался на место ярла, успел присвоить пустующий престол еще до того, как на него оказалось невозможным посадить Харальда. Раздраженный, но не сломленный, Свейн ринулся на Оркнейские острова, посетил тинг и, при пособничестве епископа, вступил в переговоры с Регнвальдом. Новый ярл, похоже, тут же попал под

власть его чар. Поскольку тот не слишком чувствовал себя в безопасности, его было нетрудно убедить поделить владения с Харальдом.

Свейн, успешно возведший на престол нескольких ярлов, занял теперь на Оркнейских островах высокое положение. Он позаимствовал два корабля у самого Регнвальда и вновь поплыл на юг, чтобы утолить свое собственное желание отомстить человеку, убившему его отца. Маленькая карательная экспедиция Свейна отправилась к Мори-Ферту, где они получили от ярла Этола провожатых и, оставив корабли, отправились посуху к дому убийцы. Они вступили в бой с самым главным преступником, но тому удалось спасти свою жизнь. «Тогда Свейн сжег всю его усадьбу и всех мужчин и женщин, которые были там». Боль утраты почти совсем отступила после того, как он тщательно опустошил окрестности.

Теперь сыновний долг был выполнен, и он вернулся к кораблям и принялся совершать набеги на восточное побережье Шотландии, пока осенние шторма не вынудили его отправиться на зимовку в свое поместье на Кейтнесе. Там некий «англичанин Роберт» доставил ему от Хольдбольди просьбу о помощи. Принявши Свейна как гостя на Гебридах, он теперь был изгнан из своих земель валлийцем, носившим похожее имя Хольд.

Что касается Свейна, то он всегда был готов помочь другу — особенно, когда ожидалась битва. Ранним летом он вновь занял два корабля у Регнвальда, который дал ему еще и совет беречься

предательства, которым были известны жители Гебрид. Вдоль всего западного побережья Шотландии Свейн искал Хольда Валлийца, пока не наткнулся на его следы на острове Мэн. Среди прочих свидетельств пребывания Валлийца был и убитый вождь острова. Свейн нашел его вдову столь богатой и красивой, что пообещал отомстить за причиненное ей зло, после чего, разумеется, стал ее вторым мужем.

Медовый месяц, очевидно, был очень короток, поскольку вскоре Свейн снова был в море, теперь уже в компании с Хольдбольди. Вместе они опустошили западное побережье, взяв множество добычи с ограбленных в процессе поисков Хольда земель. Только на исходе лета они нашли его в крепости на острове Ланди. Сезон уже подошел к концу, так что, после недолгой осады, Валлиец был спасен зимней погодой.

Нападавшие вернулись на остров Мэн, чтобы провести там зиму. Когда пришла весна, Свейн оставил свою супругу и был вновь готов для следующей совместной экспедиции. Но его мнимый союзник, оправдывая слова Регнвальда, извинился и уплыл восвояси. Хольдбольди тайно договорился с Хольдом о совместных действиях против Свейна. Но Свейн редко ждал, когда беда сама придет к нему. У него были два добрых оркнейских корабля, перед ним — открытое море. Он без союзников отправился в разбойное плавание.

Ирландский берег принес неплохую добычу, однако самый богатый трофей ждал его южнее,

где Свейн напал на нагруженную всяким добром баржу, которой владели монахи с островов Силли. Затем он во второй раз перезимовал на острове Мэн. Именно там заблудший Хольдбольди сделал неудачную попытку его убить. Дрожа от одной только мысли, какую участь уготовил ему Свейн, Хольдбольди стремительно бежал под защиту крепости Хольда на Ланди.

Но Свейн предпочел на этот раз не трогать Ланди. Навсегда покинув остров Мэн, он поплыл на север к Оркнейским островам. Но он просто тянул время, чтобы Хольдбольди почувствовал себя в безопасности и рискнул отправиться обратно домой на Гебриды. Однако Свейн проявил медлительность, и его добыча спаслась. В своем обычном стиле Свейн принялся опустошать усадьбу Хольдбольди и ее окрестности — да так жестоко, что хозяин больше никогда не рискнул туда вернуться.

С новой добычей на борту корабли неспешно отплыли к берегам Кейтнеса. Там Свейн был у себя дома, и это было нужно ему по вполне понятным соображениям. Все очень просто: «Когда они стали делить добычу, то Свейн сказал, что ее следует разделить поровну, но что ему, как предводителю, полагается особая доля. Им пришлось подчиниться, поскольку там было множество людей Свейна».

Однако один оркнеец, посланный ярлом Регнвальдом служить помощником Свейна в плаваньи, с гневом выразил свое несогласие. Он пере-

дал свою жалобу Регнвальду, который вознаграждал его из своих личных средств.

Вообще, отношения ярла и Свейна были, по меньшей мере, специфическими. Их связывало взаимное уважение, никогда не мешавшее Свейну под настроение поднимать оружие на Регнвальда и всегда помогавшее примирить их после каждого недоразумения.

Причиной первой ссоры между ними был задиристый парень по имени Маргад — управляющий Свейна в Кейтнесе. Его отношение к некоторым людям ярла, наряду с тем, как он с ними обходился, напоминало иногда грабеж среди бела дня. Маргад отказался подчиниться ярлу, Свейн встал на его сторону, и в результате этой парочке с шестьюдесятью своими людьми пришлось искать убежище в крепости на вершине скалы, окруженной со всех сторон морем. Чтобы лично принять участие в осаде, пришел через Пентланд-Ферт сам Регнвальд. Не сумев взять их штурмом, он принялся морить их голодом, причем обе стороны, несомненно, отпускали по адресу друг друга разные смешные шуточки. В конце концов он предложил Свейну и всем его людям, кроме Маргада, полную амнистию.

Но Свейн был не таким человеком, чтобы торговаться из-за своей безопасности. Когда провизия кончилась и капитуляция стала неотвратимой, его с Маргадом спустили в море на веревках. Не замеченные осаждающими, они поплыли, держась ближе к берегу. Путешествие пешком

привело их к берегам Мори-Ферта, — скорее всего, они направлялись к гостеприимному ярлу Этолу. Но им не пришлось идти дальше, когда они заметили на расстоянии оклика небольшое купеческое судно с Оркнейских островов. Свейн почувствовал себя как рыба в воде. Его и его товарища радостно приняли на борт. Они увеличили численность экипажа корабля до двенадцати человек и, помимо того, полностью изменили характер его деятельности. Хотя корабль и был небольшим, но под управлением Свейна он стал немалым бедствием для тех берегов, мимо которых они проходили на своем пути на юг.

Неподалеку от устья Ферт-оф-Форты Свейна задержал встречный ветер, и тот поторопился найти пристанище на острове Мэн. В ожидании лучшей погоды он коротал время, разграбив островной монастырь. В конце концов с земли монахам прибыла подмога, и Свейн двинулся дальше вверх по Ферту. В Лейте он оставил сослуживший свою службу корабль и нанес не слишком приятный визит Давиду, королю скоттов в Эдинбурге.

Судя по всему, король, вслед за всеми теми, кто до него общался со Свейном, решил, что эта компания стоит разграбленных приходов и разгромленных монастырей. Ущерб монахам и прочим пострадавшим был возмещен королем из собственного кошелька, а Свейн целых двенадцать месяцев бесчинствовал в Эдинбурге.

Когда эти месяцы подошли к концу, он вновь почувствовал, что настала пора двигаться дальше.

Король Давид добился для него от Регнвальда дарового прощения всех грехов, и тот отправился обратно на Оркнейские острова. Острова он застал в самый разгар подготовки к великому путешествию в Йорсалир. Не считая убийства в ссоре одного человека из команды Эйндриди, Свейн оставался довольно спокойным до тех пор, пока Регнвальд и его флот не отплыли прочь.

Ответственным за дела в Оркнейском владении остался Харальд, однако Свейн едва ли уважал своего приемного сына, которого он сам привел к власти. Свейн развлекался тем, что спровоцировал небольшой и веселый бунт против Харальда. В результате этого он был во второй раз изгнан с островов. Тогда он вновь отправился в Эдинбург, где ему удалось расположить к себе наследника короля Давида еще больше, чем его отца.

В это время ситуация на Оркнейских островах становилась все более и более сложной. В дело вмешался норвежский конунг, который подарил (если слово «подарил» вообще здесь уместно) долю Харальда островитянину по имени Эрленд. Тут-то Свейн и понял, что у него появился шанс поквитаться с юным выскочкой Харальдом. Он отправился на север, вступил в союз с Эрлендом и взял на себя заботу о военных действиях. Все почести в первом раунде сражений полностью принадлежали ему. Вслед за этим последовала временная передышка, предоставившая Свейну возможность собрать средства для ведения войны, причем самыми привычными для него методами.

Они с Эрлендом «отправились в поход, чтобы собрать добычу».

Их плавание было крайне успешным, а кульминация его была вообще фантастической. Они собрали множество добычи на восточном побережье вплоть до самого Ферт-оф-Форта. Неподдалеку от Северного Бервика они захватили груженое самым разным добром судно с женой владельца на борту. Жители Северного Бервика сочли вполне достаточным это оскорбление, нанесенное одному из сограждан под самым их носом. Четырнадцать судов яростно преследовали уплывавших на север оркнейцев, однако им не удалось их поймать. Слухи об этом деле, вместе с известием о том, кого Свейн похитил, достигли шотландского двора. Сага рассказывает, что король отправил целый караван навьюченных лошадей, чтобы заплатить выкуп; он «ни во что не ставил» потери своих собственных подданных, когда это было дело рук Свейна. Напротив, когда Свейн вторично, на этот раз без особой цели, появился в Форте, король предложил в подарок своему гостю дорогой щит и немного золота.

Вернувшись вновь на Оркнейские острова, Эрленд и Свейн обнаружили, что поединок за престол ярла превратился в борьбу уже трех сторон. Вернувшийся из паломничества Регнвальд предстал в качестве еще одного ярла-претендента. Каждый из них обещал другому свою помощь в страшной путанице перекрестных союзов, но в конце концов этот клубок данных и нарушенных

«Южные Острова»

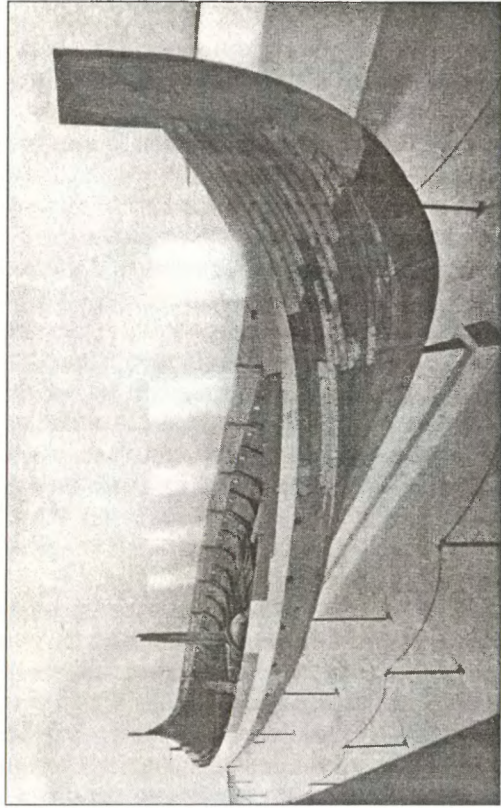
Фото — Валентин Дандек (Valentine Dundek)

клятв был распутан и исход наконец стал ясен. Соединив свои силы, Регнвальд и Харальд напали на Эрленда. Свейн же все еще оставался с Эрлендом. Исход их борьбы был поначалу столь же туманным, как и их дипломатия, но, так или иначе, именно Свейн выиграл для Эрленда первое морское сражение. Однако вскоре после этого, пока Свейн был на своем корабле, Регнвальд и Харальд неожиданно атаковали флот и убили Эрленда, «когда [тот] был пьян».

Нет сомнений в том, что Свейн почувствовал, что его профессиональная репутация запятнана; нельзя было допустить, чтобы все закончилось таким вот образом. Всего с пятерыми людьми он следил за движениями ярлов-победителей и, после нескольких захватывающих дух приключений, когда он едва спасся, он сумел умертвить того человека, который убил Эрленда.

Только после этого он почувствовал себя удовлетворенным. Со своей обычной беззаботностью он открыто обратился к Регнвальду и, как обычно, получил прощение. После этого он почти перестал тревожить Оркнейские острова, не считая редких ссор с Харальдом. Разместив свою штаб-квартиру на острове Герсей, он построил на Оркнейских островах самый большой для тех времен пиршественный зал, где и проводил свои зимовки в компании восьмидесяти близких ему по духу людей. Маленький островок неподалеку от острова Герсей — Свейнс-Хольм — по сей день сохраняет память о нем в своем названии.

Корабль из Гокстада

Вид с правого борта. Нос и части штевня — современная реконструкция.

Universitetes Oldsaksamling, Осло

Летом он был занят работой на своем хуторе; вместо традиционных летних плаваний Свейн отправлялся в свои походы весной и осенью. Однажды он зашел так далеко на юг, что оказался близ островов Силли, одержав победу в битве у острова св. Марии и собрав много добычи. В остальном его поездки едва ли отличались друг от друга до тех пор, пока он не отправился в свой знаменитый «суконный поход».

Наступили наконец те дни, когда грабительские походы по всему Северному морю стали быстро выходить из моды. Последний масштабный набег из Норвегии имел место, когда Свейн был еще в самом расцвете сил. Конунг Эйстейн, начав с Кейтнеса, где он захватил и держал в плену Харальда, ожидая выкупа, опустошил далее весь восток Британии, а также южный ее берег почти до самого Саутгемптон-Уотера. В Абердине, Хартлипуле, Уитби, на побережье Кента, а также в некоем месте, которое, судя по всему, было Портсмут, — везде остались следы его продвижения. Но в Норвегии люди уже недовольно качали головами: «народ по-разному отзывался об этом походе». Однако на Оркнейских островах обычаи викингов все еще составляли часть повседневной жизни. По крайней мере, такой вывод нас заставляет сделать тот факт, что деяния Свейна не подвергались там критике.

После смерти Регнвальда отношение Свейна к Харальду претерпело изменение в результате одного незначительного скандала. Одним из след-

ствий новой дружбы между ними стало то, что Свейн сделал сына Харальда постоянным участником своих экспедиций. Юноша этот был на борту и во время знаменитого «суконного похода». «У них было пять кораблей с веслами, и все очень большие. На них они разоряли земли на Южных островах». Однако зловещая слава, которой Свейн пользовался на Гебридах, была быстрее его кораблей: «Люди прятали все свои богатства и имущество в землю или на вершины скал. Свейн заплыл далеко на юг до самого острова Мэн, но собрал очень скудную добычу». Тогда, покинув остров Мэн, он пересек море и разграбил побережье Ирландии. «Однако когда они проплыли южнее Дублина, в море показались корабли, прибывшие из Англии и державшие курс на Дублин. Они были нагружены английскими тканями, и огромное количество другого добра было на их борту». Долго сражаться тут не пришлось: «со стороны англичан было оказано мало сопротивления». По-видимому, из презрения к таким жалким людишкам Свейн отпустил их, оставив им достаточно пищи, и наблюдал, как их суда, оставшиеся без своего груза, уплывали прочь, в то время как он со своими людьми «двинулись к Южным островам и поделили свою добычу».

«Торжествуя, они покинули запад. Свейн и его товарищи считали свои деяния столь славными, что, когда они вошли в гавань, они натянули над своими кораблями тенты из английской ткани. Когда же они подплывали к Оркнейским островам,

они пришили эту ткань к передней стороне парусов, и те выглядели так, будто все сделаны из тонкого сукна».

Но судьба была к нему благосклонна слишком долго. Свейн отправился тогда домой, чтобы, как обычно, провести лето на острове Герсей. Употребив «большую часть вина и английского меда» из своих недавних трофеев, он устроил большой праздник, на который пригласил ярла Харальда. Ярл постарался убедить старого пирата спокойно отдохнуть, наслаждаясь своей добычей. «Я полагаю, Свейн, что тебе следует теперь оставить морские походы, поскольку неплохо будет, если ты отправишься со всем своим добром домой». Свейн, однако, заявил ему, что должен совершить еще один, последний свой осенний поход: «...поскольку я понял, что я старею... и после этого похода мои путешествия закончатся».

Взойдя на «семь длинных кораблей, которые все были большие», Свейн вместе с сыном Харальда двинулись по следам своих прежних путешествий. Поначалу их добыча была столь же скудной, как и весной, однако великая цель Свейна, о которой он не забывал ни на миг, была иной — захватить сам Дублин. «Они плыли на юг до самого Дублина и прибыли туда совершенно неожиданно, так что горожане не знали об их прибытии до тех пор, пока те не вошли в город. Свейн и его люди набрали там много добра. Они взяли в плен городских правителей». Поскольку теперь Свейн держал в заложниках всех знатных

горожан, Дублин, как утверждает сага, согласился заплатить ему «такой выкуп, который он потребует; ...он также будет владеть городом вместе со своими людьми и управлять им. Дублинцы поклялись в этом».

Как никто другой, Свейн должен был знать цену подобным клятвам, однако на этот раз его перехитрили. Ночью, когда он и его люди спали на бортах своих кораблей, горожане уже готовились к его входу в город, который должен был состояться на следующее утро. Вдоль всего маршрута следования были выкопаны ямы или канавы, а в расположенных рядом домах в засадах разместились вооруженные люди. «Они положили сверху канав доски так, чтобы настил этот мог провалиться под весом человека. После этого они покрыли доски соломой так, чтобы канавы не были заметны, и стали ждать утра».

Утром, как и было заранее условлено, «самый нечестный человек во всех западных землях» сошел на берег со своей командой, намереваясь требовать выкуп. «И когда они вошли в городские ворота, горожане выстроились так, что образовали проход от ворот до канав. Свейн и его люди ничего не заметили и свалились в канавы».

Оркнейцев застали врасплох: они все оказались в ямах, а с тыла их отрезал от кораблей мощный отряд, так что у них не оставалось никакой надежды. «Они были не в том положении, чтобы защищаться, и там, в этих канавах, Свейн

и все те, кто отправился с ним в город, лишились жизни».

Вспомните, как этот старый бродяга грабил христианские монастыри, вспомните всю его жизнь в целом, а теперь послушайте, каковы были его последние слова: «Знайте, люди... что я — один из телохранителей святого ярла Регнвальда, и я уверен, что нынче же окажусь там, где он пребывает вместе с Богом».

Так умер последний из викингов.

ГЛАВА XIII

«UP-HELLY-AA»

*По сей день в этой земле
Раздаются могучие
Удары метей воинства.*

Раз в году новенькая викингская ладья вытаскивается из своего укрытия и движется к воде в одной из гаваней Британии. Раз в году ярл викингов встает на переднюю палубу корабля, «разинутая пасть которого наводит страх, а нос поражает богатством резьбы». И вновь полыхают огни в честь окончания Йоля.

Однако ладья эта не может ходить по волнам. Дубовый шпангоут заменяют раскрашенная ткань и бумага, а ее киль так же мало подходит для плавания в соленых морских водах, как и кольчуга ярла — чтобы отражать удары меча. Она совершает свой единственный поход, да и тот — посуху и на колесах. Однако в ней есть нечто большее, чем просто фантазия. Жители Шетландских островов с полной серьезностью отмечают «последнюю из Святых ночей» — «Up-helly-aa».

Едва ли найдется в маленькой столице Шетландских островов Лервике человек, который не

был бы на улице во время грандиозного события — ежегодного фестиваля. Во главе факельной процессии гроыхает на колесах ладья, на борту которой находится рулевой и великолепно наряженный ярл, сопровождаемый отрядом эскорта в соответствующих костюмах. За кормой корабля следуют около двух-трех сотен других «ряженных», все с полыхающими факелами над головами. Факелы эти служат двоякой цели. Их свет, как никакое другое освещение, заставляет блестеть металл щитов, мечей и шлемов. Когда короткое путешествие корабля подходит к концу и он оказывается у моря, искрящиеся факелы бросают ему на борт. Под аккомпанемент современных корабельных гудков и фейерверков ладья превращается в огромный костер. Но праздник *Up-helly-aa* еще не кончился. Он не будет полным, если ярл и его люди не отправятся продолжать веселье в помещение, как это происходило у викингов на празднике Йоля в древние времена.

Даже если бы Лервик не был больше ничем примечателен, то такой живописный праздник все же очень бы подходил для этого самого северного порта на Британских островах — это совершенно точно. Нигде среди жителей Британии наследственные черты норвежцев не являются столь преобладающими, как у жителей Шетландских островов. Приток шотландской и даже голландской крови не сумел ничего изменить, он только подчеркнул господствующий образ высокого, крепко сложенного народа со слегка задумчивым выра-

жением лица — таким же особенным, как и их светлые волосы и голубые глаза.

Многие из обычаев и предрассудков их прародителей-викингов сохраняются среди островитян. Приступая к морской вахте с самого Бельтана (первого мая), они по сей день кормятся с урожая, добываемого как на земле, так и на море. Нередко говорят, что шетландец — это рыбак, который занимается земледелием, а оркнеец — земледелец, который занимается рыбной ловлей. В общих чертах это довольно верно; едва ли, проходя мимо маленького хутора на Шетландских или на Оркнейских островах, вы не увидите пару весел или развешанную для просушки над копающимися в грязи курами рыболовную сеть. И на той и на другой группе островов повсюду можно услышать приятную для слуха напевную старую норвежскую речь, щедро усыпанную словечками из странных диалектов. От острова к острову, практически от прихода к приходу, идиомы и интонация чуть-чуть различаются, — однако в меньшей степени, нежели в долинах Уэстморленда и Камберленда.

Даже на Оркнейских островах — так близко от шотландской земли, — где несчастных шотландцев можно было встретить раньше в гораздо больших количествах, старые обычаи оказались столь же живучими, как и старинная манера речи. По сей день не вышла из моды оркнейская церемония женитьбы, которая, быть может, является теперь лишь подтверждением обряда помолвки.

Настоящее свадебное веселье должно длиться столько, насколько хватит освежающих напитков, — иногда несколько дней, если семья новобрачной происходит из приличного рода. Чистое Северное море и по сей день смотрит на танцующие среди вереска юные парочки — под музыку скрипачей, как это было в течение многих поколений. Из забытой древности происходит *boil*, или благословение, кусками сыра — на Шетландских островах овсяными лепешками, — совершаемое невестой, которая церемонно раздает их каждому гостю. И совсем не требуется объяснений для *сog*: эта гигантская чаша любви передается из рук в руки, чтобы каждый мог отпить из нее этот таинственный и могущественный напиток.

Жители Шетландских и Оркнейских островов действительно стоят особняком, но только вследствие высокой концентрации в этих землях викингской породы. Сильно искушение поразмышлять, насколько глубоко и на какой обширной территории могла сохраниться та же порода во всей Британии. Сколько англичан, шотландцев и ирландцев носят имена, привезенные на длинных кораблях через Северное море? Сколько жителей Британии, сами того не зная, могут претендовать на то, что среди жестоких воинов из команд длинных кораблей были и их предки?

Самые грубые, однако легко прослеживаемые черты характерны для тех областей, где захватчиков было особенно много. Когда человек говорит «t» вместо «th», здесь слышен старый норвеж-

ский язык. Несомненно, то же происхождение имеет и демократический дух независимости — это наследие свободных землевладельцев, — который не сумели подавить промышленные города. Еще один ключ — это спорт, старая любовь викингов к состязаниям. Где еще футбол, рестлинг, гонки всех видов процветают так же, как в старинных поселениях в Нортумбрии и Камбрии — в этой английской Норвегии? Более того, в самых различных частях королевства: на севере, в центральных районах Англии, даже на западе Шотландии, — проводятся необычные футбольные матчи, в которых принять участие могут все желающие. Ежегодное сражение между «верхними» и «нижними» («Uppies» and «Doonies») на улицах Керкуолла является точной копией соревнований между «Uppies» и «Downies» в камберлендской деревне Уоркингтон, а во многих английских городках и деревнях есть свои собственные варианты.

Обычаи более общего порядка распространились и на самом деле очень широко. Освящение корабля на стапелях служит напоминанием о жестокости обряде викингов. Поцелуй, которым люди обмениваются под омелой на Рождество, воскрешает память о стреле из омелы, которой был убит Бальдр. Я назвал только два примера, а их — тысячи.

Правда, происхождение некоторых из них от викингов сомнительно. Многие обычаи у таких родственных народов, как саксы и норвежцы,

были общими, так что они могут происходить как от одного, так и от другого, или от обоих сразу.

Разумеется, стремление норманнов к социальному порядку и институтам законодательства было ассимилировано англичанами в тесном единении с собственными схожими идеалами. Однако, как это случилось на острове Мэн, новые обычаи не присоединились к основной культуре, а развивались параллельно. Островной Дом Ключей сохраняет форму тинга, а Тинвальд Корт — само его имя. Одно из самых древних представительных собраний в мире — Дом Ключей — по сей день формально «огорожен» от беспорядков, что напоминает нам практику, имевшую место и на тинге. Больше того, судьи-димстеры — первые люди на островах после представителя Британской короны — имеют власть и престиж древнескандинавских законоговорителей.

Странно, как такие очевидно норвежские институты могли оказаться столь стойкими в обществе, состоящем из смешанного по происхождению народа. Так, на Гебридах та же самая кельтская примесь населения оказала гораздо большее влияние, чем на острове Мэн. Жители Западных Островов отличаются от жителей островов Шетландских и Оркнейских, от которых они отделены морем и штормами, хотя между ними и немало общего. На такое различие указывают нам, например, гебридские песни. На Шетландских островах есть свои национальные «мелодии» для скрипки; но они неуловимо отличаются от геб-

ридских, и ни один кельтский бард не смог бы придумать слова для этих однообразных мотивов.

С Гебридских островов норвежцы расселились всюду по западному побережью шотландской земли, а их родичи с Оркнейских островов отправились «брать земли» в южном направлении через Кейтнес и Сатерленд. Остальная же территория Шотландии, не считая нескольких датских пределов, расположенных к северу от границы Шотландии с Англией, не может похвастать большим количеством скандинавских названий. Но, как бы то ни было, норманны оставили весьма заметные следы в шотландском народе вообще. Разве Новый год не считается в Шотландии большим праздником, чем Рождество? А что есть другой национальный праздник Хэллоуин, как не видоизмененный Праздник Троллей?

Если же мы ограничимся географическими названиями, то найдем едва ли не лучшие из свидетельств. При условии, если их происхождение бесспорно, они могут, по крайней мере, послужить своего рода ориентирами. Так, едва ли найдется в Британии берег, на милю или две которого не придется хотя бы одна бухта или залив, в названии которых не звучит норвежское *hope*, или *wick*, или *wall*, или остров с названием на *-holm* или *-ey*.

Названия провинций Ольстера, Мюнстера и Лейнстера в Ирландии (само это название по своей форме норвежское) являются яркими свидетельствами влияния норвежцев. Вообще же норвежских названий сравнительно немного (если

не считать одно или два места в центре Ольстера), однако они разбросаны по берегам Ирландии, так что со всей очевидностью демонстрируют, сколь вездесущи были ладьи любознательных норвежцев.

По всей Англии, от Бервика до Берри-Хед в Девоне, в удивительном изобилии встречаются географические названия, в норвежском и датском происхождении которых трудно усомниться. От севера Йоркшира и до границ Суффолка оставили свой след датчане: в окончаниях *-by*, *-thorpe* и *-toft*. От Камберленда до Чешира норвежские названия распространены так же широко, как и в западной части страны. Восточная Англия предоставляет мало свидетельств, но, однако, по всей стране до самых болот Уэльса в море саксонских наименований встречаются как норвежские, так и датские географические названия. И даже в самом Уэльсе, где было мало норманнских поселений, деревни Пембрук и Гламорган носят колоритные норвежские имена.

Трудно поверить в то, что народ, оставивший столь глубокий и стойкий след на всей карте Британии, был малочислен. Разумеется, их влияние на историю Англии было продолжительным и оставалось существенным до тех пор, пока они не были ассимилированы местным населением. Едва ли кто будет спорить с тем, что именно общение с викингами вновь пробудило в саксах почти забытую любовь к морю. Однако неужели это все? Они были жестокими, их жизнь была трудна,

у них не было ничего святого, за исключением родственных чувств и личной преданности. Сам век, в который они жили, был жестоким, но они превзошли его своей жестокостью. Однако о викинге нельзя судить только по его тени.

Бесстрашные искатели приключений, отважные и свободолюбивые колонисты, защитники самых грубых представлений о справедливости и равенстве — вот какими они были, но и это еще не все. Добавьте к непоколебимой независимости их разума преданность старым обычаям, вместе с готовностью приобщаться к новым, и, наконец, чувство юмора. Вот только некоторые из положительных качеств викингов. Они были чем-то большим, нежели просто обломками, вынесенными на берег приливом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

Глава II

- ¹ Сага о Ньяле. Пер. С. Д. Кацнельсона // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 204.
- ² Сага о Харальде Прекрасноволосом. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 54.
- ³ Сага о Греттире. Пер. О. А. Смирницкой. М., 1976. С. 5–9.
- ⁴ Сага о Харальде Суровом. Пер. А. Я. Гуревича // Круг земной. М., 1995. С. 453.
- ⁵ Сага о Ньяле. Пер. В.П. Беркова // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 439.
- ⁶ Сага об Олаве Святом. Пер. Ю. К. Кузменко // Круг земной. М., 1995. С. 227.
- ⁷ Сага о Магнусе Голоногом. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 479.
- ⁸ Сага о Ньяле. Пер. В. П. Беркова // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 438.
- ⁹ Сага о Магнусе Голоногом. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 478.

- ¹⁰ Сага о Магнусе Голоногом. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 479–480.
- ¹¹ Сага о Харальде Суровом. Пер. А. Я. Гуревича // Круг земной. М., 1995. С. 455.

Глава III

- ¹ Сага о Ньяле. Пер. В. П. Беркова // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 439.
- ² Сага о Ньяле. Пер. В. П. Беркова // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 438.
- ³ Сага о Харальде Прекрасноволосом. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 65.
- ⁴ Сага о Харальде Прекрасноволосом. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 65.
- ⁵ Сага об Инглингах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 23.

Глава IV

- ¹ Сага об Олаве сыне Трюггви. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 152.
- ² Сага об Олаве сыне Трюггви. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 147.

Глава V

- ¹ П. Соьер. Эпоха викингов. Пер. с англ. А. П. Санина. СПб.: «Евразия», 2002. С. 31.
- ² П. Соьер. Эпоха викингов. Пер. с англ. А. П. Санина. СПб.: «Евразия», 2002. С. 31.
- ³ Сага о Хаконе Добром. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 68–69.

-
- ⁴ Сага о Хаконе Добром. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 68.
  - ⁵ Сага о Харальде Прекрасноволосом. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 67.
  - ⁶ Сага о Хаконе Добром. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 69.
  - ⁷ Сага о Хаконе Добром. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 69.
  - ⁸ Сага о Хаконе Добром. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 69.
  - ⁹ Сага о Хаконе Добром. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 69.
  - ¹⁰ Сага о Хаконе Добром. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 69.
  - ¹¹ Сага об Олаве сыне Трюггви. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 100.
  - ¹² Сага об Олаве сыне Трюггви. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С.150.
  - ¹³ Сага об Олаве сыне Трюггви. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 115.
  - ¹⁴ Сага об Олаве сыне Трюггви. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С.115.
  - ¹⁵ Сага об Олаве сыне Трюггви. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 120.
  - ¹⁶ Сага об Олаве сыне Трюггви. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 117.
  - ¹⁷ Сага об Олаве сыне Трюггви. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 117.
  - ¹⁸ Сага об Олаве сыне Трюггви. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 117.
  - ¹⁹ Сага об Олаве сыне Трюггви. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 117.
  - ²⁰ Сага об Олаве сыне Трюггви. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 157.

-
- ²¹ Сага об Олаве Святом. Пер. Ю. К. Кузменко // Круг земной. М., 1995. С. 173.
- ²² Сага об Олаве Святом. Пер. Ю. К. Кузменко // Круг земной. М., 1995. С. 171.
- ²³ Сага об Олаве Святом. Пер. Ю. К. Кузменко // Круг земной. М., 1995. С. 172.
- ²⁴ Сага об Олаве Святом. Пер. Ю. К. Кузменко // Круг земной. М., 1995. С. 172.
- ²⁵ Сага об Олаве Святом. Пер. Ю. К. Кузменко // Круг земной. М., 1995. С. 178.
- ²⁶ Сага об Олаве Святом. Пер. Ю. К. Кузменко // Круг земной. М., 1995. С. 178.
- ²⁷ Сага об Олаве Святом. Пер. Ю. К. Кузменко // Круг земной. М., 1995. С. 179.
- ²⁸ Сага о Харальде Суровом. Пер. А. Я. Гуревича // Круг земной. М., 1995. С. 459.

Глава VI

- ¹ Сага о Харальде Прекрасноволосом. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 61.
- ² Сага об Олаве сыне Трюггви. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 117.
- ³ Сага об Олаве сыне Трюггви. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 117.
- ⁴ Сага об Олаве сыне Трюггви. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 117.
- ⁵ Сага об Олаве сыне Трюггви. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 118.
- ⁶ Сага о Ньяле. Пер. В. П. Беркова // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 433.
- ⁷ Сага о Ньяле. Пер. В. П. Беркова // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 434.

- ⁸ Сага о Ньяле. Пер. В. П. Беркова // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 436.
- ⁹ Сага о Ньяле. Пер. В. П. Беркова // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 438.
- ¹⁰ Сага о Ньяле. Пер. В. П. Беркова // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 439.
- ¹¹ Сага о Ньяле. Пер. В. П. Беркова // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 439.
- ¹² Сага о Магнусе Голоногом. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 471.
- ¹³ Сага о Магнусе Голоногом. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 476.
- ¹⁴ Сага о Магнусе Голоногом. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 478.
- ¹⁵ Сага о Магнусе Голоногом. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 478.

Глава VII

- ¹ Сага о Харальде Прекрасноволосом. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 52.
- ² Сага о Харальде Прекрасноволосом. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 53.
- ³ Сага о Харальде Прекрасноволосом. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 53.
- ⁴ Сага о Харальде Прекрасноволосом. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 57.
- ⁵ Сага о Харальде Прекрасноволосом. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 58.
- ⁶ Сага о Харальде Прекрасноволосом. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 58.
- ⁷ Сага о Харальде Прекрасноволосом. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 58.

-
- ⁸ Сага о Харальде Прекрасноволосом. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 59.
  - ⁹ Сага о Хаконе Добром. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 68.
  - ¹⁰ Сага об Олаве Святом. Пер. Ю. К. Кузменко // Круг земной. М., 1995. С. 242.
  - ¹¹ Сага о Хаконе Добром. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 69–70.
  - ¹² Сага об Олаве сыне Трюггви. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 128.
  - ¹³ Сага об Олаве сыне Трюггви. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 128.
  - ¹⁴ Сага об Олаве сыне Трюггви. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 128.
  - ¹⁵ Сага об Олаве сыне Трюггви. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 128.
  - ¹⁶ Сага об Олаве Святом. Пер. Ю. К. Кузменко // Круг земной. М., 1995. С. 242.
  - ¹⁷ Сага об Олаве Святом. Пер. Ю. К. Кузменко // Круг земной. М., 1995. С. 243.
  - ¹⁸ Сага об Олаве Святом. Пер. Ю. К. Кузменко // Круг земной. М., 1995. С. 243.
  - ¹⁹ Сага об Олаве Святом. Пер. Ю. К. Кузменко // Круг земной. М., 1995. С. 243.
  - ²⁰ Сага об Олаве Святом. Пер. Ю. К. Кузменко // Круг земной. М., 1995. С. 243.
  - ²¹ Сага об Олаве Святом. Пер. Ю. К. Кузменко // Круг земной. М., 1995. С. 246.
  - ²² Сага об Олаве Святом. Пер. Ю. К. Кузменко // Круг земной. М., 1995. С. 251.
  - ²³ Сага о Магнусе Голоногом. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 471.
  - ²⁴ Сага о Магнусе Голоногом. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 471–472.

- ²⁵ Сага о Магнусе Голоногом. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 472.
- ²⁶ Сага о Магнусе Голоногом. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 473.
- ²⁷ Сага о Магнусе Голоногом. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 473.
- ²⁸ Сага о Магнусе Голоногом. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 473.

Глава VIII

- ¹ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 89.
- ² Сага об Эйрике Рыжем. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 119.
- ³ Сага об Эйрике Рыжем. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 119–120.
- ⁴ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 88.
- ⁵ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 89.
- ⁶ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 89.
- ⁷ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 89.

-
- ⁸ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 89.
  - ⁹ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 89.
  - ¹⁰ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 90.
  - ¹¹ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 90.
  - ¹² Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 90.
  - ¹³ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 90.
  - ¹⁴ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 90.
  - ¹⁵ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 90.
  - ¹⁶ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 92.
  - ¹⁷ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 91.
  - ¹⁸ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 91.

-
- ¹⁹ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 91.
- ²⁰ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 90.
- ²¹ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 91–92.
- ²² Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 92.
- ²³ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 92.
- ²⁴ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 92–93.
- ²⁵ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 93.
- ²⁶ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 93.
- ²⁷ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 93.
- ²⁸ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 93.
- ²⁹ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 94.

-
- ³⁰ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 94.
- ³¹ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 94.
- ³² Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 94.
- ³³ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 95.
- ³⁴ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 95.
- ³⁵ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 95.
- ³⁶ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 85.
- ³⁷ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 95.
- ³⁸ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 96.
- ³⁹ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 96.
- ⁴⁰ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 99.

-
- ⁴¹ Сага об Эйрике Рыжем. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 119.
- ⁴² Сага об Эйрике Рыжем. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 119.
- ⁴³ Сага об Эйрике Рыжем. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 119.
- ⁴⁴ Сага об Эйрике Рыжем. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 120.
- ⁴⁵ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 99.
- ⁴⁶ Сага об Эйрике Рыжем. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 120.
- ⁴⁷ Сага об Эйрике Рыжем. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 121.
- ⁴⁸ Сага об Эйрике Рыжем. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 122.
- ⁴⁹ Сага об Эйрике Рыжем. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 122.
- ⁵⁰ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 99.
- ⁵¹ Сага об Эйрике Рыжем. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 124.

-
- ⁵² Сага об Эйрике Рыжем. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 124.
- ⁵³ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 101.
- ⁵⁴ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 89.
- ⁵⁵ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 101.
- ⁵⁶ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 103.
- ⁵⁷ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 103.
- ⁵⁸ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 103.

Глава IX

- ¹ Сага о Гренландцах. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 96.
- ² Младшая Эдда. Пер. О. А. Смирницкой. М., 1994. С. 58.
- ³ Младшая Эдда. Пер. О. А. Смирницкой. М., 1994. С. 42.
- ⁴ Сага об Олаве сыне Трюггви. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 133.

- ⁵ Сага о Магнусе Голоногим. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 472.

Глава XI

- ¹ Сага о сыновьях Магнуса Голоногого. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 487.
- ² Сага о сыновьях Харальда Гилли. Пер. М. И. Стеблин-Каменского // Круг земной. М., 1995. С. 526.

Корабли, найденные в Скандинавии

КОРАБЛЬ ИЗ ГОКСТАДА

Обнаружен в 1880 г. при раскопках могильного кургана неподалеку от Сандефьорда, в Христиания — Фьорде. В настоящее время находится в Музее кораблей викингов в Осло. Общепринятая приблизительная дата его постройки — 900 г. н. э.

Общая длина: 78 футов. Длина по ватерлинии: 73 фута 3 дюйма.

Ширина бимса: 16 футов 7 дюймов. Осадка: 3 фута 7 дюймов.

Надводный борт в середине корабля: 2 фута или чуть меньше.

Длина киля: 57 футов, увеличенная за счет дейдвуда до 65 футов.

Поясов наружной обшивки — по шестнадцать с каждой стороны, их доски имеют толщину от 0,5 до 1,5 дюйма, ширину от 7 до 9 дюймов. Швы заделаны смесью шерсти коров и вара или канифоли. Уцелевший обломок мачты составляет 12,5 дюйма в диаметре; длина мачты, предположительно, достигала 40 футов. Длина реи, вероятно, составляла 35 футов, а диаметр сужался от 8,05 дюйма у стропов до 3,05 дюйма на концах. Вертикальные части форштевня и ахтерштевня крепились к килю через промежуточные детали, которые были одновременно и связаны, и скреплены нагелями. Самое длинное весло насчитывает 17 футов в длину.

КОРАБЛЬ ИЗ УСЕБЕРГА

Это судно, более низкое, чем корабль из Гокстада, возможно, предназначалось всего лишь для прогулок по морю. Оно известно своей великолепной резьбой на носу и корме, а также множеством предметов, найденных на борту. Этот корабль — еще один экспонат Музея кораблей викингов, он был найден при раскопках в 1903 г. на месте могильного холма в Вестфольде, на западной стороне Христиания — Фьорда. Общая длина — 70 футов, ширина бимса — 16 футов. Его предположительная датировка — конец того же века.

КОРАБЛЬ ИЗ ГУННАРСХАУГА

Найден в Бергене в 1887 г., сохранился частично. Дубовая обшивка более узкая и толстая, чем на двух вышеупомянутых кораблях. Очевидно, что при сооружении судна применялся тот же метод скрепления нагелями и лозой. Длина киля составляет около 56 футов.

КОРАБЛЬ ИЗ НЮДАМА

Обнаружен в болоте в Южной Ютландии и, без сомнения, относится к V веку. Его общая длина составляет 75 футов, ширина бимса — 10 футов 6 дюймов. Как и три норвежских корабля, он также обшит дубом внакрой. Однако его конструкция иная, результатом чего является то, что судно это более гибко, чем жестко скрепленные норвежские корабли. У него нет настоящего киля, обшивочные доски прикреплены к каркасу лыковыми веревками. Весла

(в среднем 12 футов в длину) располагались в ряд, и каждое было вставлено в отдельную уключину, которые веревкой крепились к верхней части перил борта. На судне имеются уключины для двадцати восьми весел. Рулевое весло веревкой крепилось к планширу и вращалось на четверть.

Основная хронология

(многие даты приведены приблизительно)

- 787 Самая ранняя запись о набеге викингов на Англию.
- 793 Викинги укрепились на Шетландских, Оркнейских и Гебридских островах.
- 793 Разорены монастыри Линдсфарн и Монкуэрмут.
- 795 Появление викингов в Дублинском заливе.
- 800 Начало постоянных набегов на Англию.
- 802 Разорен монастырь на острове Айона.
- 811 Появление норвежцев в Корке.
- 820 Появление норвежцев в Уэксфорде.
- 835 Появление датчан в английских водах.
- 836 Основание норвежских поселений в Дублине, Уотерфорде, Уиклоу и Лимерике.
- 852 Датчане достигают берегов Ирландии.
- 852 Датчане проводят свою первую зиму в Ирландии.
- 860 Разорение Винчестера.
- 860 Бьярни Железнобокий возвращается в Ирландию из Средиземноморья.
- 866 Смерть Рагнара Кожаные Штаны в Нортумбрии.
- 867 Хингвар захватывает Йорк.
- 870 Смерть Олава Белого в Дублине.
- 872 Мученическая смерть короля Эдмунда в Тетфорде.

-
- 875 Датчане захватывают Уорхэм.
878 Уэдморский мир.
901 Харальд Прекрасноволосый на северных островах — основание ярлства на Оркнейских островах.
902 Викинги временно изгнаны из Дублина.
937 Битва при Брунанбурге.
941 Анлаф (Олав) Кваран становится королем Дублина.
954 Эйрик Кровавая Секира убит в битве при Стейнсмуре.
980 Возобновление набегов на Англию.
980 Сигурд Толстый — ярл Оркнейских островов.
980 Открытие Винланда.
989 Захват Дублина Малахи.
991 Олав сын Трюггви прибывает в Англию.
994 Свейн Вилобородый прибывает в Англию.
1002 Массовое убийство викингов в день святого Брикция.
1009 Олав Святой и Торкель Высокий прибывают в Англию.
1011 Разорение Кентербери, архиепископ Альфег взят в плен.
1013 Осада Лондона Свейном.
1014 Смерть Свейна. Канут избран королем Англии.
1014 Битва при Клонтарфе.
1015 Ярл Магнус убит на Оркнейских островах.
1129 Регнвальд становится одним из ярлов-соправителей Оркнейских островов.
1152 Начало путешествия в Иерусалим с Оркнейских островов.
1174 В Дублине убит «последний из викингов».

Основные работы и источники

Heimskringla [Кпыр Земной], or The Lives of the Norse Kings. Edited by Erling Monsen. (*Heffer.*)

Heimskringla. The Olaf Saga [Capa об Олаве]. Translated by Samuel Laing. (*Dent.*)

The Saga of Grettir the Strong [Capa о Греттире Силаче]. Translated by George Ainslie Hight. (*Dent.*)

The Story of Burnt Njal [Capa о сожженном Ньяле]. Translated by Sir G. W. Dasent. (*Dent.*)

The Orkneyingers Saga [Capa об оркнейцах]. Translated by Sir G. W. Dasent. (*H. M. S. O.*)

Orkneyinga Saga. Translated by Hjalín and Goudie.

Volsunga Saga [Capa о Вельсунгах], with Songs from the Elder Edda [с песнями из Старшей Эдды]. Translated by William Morris. (*Walter Scott Publishing Co.*)

Laxdaela Saga [Capa о людях из Лососей Долины]. Translated by Muriel A. C. Press. (*Dent.*)

Также использованы переводы R. P. Ellis (*Constance Stoney*) следующих sag:

Saga of Eric the Red [Capa об Эйрике Рыжем],

Grettis Saga [Capa о Греттире],

Nornagests Saga,

Thiorik's Saga,

Herwarar Saga [Capa о Херваре],

Eyrbyggja Saga [Capa о людях с Песчаного берега].

Viking Civilisation. Axel Olrik. (*George Allen Unwin.*)

The Icelandic Sagas. W. A. Craigie. (*Oxford University Press.*)

The Viking Age. Paul du Chaillu. (*John Murray*)
Scandinavian Relations with Ireland during the Viking Period. A. Walsh. (*Talbot Press.*)

Manx Crosses. P. M. C. Kermode (*Bemrose Sons.*)
The Groundwork of British History. G. T. Warner and C. H. K. Marten. (*Blackie Sons.*)

Cambridge Medieval History (Vol. III). J. B. Bury. Edited by H. M. Gwatkin and J. P. Whitney. (*Cambridge University Press.*)

Encyclopaedia Britannica.

The Orkney Book. John Gunn. (*Nelson.*)

The Viking Isles. Peter A. Jamieson. (*Heath Cranton.*)

The Fighting Kings of Wessex. G. P. Baker. (*Bell.*)

«The Vikings and their Voyages». Article by A. MacCallum Scott in The Universal History of the World. (*Amalgamated Press.*)

«The Oldest Ship in the World». Article by Frank C. Bowen // The Navy, January 1932.

Научное издание

Дж. П. Каппер

ВИКИНГИ БРИТАНИИ

Главный редактор *Чубарь В. В.*

Ведущий редактор *Трофимов В. Ю.*

Художественный редактор *Лосев П. П.*

Корректор *Певзев В. А.*

Верстка *Капитоновой Е. А.*

Подписано в печать 15.09.2003. Формат 70 × 90 ¹/₃₂.

Усл. печ. л. 10,5. Гарнитура *OctavaC*.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Тираж 2000 экз. Заказ № 4525

ООО «Издательская группа Евразия».

197343, Санкт-Петербург, ул. Земледельческая, д. 3

Тел. 303-93-25

e-mail: evrasia@peterlink.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Эта книга является одним из классических выражений жанра научно-популярной литературы, посвященной эпохе викингов. Дж. П. Каппер рассматривает Британские острова как сборный пункт, в котором пересекались и сплетались в единый клубок судьбы десятков тысяч скандинавских воинов. На земле Британии началась и на ней же завершилась для Запада эпоха викингов. Автор прослеживает судьбы наиболее ярких личностей, которые стали символами эпохи и о которых отечественный читатель порой знает не так уж много. Детальный разбор того, что происходило в Шотландии, Ирландии, на Оркнейских, Шетландских и Гебридских островах явится для многих ценным подспорьем для восполнения лакун в информации о викингах. Структура книги позволяет отчетливо ощутить, что в эпоху викингов добрая половина Старого Света была едина, и одну из самых важных ролей в этом процессе сыграли викинги.

ISBN 5-8071-0139-1

9 785807 101396